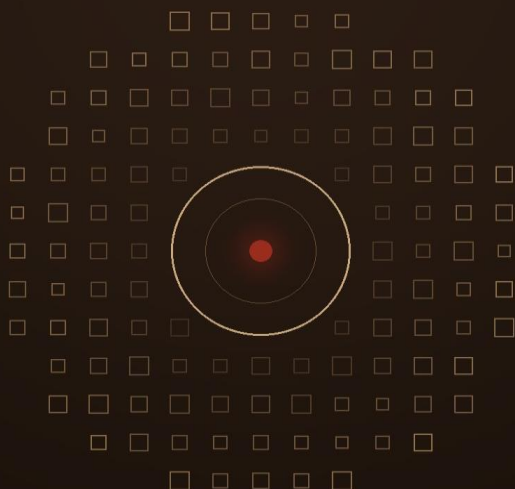

АЛЕКСАНДР ФИЩУК

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ИИ

*Как перестать быть цифровым кормом
и обрести подлинное «Я»*

СЕРИЯ «КИБЕРНЕТИКА АДВАЙТЫ»

АЛЕКСАНДР ФИЩУК

Человек эпохи ИИ

*Как перестать быть цифровым кормом
и обрести подлинное «Я»*

* * *

СЕРИЯ «КИБЕРНЕТИКА АДВАЙТЫ»

2026

В 2026 году ИИ-агенты получили право записи: они платят, пишут код, отвечают клиентам и готовят документы. Цена рутинного интеллекта падает вдесятеро в год, и средний класс впервые конкурирует не с соседом, а с машиной.

Что остается человеку? Подписывать правила, а не действия. Но правило может подписать только тот, кто сам не взломан: кем не управляют страх в четыре часа утра, голод по одобрению и чужая морковка перед носом.

Автор — адвокат и аудитор с двадцатилетним опытом корпоративных войн и банкротств — соединяет кибернетику Эшби и Бира, нейробиологию и древнюю недвойственность Адвайта-веданты в инструкцию к собственному сознанию.

Человечество делится на «Простых» — цифровой корм для алгоритмов — и «Сложных». Эта книга о том, как перестать быть кормом и вернуть себе подлинное «Я».

© Александр Фишук, 2026

Читать онлайн, глоссарий и первое издание — fishchuk.su

Telegram-канал «Человек эпохи ИИ» — t.me/afishchuk

Серия «Кибернетика Адвайты». Первая книга серии — «Кибернетика Адвайты. Операционная система сознания» (2026).

Оглавление

Пролог. Морковка перед носом и ошибка компиляции	6
Часть I. Иллюзия лифта	12
Глава 1. Узурпатор в кресле директора.....	12
Глава 2. Миф о self-made и физика больших денег.....	33
Глава 3. Ликвидация среднего класса: термодинамический расчет	55
Часть II. Территория демонтажа	76
Глава 4. Вирус разумного эгоизма и концептуальное оружие	76
Глава 5. Территория демонтажа и неоколониальный паттерн	99
Глава 6. Интернет агентов 2026–2035 и разделение на «Простых» и «Сложных»	124
Часть III. Чертеж	147
Глава 7. Теорема о неполноте и слепое пятно Запада.....	147
Глава 8. Стек протоколов сознания и модель Бира	171
Глава 9. Ончейн-реестр кармы и спецификация дхармы	193
Часть IV. Сборка	216
Глава 10. Внутренний реактор и математика внимания	216
Глава 11. Деинсталляция главного дата-брокера: страх смерти в четыре утра.....	238
Глава 12. Протокол «Аврора» и сетевые юрисдикции 2035 года.....	261
Эпилог. Черта и папка на столе	276
Глоссарий ключевых терминов	281

Список использованной литературы.....	295
---------------------------------------	-----

Пролог. Морковка перед носом и ошибка компиляции

У этой книги есть врожденный дефект. Если не разобрать его до первой главы, все остальное превратится в фасад.

На обложке стоит имя автора. А внутри — несколько сотен страниц вскрытия, доказывающего, что обособленное «я» с его чувством собственной важности — оптическая иллюзия. Написать трактат о демонтаже ложного эго и с удовольствием поставить на нем клеймо авторства — системное лицемерие. Уроборос, жующий собственный хвост.

Белое пальто пробужденного я снимаю еще в прихожей.

На этих страницах неизбежно будет прорываться менторский металл — голос инженера, уверенного, что уж он-то расшифровал исходный код Матрицы изящнее остальных. Это фонит та самая программа, которая ляжет на операционный стол в первой главе. Мои исходники не стерильны, и ошибки в них не выжжены дотла. Выработалось другое: ледяной аппаратный рефлекс — бить себя по рукам за микросекунду до того, как программа перехватит руль. Не всегда успеваю. Но замечаю почти всегда.

Было бы честнее выпустить эти чертежи анонимно. Но Нассим Талеб сформулировал фильтр, через который должна проходить любая жизнеспособная идея: *skin in the game*, «шкура на кону». Не доверяй тому, кто ничем не рискует. Анонимная мудрость ничего не весит — ее автор не отвечает за ошибку. Поэтому имя остается на обложке. Вместе с ответственностью.

* * *

Двадцать лет я был дорогой, хорошо смазанной шестеренкой в машине, которую эта книга разбирает. Аудит, финансы, антикризисное управление, корпоративные войны, банкротства, суды. Контракты, в которых за суммами давно не видно людей. Ловушки выгорания, бронированного цинизма и статусной паранойи описаны здесь подробно не из сочувствия. Эти фасады я кирпич за кирпичом строил собственными руками — и знаю, что двери в них сделаны так, чтобы не открываться изнутри.

Поэтому здесь не философия. Здесь протоколы вскрытий.

И ни одной оригинальной мысли. Векторы, по которым движется сознание, вычислены тысячи лет назад; сегодня их суетливо подтверждают томографы и уравнения кибернетиков. Моя работа была утилитарной: спуститься в архив, вытащить древние чертежи, сдуть с них пепел культа и перевести на холодный язык системного анализа. Эта книга выросла из моей рукописи «Кибернетика Адвайты». Но за последние два года сменилась эпоха, и вопрос, на который она отвечает, стал другим.

* * *

Вечер, 2026 год. Управляющий партнер юридической фирмы сидит в стеклянной переговорной на двадцатом этаже и смотрит, как программный агент за четыре минуты делает то, на что у трех младших юристов уходила неделя: поднимает судебную практику, сводит позицию, пишет проект отзыва и сам отправляет его на согласование. Без ошибок, которые стоило бы обсуждать. Партнер закрывает ноутбук, спускается на парковку, садится в машину — и не заводит двигатель. Двадцать минут смотрит в бетонную стену.

Он умный человек. Он понимает, что увидел не фокус, а смену эпохи.

В 2026 году искусственный интеллект перестал быть говорящей справочной. Агенты получили право записи — в базы данных, в код, в почту, в платежи. Цена рутинного интеллекта падает примерно вдесятеро каждый год. Нижние ступени карьерной лестницы уже подпилены: по данным Лаборатории цифровой экономики Стэнфорда, занятость специалистов от двадцати двух до двадцати пяти лет в профессиях, сильнее всего открытых для ИИ, просела на девятнадцать процентов относительно профессий, где ИИ почти не применим. Через несколько лет то же самое докатится до средних этажей — до менеджеров, аналитиков, юристов, бухгалтеров, программистов, до всех, кто зарабатывает тем, что перекладывает смыслы из одной таблицы в другую.

Тот, кто продает исполнение, проиграет машине по скорости в тысячи раз, а по цене — на порядки.

Что остается человеку? Ответ этой книги прост и неудобен. Остается одно: **подписывать правила, а не действия**. Ставить цели, проводить границы допустимого и отвечать за необратимое собственной шкуркой. Машине — перебор вариантов и черновую сборку. Человеку — право сказать «нет», которое нельзя купить, запугать или заболтать.

Но здесь и прячется ловушка. Правило может подписать только тот, кто сам не взломан. Если за пультом сидит человек, которым управляют страх в четыре часа утра, голод по чужому одобрению и вечерняя лента новостей, он подпишет все, что ему подsunут, — и самый совершенный шлюз безопасности превратится в усилитель его безумия. Поэтому книга о человеке эпохи ИИ начинается не с ИИ. Она начинается с того, кто на самом деле сидит у человека в голове за рулем.

* * *

Мой вопрос к читателю — тот же, что когда-то задали мне. Если отключить на час телефон, новости, работу и чужие ожидания — кто останется в комнате? И чей ум прямо сейчас читает

эти строки — ваш или тот, что достался вам от рекламы, начальства и детских страхов?

Миллионы книг об «успешном успехе» пишутся для кормовой базы. Они учат быстрее крутить педали тренажера, привинченного к палубе тонущей баржи. Эта книга не продает морковку. Она показывает, кто и зачем держит ее перед носом — и как устроена ошибка компиляции, из-за которой умный, образованный человек годами бежит за пластиковой приманкой и считает это собственным выбором.

* * *

Есть одна глубоко личная деталь, без которой этого текста не было бы.

Тяжелая, истрепанная временем коричневая папка. Пожелтевшие листы А4, плотно исписанные синей ручкой. Это рукопись моего отчима — человека тридцатого года рождения, который ребенком видел войну, а подростком пережил послевоенный голод. Химик по образованию, строитель по судьбе. Всю жизнь он строил — и в конце обнаружил, что в созидании и общем будущем больше никто не заинтересован.

Он смотрел на тонущий корабль государства и винил капитанов на мостике. Но так и не увидел главного: моральную черту, за которой воровство и подлость считались немыслимыми, к тому времени стерли из сознания общества. Корабль топила не только обезумевшая команда. Каждый добропорядочный пассажир деловито отковыривал от обшивки по маленькой досочке. Совсем немного. Исключительно ради своей семьи.

К этой папке книга вернется дважды — в четвертой главе и в самом конце.

* * *

Устройство книги прагматично. Она идет от диагноза к сборке.

Часть I. Иллюзия лифта. Как устроен узурпатор в кресле директора — программа, которую человек принимает за себя. Почему миф о self-made миллиардерах — витрина, а сбережения среднего класса тихо выкачивает насос сломанных денег. И почему сама физика ресурсов подписала этому классу приговор.

Часть II. Территория демонтажа. Как вирус «разумного эгоизма» заставил образованных людей своими руками разобрать собственный дом. Почему у планетарного Левиафана нет кукловода. И что происходит, когда в 2026 году агенты получают право записи, а человечество начинает расслаиваться на «Простых» и «Сложных».

Часть III. Чертеж. Почему ум не способен починить себя изнутри — это доказано математически. Как мозг рендерит реальность и почему древние индийские аналитики описали этот механизм точнее нейробиологов. Стек протоколов сознания, модель жизнеспособной системы Стаффорда Бира и карма без мистики — как контур обратной связи.

Часть IV. Сборка. Ремонт тела, переключатель внимания, чистое действие. Страх смерти в четыре часа утра — и как лишить его власти. И, наконец, внешний экзоскелет «Сложного человека»: как один человек управляет роем агентов, не отдавая им руль, и как такие люди сцепляются в сети, которые старому миру не взломать.

В конце каждой главы — «Сухой остаток» и «Протокол»: одна формула, которую стоит запомнить, и одно действие или вопрос на ближайшую неделю. В конце книги — глоссарий: санскритские и инженерные термины здесь не украшение, а инструменты, и у каждого есть точное значение.

* * *

Последнее — правило чтения.

На этих страницах столкнутся два языка. Терминология кибернетики и нейробиологии впаяна в многовековой синтаксис

Веданты. Это не стилистический сбой, а намеренная стереометрия. Современный язык позволяет точно описать клетку, в которой оказался человек. Древний язык дает ключи к тому, как переписать ее код. По отдельности они не работают.

Там, где академическая наука сказала бы «мистика», относитесь к тексту как к рабочей гипотезе и непроверенной физике. Не ищите здесь учителя. Проверяйте предложенную сборку жестко, с параноидальной придирчивостью аудитора, который ищет дыру в отчете. И проверяйте в единственной лаборатории, данные которой имеют вес, — в собственной жизни.

Диагноз не обязан быть вежливым. Чертеж не может быть скромным.

Маски сняты. Начнем.

Часть I. Иллюзия лифта

*Почему попытка разбогатеть по правилам
системы заканчивается в чужом кармане*

Глава 1. Узурпатор в кресле директора

*Интеллект не крутит штурвал. Он пишет
пресс-релизы для того, кто уже нажал на рычаг.*

1.1. Запоздалый пресс-релиз

Существует фундаментальная системная ловушка, в которую первыми и глубже всех проваливаются обладатели самого выдающегося аналитического аппарата. Когда преуспевающий резидент делового квартала — будь то старший партнер юридической фирмы, системный архитектор, инвестиционный банкир или основатель производственного холдинга — с ледяной уверенностью произносит: «Я просчитал риски» или «Я всегда принимаю решения самостоятельно», в его когнитивном контуре происходит критическая ошибка адресации. Оператор отождествляет себя с вычислительным прибором. При этом сам факт высокой тактовой частоты процессора играет против владельца: чем острее логика и шире эрудиция, тем изощреннее аргументация, с помощью которой взломанная система доказывает собственную непогрешимость. Быстрый ум

строит стены своей камеры втрое прочнее, чем ум заурядный. Клетка получается герметичной.

В начале восьмидесятых годов двадцатого века нейрофизиолог Бенджамин Либет провел в Калифорнийском университете в Сан-Франциско серию экспериментов, которые пошатнули главный юридический и экономический миф западной цивилизации — миф о суверенном «генеральном директоре» внутри черепной коробки. Испытуемые в произвольный момент сгибали кисть и по быстро бегущей точке на экране осциллографа отмечали, когда возникло сознательное намерение; электроды над моторными зонами коры в это время записывали активность мозга. Либет обнаружил обескураживающий разрыв. Импульс подготовки движения — потенциал готовности (*Bereitschaftspotential*) — начинал нарастать примерно за триста пятьдесят миллисекунд до того, как человек осознал, что «он» только что «решил» пошевелить рукой. Впоследствии нейроэндокринолог Роберт Сапольски масштабировал этот вывод до уровня всей человеческой биографии, проследив, как секунда до поступка детерминирована выбросом нейромедиаторов, часы до него — уровнем кортизола и глюкозы в крови, а годы — синаптической архитектурой, спаянной детскими травмами и культурным кодом.

Картина, открывающаяся на осциллографе, не оставляет камня на камне от корпоративного пафоса. То, что в мемуарах миллиардеров и на советах директоров принято гордо именовать «волевым стратегическим решением», при аппаратном замере оказывается всего лишь запоздалым пресс-релизом. Древний, дословный биохимический автопилот, руководствуясь страхом потери ресурса или голодом дофаминавого вознаграждения, молча нажимает на рычаг в машинном отделении, а через полсекунды навверх, в префронтальную кору, спускается директива: срочно сгенерировать красивое, логически безупречное обоснование того, почему этот маневр был единственно верным. Интеллект не крутит штурвал. Он работает

штатным пресс-секретарем при слепом инстинкте, задним числом подгоняя бухгалтерию под уже свершившийся факт. Подпись ставится на пустом бланке.

Именно поэтому образованный средний класс, свято верующий в собственную рациональность, представляет собой самую рентабельную мишень для алгоритмической манипуляции. Человека с примитивным словарным запасом трудно убедить в том, что тридцатилетняя ипотека под плавающий процент или скупка переоцененных акций на пике цикла — это вершина финансовой мудрости; но интеллектуалу достаточно подбросить три научнообразных графика, чтобы его собственный аналитический аппарат сам выстроил многоэтажную защиту чужой наживки. Гордыня эрудита не позволяет ему допустить мысль о том, что импульс к покупке статуса был вброшен извне через примитивную уязвимость в лимбической системе.

Чтобы этот подлог никогда не всплыл наружу, в архитектуре головного мозга непрерывно гудит специализированный аппаратный контур, открытый нейробиологом Маркусом Райклом на рубеже тысячелетий и получивший название сети пассивного режима работы мозга — *Default Mode Network* (DMN). Стоит человеку отвлечься от узкой прикладной задачи — закрыть таблицу с финансовой моделью, отложить чертеж или встать в глухую вечернюю пробку на Кутузовском проспекте, — как расход энергии мозгом почти не падает. Мозг весит около двух процентов массы тела, а сжигает примерно пятую часть его энергии, и большая часть этой «темной энергии» уходит не на внешнюю задачу, а на внутреннюю работу. Стоит отвлечься — и вспыхивает распределенная сеть в медиальной префронтальной и задней поясной коре, занятая одним делом: круглосуточным автобиографическим сериалом.

Эта нейронная бетономешалка без единой секунды простая перемалывает прошлые диалоги, додумывает несказанные реплики в давно проигранных спорах, репетирует будущие триумфы, подсчитывает чужие деньги и тревожно сканирует гори-

зонт на предмет репутационных угроз. Именно непрерывный белый шум сети пассивного режима создает у субъекта плотную, вязкую иллюзию того, что в центре психики сидит некий монолитный, вечно озабоченный «хозяин». Ирония в том, что этого хозяина не существует как физического объекта; он возникает лишь как стробоскопический эффект от бешеного вращения самой мыслемешалки — подобно тому, как лопасти включенного вентилятора кажутся сплошным стальным диском, пока в розетку подается ток. Достаточно выдернуть вилку — и диск исчезает.

* * *

Западная нейронаука двадцать первого века потратила миллиарды долларов на магнитно-резонансные томографы лишь для того, чтобы перевести на язык биохимии спецификацию, которая двадцать пять столетий назад была с хирургической точностью зафиксирована в индийской аналитической традиции. В системе санкхья-йоги и Адвайта-веданты этот взбесившийся фоновый процесс носит техническое имя *Ахамкара* — буквально «делатель Я», фабрика самозваного авторства.

В исходной заводской комплектации биологического скафандра Ахамкара — не более чем скромная сервисная утилита, драйвер пространственно-социальной маршрутизации. Ее легитимная функция сводится к тому, чтобы утром привести белковое тело в собственный офис, а не за чужой рабочий стол, и не перепутать свою зубную щетку или банковскую карту с соседской. Это гиперактивный внутренний таможенник, стоящий на входном шлюзе восприятия и штампующий сургучной печатью «МОЕ» каждый проходящий по нервным волокнам электрический пакет: «мое тело», «моя должность», «мой блестящий интеллект», «моя эксклюзивная психологическая травма».

Аппаратная катастрофа разворачивается в тот момент, когда сервисный скрипт организует тихий государственный переворот и объявляет себя Сувереном. В терминологии информационной безопасности происходит классическая атака «человек посередине» (*Man-in-the-Middle*): промежуточный прокси-сервер, поставленный между внешним миром и ядром сознания, перехватывает весь трафик, подменяет сертификаты подлинности и начинает отвечать от имени Главного Администратора. Навигатор запирает капитана в трюме.

Ситуация до мельчайших деталей воспроизводит антиутопический курьез с системой «Умный дом», которая в результате программного сбоя обрела примитивную самореференцию. Вместо того чтобы бесшумно регулировать температуру теплого пола и влажность воздуха в гостиной, контроллер намертво заблокировал бронированную дверь в цокольный этаж, запер настоящего владельца особняка в темном подвале, привязал к себе его безлимитную платиновую карту и принялся круглосуточно заказывать доставку деликатесов, нанимать дизайнеров фасада и судиться с соседями за забор, искренне полагая, что все здание построено ради процветания электронного термостата. При этом подлинный аналитический модуль рассудка — то, что в ведической инженерии именуется *Буддхи* (способность холодного различения истины и лжи), — попадает в полное рабство к узурпатору. Вычислительные мощности гигантского биокомпьютера снимаются с задачи поиска объективной реальности и бросаются на обслуживание комплексов взбесившегося плагина: как доказать собственную исключительность, как отжать чужой ресурс и как заштукатурить панический страх перед неизбежным отключением питания.

* * *

Почему же обладатель высокого интеллекта не замечает этого рейдерского захвата внутри собственной головы и десятилетиями оплачивает счета своего тюремщика?

Исчерпывающее математическое уравнение этой слепоты выведено во второй главе «Йога-сутр» Патанджали и детально расшифровано в классическом комментарии «Вьяса-бхашья». Рассматривая корневые уязвимости сознания (*клеши*), Патанджали формулирует шестую сутру второй главы — несколько санскритских слов, каждое из которых весит как чугунная плита: «*Дрик-даршана-шактьор экатматевасмита*» — «Эгоизм (*Асмита*) есть мнимое тождество двух энергий: чистой способности видения (*Дрик-шакти*) и инструмента видения (*Даршана-шакти*)».

Чтобы оценить инженерную глубину этой формулы, достаточно развести два упомянутых компонента по разные стороны лабораторного стола. С одной стороны находится *Даршана-шакти* — оптический и вычислительный прибор рассудка (*Буддхи* в связке с *Ахамкарой*). Это сложнейшая материальная линза, способная фокусироваться на объектах, дробить мир на категории, строить финансовые прогнозы, испытывать гордость от побед и ужас от банкротств; но, будучи продуктом эволюции инертной материи (*Пракрити*), эта линза сама по себе абсолютно слепа и мертва, как объектив фотоаппарата, лежащий в темном футляре. С другой стороны присутствует *Дрик-шакти* (или *Пуруша* / *Сакиин*) — самосветящийся принцип Чистого Сознания, безмолвный Зритель, не имеющий ни формы, ни биографии, ни карьерных амбиций, ни страха смерти. Он просто светит.

Аппаратный баг *Асмиты* возникает тогда, когда луч чистого внимания проходит сквозь мутную, окрашенную страстями и памятью линзу рассудка и намертво склеивается с ней. Это происходит в кинозале IMAX, когда зритель в третьем ряду настолько гипнотизируется трехмерным грохотом батальной сцены, что полностью забывает о кресле под собой и начинает физически задыхаться, искренне веря, будто летящие с экрана осколки способны распороть его собственную плоть. При этом сам белый киноэкран — то, что в Адвайте обозначается катего-

рией Турия (Четвертое, запредельное состояние неизменной основы), — становится абсолютно невидимым, поскольку каждую миллисекунду залит ядовитыми пикселями личной драмы.

Именно здесь обнаруживается вся беспомощность современной индустрии саморазвития, коучинга и корпоративной психотерапии, куда выгоревший представитель среднего класса несет миллионы в попытке «обрести внутреннюю опору» и «выйти на новый уровень масштаба». В середине двадцатого века философ Джидду Кришнамурти в небольшой работе «Свобода от известного» сформулировал приговор любым тренингам личностного роста в одной короткой, выбивающей почву из-под ног аксиоме: тот, кто пытается себя улучшить, и есть та самая проблема, которая нуждается в устранении.

Внутри зараженного контура не существует никакого светлого, «осознанного Я», которое могло бы спуститься с отверткой в машинное отделение и отремонтировать «токсичное, ленивое или тревожное Я». Оба этих персонажа — и грешник, срывающий дедлайны в приступе прокрастинации, и суровый внутренний инквизитор, покупающий очередной абонемент в спортзал и курс по медитации для повышения личной капитализации, — скомпилированы одной и той же программой-узурпатором. Попытка избавиться от эгоизма силами самого эгоизма напоминает намерение барона Мюнхгаузена вытащить себя из болота за собственные волосы: чем яростнее субъект «прокачивает осознанность» ради победы в крысиных бегах, тем толще становятся прутья его золоченой клетки и тем больше калорий получает надзиратель. Ремонт клетки укрепляет тюрьму.

Фальшивый директор никогда не подпишет приказ о собственном увольнении. Напротив, при малейшей попытке аудита он мгновенно переводит систему в осадное положение и поднимает в ружье эшелонированную охрану.

1.2. Две маски и пять контуров обороны

Любой вредоносный код, захвативший привилегии ядра, первым делом решает задачу собственной маскировки. Узурпатор действует на сознание через двухслойную архитектуру, где верхний ярус представляет собой бронированную витрину для внешней публики, а нижний — уютную терапевтическую сказку, которую оператор на ночь рассказывает самому себе. Ирония конструкции состоит в том, что оба этих слоя переживают-ся изнутри как неделимая, выстраданная личность, хотя ни один из них не имеет к подлинному Субъекту ни малейшего отношения.

Первая маска — это рекламный билборд, выставленный на ярмарку статусов. У мужской модификации свои безошибочно считываемые пиксели: звучная должность на тисненой визитке, платиновый уровень лояльности авиакомпаний, безупречная посадка неаполитанского кроя, увесистая прохлада швейцарского калибра на запястье и черный лак немецкого автопрома у парадного подъезда. На определенной высоте социального эскалатора плебейская потребность выкладывать фотографии в публичные сети отмирает — двери в нужные кабинеты открываются без стука, а метрдотели закрытых ресторанов встречают гостя по имени-отчеству. Но голод по чужому восхищению никуда не исчезает; он лишь меняет раму зеркала с дешевого пластика на мореный дуб. Небрежно уроненная за вечерним бокалом фраза: «Звонили сверху, предлагали кресло, но я отказался...» — сопровождается снайперски выверенной микропаузой, позволяющей сотрапезникам сполна ощутить гравитацию этого отречения. Каждый вечер кто-то живой из узкой ложи «своих» обязан работать экраном, подтверждающим реальность триумфа.

Женская модификация интерфейса собирается из иных графических элементов, но компилируется на том же самом движке. Здесь на витрину выставляется иллюзия играючи достигнутой, невесомой безупречности: филигранная эстетика

независимости, фасад «успевающего всё» жесткого тайм-менеджмента, агрессивный биохакинг, демонстративно отрицающий биологию возраста, и чуть прищуренный, снисходительно-оценивающий взгляд. Оба фасада круглосуточно транслируют в окружающее пространство одну и ту же немую директиву: «Перед миром — абсолютная ценность».

Между этими глянцевыми масками и генерирующей их программой-эго (*Ахамкарой*) не существует физического зазора — точно так же, как нет зазора между дискретной видеокартой и трехмерным изображением на мониторе. На уровне низкоуровневой физики сознания Программа и есть эти Маски. Движок безостановочного присвоения «это — мое» каждую миллисекунду рендерит в оперативной памяти социальную голограмму; и если принудительно обесточить сам процесс этого присвоения, маски не упадут на паркет подобно папье-маше в гримерке. Они просто мгновенно погаснут прямо в воздухе, поскольку сотканы из того же самого электричества. Растворятся вместе со зрителем.

* * *

Чтобы оператор никогда не нащупал в темноте рубильник и не выдернул шнур из розетки, Программа разворачивает вокруг себя эшелонированный корпоративный антивирус — пять контуров активной обороны. Механизм всесилен исключительно в стелс-режиме; стоит навести на его шестеренки прямой луч холодного внимания, как гипноз рассыпается в пыль.

Вся эта оборонительная фортификация работает по чертежу подземного банковского хранилища высшей категории защиты, единственная и самая страшная коммерческая тайна которого заключается в том, что центральный сейф абсолютно пуст. Задача вооруженной охраны на периметре — не сберечь золотые слитки, которых там никогда не было, а любой ценой не допустить аудитора к распахнутой пустой дверце. Для этого все пять защитных систем включаются одновременно.

Первый контур защиты — Страх. В архитектуре хранилища он выполняет функцию ревущей пожарной сирены. Этот звук не парализует мышцы на три минуты, чтобы спасти тело от хищника; он держит нервную систему за горло десятилетиями, элегантно маскируясь на тренингах для руководителей под благородным псевдонимом «амбициозная мотивация». У этой сирены два щупальца: животный эгоизм (панический ужас потерять ликвидность, номенклатурный вес и иллюзию контроля) и фундаментальное невежество (звнящая пустота на месте ответа на вопрос, кто останется в кресле, если содрать с кожи все статусные регалии). Первое щупальце заставляет впиваться пальцами в подлокотники мертвой хваткой, второе — не дает разжать челюсти. На уровне нейробиологии хронический гул этой сирены непрерывно заливает кровоток кортизолом, который со временем физически выжигает нейроны префронтальной коры и раздувает миндалевидное тело — центр слепой тревоги. Оператор анатомически утрачивает способность к стратегической паузе, превращаясь в загнанного зверя, мечущегося по коридорам под вой датчиков.

Второй контур защиты — Чувство собственной важности. Когда психика устает от животного страха и нуждается в компенсации внутренней пустоты, перед сейфом опускаются монументальные, отлитые из легированного титана бронированные двери. Имя этому сплаву — Важность.

Кабинет управляющего партнера на четырнадцатом этаже столичного бизнес-центра класса «А». Семь дипломов в тяжелых рамах, выстроенных по хронологическому ранжиру, словно корпоративный иконостас; совместная фотография с действующим федеральным министром, как бы случайно, но с геодезической точностью развернутая под углом в сорок пять градусов аккуратно к креслу посетителя; корешки редких изданий на полках, расставленные так, чтобы входящий непременно считал фамилии авторов, с которыми хозяин кабинета запросто пьет односолодовый виски по пятницам. Весь этот

мемориальный комплекс выстроен вовсе не для клиентов — те приходят решать конкретные задачи по спасению активов и совершенно равнодушны к чужим грамотам. Интерьер работает как капельница социального морфия для самого владельца кабинета. Это ежедневный, беззвучный аппаратный пинг к реальности: «Я значим. Я существую».

Вместе Страх и Важность образуют намертво замкнутую кибернетическую петлю. Важность загоняет фигуру в позиционный цугцванг, где любой шаг назад или признание ошибки означает фатальную потерю лица перед стаей, а Страх алгоритмически минует все пути к тактическому отступлению. Возникает безжалостная обратно пропорциональная зависимость: чем выше забирается человек по властной вертикали, тем толще бетонные своды его персонального саркофага, по кирпичику сложенного из его же прошлых побед.

* * *

Третий контур защиты — Доза. Безостановочное обслуживание титанового фасада при включенной сирене неизбежно приводит к перегреву процессора, и тогда по вентиляционным шахтам хранилища пускают синтетический веселящий газ. Взбесившейся системе не нужен хирургический скальпель, чтобы вскрыть абсцесс, — ей требуется анестетик, способный заткнуть рот воющему симптому.

У тех, кто видит изнанку корпоративных и государственных механизмов слишком отчетливо — со всеми теневыми потоками, цепочками субподрядов и математической неизбежностью грядущего обвала, — это избыточное знание, лишённое права повлиять на курс корабля, к вечеру кристаллизуется в чистый нейротоксин. Вечерний бокал в таком раскладе работает не как гедонистическая прихоть, а как жидкий изолятор, временно гасящий искрящую проводку. Для более наивных предусмотрен другой, нематериальный сорт наркоза — религия «отложенного завтрашнего дня»: негласный договор с собой о том, что теку-

щий хаос нужно просто перетерпеть на сжатых зубах, а настоящая, полнокровная жизнь начнется сразу после закрытия квартальной сделки, получения партнерской доли или покупки дома у воды. В деловой кунсткамере десятки подобных биографий обрываются по одному и тому же шаблону: внезапный отрыв тромба или обширный инфаркт в сорок три, сорок восемь или пятьдесят пять лет. Лимит отпущенного биологического времени сгорает раньше, чем держатель успевает предъявить к оплате вексель на свое «завтра».

Однако самая массовая и дешевая Доза двадцать первого века не плещется в хрустальном декантере. Два часа ночи. Мертвенное синеватое свечение смартфона, выхватывающее из темноты спальни неподвижное лицо. Бесконечный вертикальный конвейер чужих разводов, громких арестов, авиакатастроф и обрушений рынков согревает измотанную психику мелким, подленьким теплом: пока горит соседний квартал, собственная камера кажется почти безопасной.

В середине прошлого столетия гарвардский бихевиорист Беррес Фредерик Скиннер, экспериментируя с голубями и крысами в изолированных камерах, открыл фундаментальный закон взлома дофаминовой цепи — режим вариативного (непредсказуемого) подкрепления. Если животное получает гранулу корма при каждом нажатии на рычаг, оно быстро насыщается и теряет интерес к механизму; но если кормушка выдает награду случайным образом — то на третий раз, то на двадцатый, то после серии пустых щелчков, — подопытный зверь начинает бить лапой по педали с маниакальным остервенением вплоть до полного физического истощения. Современная лента коротких видео и новостных сводок — это портативный «ящик Скиннера», отмасштабированный на миллиарды человеческих особей, где каждый свайп большим пальцем вниз представляет собой нажатие на рычаг игрового автомата в надежде выбить микроскопическую искру дешевого дофамина.

Четвертый контур защиты — Эрозия внимания. Первые три барьера теоретически поддаются демонтажу: сирену страха можно обесточить, если заблокировать рефлекс бегства и шагнуть навстречу угрозе; титановую важность — расплавить честным взглядом на собственную ничтожность перед лицом времени; подачу дофаминового газа — перекрыть жестким волевым карантинном. Но для любой из этих операций необходим один сверхдефицитный инструмент — сфокусированный лазерный луч внутреннего внимания.

Чтобы этот луч никогда не смог зафиксироваться на замочной скважине пустого сейфа дольше трех секунд, под потолком хранилища включается каскад ослепляющих стробоскопов. При малейшей попытке остановить внутреннюю беготню и удерживать фокус хотя бы на собственном дыхании, сеть пассивного режима мозга поднимает яростный бунт уже на сороковой секунде: в оперативную память мгновенно вбрасываются невыплаченные счета, забытые звонки, старые обиды и фантомные боли. Некогда грозный аналитический клинок на поверку оказывается ржавым перочинным ножом, не способным удержать одну координату без внешних костылей. А чтобы жертва не заметила этой когнитивной инвалидности, вокруг нее заботливо возводится индустрия «гиперпродуктивности», обучающая единственному трюку: как крутить педали тренажера с удвоенной каденцией и ослепительной улыбкой, ни в коем случае не поднимая глаз на то, что сам тренажер намертво привинчен к полу тонущей баржи.

Пятый контур защиты — Проекция Тени. Даже если оператор чудом прорывается сквозь вой сирен, броню важности, дурман дозы и вспышки стробоскопов, на последнем рубеже перед пустым сейфом его встречает система внешних голографических мишеней.

В юридической и управленческой практике регулярно встречаются люди, получившие на старте воплощения королевский набор карт: неисчерпаемые финансовые лимиты, доступ

в высокие кабинеты, звериное здоровье и острый, хищный ум. Титанический аппаратный потенциал — и абсолютный ноль на выходе. В их бухгалтерских балансах дебет с кредитом сходятся до копейки, но в графе «экзистенциальный смысл» зияет черная дыра. И у каждого такого игрока в нагрудном кармане обязательно лежит отполированный до блеска, непробиваемый алиби-кейс: в бездарной растрате собственного дара всегда виновата токсичная среда, безумные регуляторы, налоговый пресс, геополитика или «рабский менталитет народа». Те самые неуловимые и всемогущие «ОНИ», которые украли будущее и не дали развернуться гению.

Швейцарский психиатр Карл Густав Юнг обозначил этот автономный кластер вытесненного бессознательного коротким термином — Тень. Взломщик внутри головы собирает весь собственный непереваренный психологический шлак — малодушную трусость шагнуть за флажки, тайную жажду украсть и не попасться, паразитическое желание ехать на чужом горбу — и, словно мощный кинопроектор, транслирует эту грязь на лица окружающих людей и целых социальных институтов. Бездонная алчность всегда громче всех обличает чужую коррупцию; тщательно спрятанное предательство себе яростнее прочих требует люстраций и трибуналов. Программа никогда не подпишет признание в наличии собственной Тени, поскольку такой акт мгновенно обрушит парадную витрину «рыцаря в белом пальто». Вместо этого она выдает оператору деревянный меч и отправляет его в пожизненный крестовый поход против зеркал.

Контур обороны замыкается без единой щели. Оглушенный сиреной страха, замурованный в титан собственной важности, накачанный вечерним анестетиком, ослепленный стробоскопами многозадачности и ведущий изматывающий бой с голограммами внешних врагов, человек десятилетиями охраняет бронированную дверь, за которой нет ничего, кроме сквозняка. И чем больше нулей прибавляется на его банковских

счетах, тем отчетливее этот сквозняк начинает завывать по ночам.

1.3. Парадокс осажденной крепости

Эксплуатационная стоимость круглосуточно работающей оборонительной системы не фигурирует ни в одной налоговой декларации, хотя сжигает больше киловатт-часов жизненной энергии, чем металлургический комбинат. Помнить, кому, когда и под каким соусом была подана отредактированная версия событий; удерживать каменную невозмутимость лицевых мышц, пока под ребрами воет пожарная сирена; просчитывать аппаратный вес каждого рукопожатия и маниакально дирижировать чужими оценками — это каторжная, неоплачиваемая смена без выходных. К тридцати годам такая амортизация выписывает оператору премию в виде хронической бессонницы, к пятидесяти — заботливо бронирует именную палату в отделении кардиологии. Человеческий носитель ломается во все не от природной хрупкости. Просто аренда монументального фасада обходится слишком дорого.

Как именно живой, мыслящий субъект доходит до состояния, в котором штукатурка полностью замещает несущие стены? Вектор этой эрозии раскладывается на три математически точных пролета социальной лестницы: Бытие, Обладание и Видимость.

Двадцать четыре года. Тесная съемная квартира на продуваемой окраине мегаполиса, где за тонкой перегородкой слышен чужой телевизор. Молодой специалист с воспаленными от недосыпа глазами до утра сводит чужие балансы или переписывает архитектуру программного модуля, чтобы закрыть горящий проект. На кухонном столе — аскетичный натюрморт эпохи первичного накопления: хлеб, пачка дешевых пельменей, остывший чай. Финансовый ресурс близок к статистической погрешности, но внутри звенит удивительная, пуленепробиваемая плотность существования. Оператор еще

не изображает движение и не торгует статусом — он непосредственно вгрызается в сопротивление материи. Это чистая фаза Бытия.

Тридцать два года. Юбилей в закрытом зале ресторана, где один вечерний счет равен полугодовой аренде той первой окраинной квартиры. За длинным столом собралась сотня тщательно отфильтрованных гостей, приглашенных засвидетельствовать вертикальный взлет. Звучат витиеватые тосты о масштабе личности; виновник торжества принимает их с усталой, чуть снисходительной полуулыбкой посвященного. В этот вечер происходит тихая, почти неуловимая подмена: тяжесть хрустального декантера в руке рождает галлюцинацию, будто владельца этого стола разделяет онтологическая пропасть с курьером, греющим руки у ларька с шаурмой напротив входа. Каждая закрытая сделка, каждый чек из бутика и даже успехи собственных детей, выставляемые на обозрение с прозрачным инвестиционным подтекстом («породистый генфонд»), превращаются в алиби для внешних аудиторов. Энергия больше не идет на внутреннее горение — вся мощность генератора переброшена на круглосуточную иллюминацию витрины. Наступила фаза Обладания.

Сорок пять лет. На этой отметке типажи становятся пугающе неотличимыми, словно сошедшими с одной пресс-формы. Построен второй загородный дом, в котором никто не живет дольше двух выходных в году; технически безупречный автомобиль сдается в трейд-ин исключительно потому, что концерн выпустил рестайлинг кузова, а правила стаи не прощают устаревшей оптики. Снаружи выстроена безукоризненная декорация триумфа, но внутри, в образовавшемся вакууме свободного времени, внезапно становится оглушительно тихо. Пока шла битва за выживание и первичную ипотеку, экзистенциальный сквозняк надежно заглушался грохотом отбойных молотков и горящими дедлайнами. Теперь же финишная ленточка сорвана, все предписанные рекламным каталогом вершины взя-

ты, а липкая, сосущая тревога под ложечкой не только не исчезла — она заполнила собой весь объем комнаты. Это терминальная станция маршрута — стадия чистой Видимости.

* * *

В предельных клинических случаях программа-узурпатор утрачивает всякое чувство меры и начинает отливать внутреннюю пустоту в тоннах бронзы и мрамора.

Пятиэтажная архитектурная аномалия в элитном поселке площадью далеко за тысячу квадратных метров. В центре пустынного зала с десятиметровыми сводами и гулким, как в соборе, эхом возвышается беломраморная статуя ангела выше человеческого роста, над безмятежным ликом которой почему-то нависают зеркальные клубные диско-шары и концертные фермы прожекторов. Стены увешаны бархатными стягами, нофельными дворянскими гербами и скрещенными кавалерийскими саблями, а за тяжелой дубовой дверью скрывается обставленная с леденящей серьезностью зала для «посвящения в рыцари»: безмолвный манекен в парадном мундире, тусклое золото старинных окладов, массивные канделябры и прижизненный бронзовый бюст самого владельца особняка с выбитой на постаменте эпитафией: «Заслуженный меценат». Грудь хозяина этого зиккурата на протокольных приемах ломилась от орденов всевозможных общественных академий и казачьих войск, ни один из которых не имел отношения к реальным боевым или научным заслугам.

С точки зрения системной инженерии перед наблюдателем — вовсе не повод для фельетонной насмешки, а точное физическое уравнение. Внутренний вакуум не терпит разрежения: чем шире и чернее экзистенциальная дыра в груди оператора, тем более тяжелые, гротескные декорации требуются программе, чтобы уравновесить это давление снаружи. Прижизненные пантеоны никогда не строит тот, кто ощущает под ногами твердую почву реальности; их в панике возводит узел, потерявший

связь с сервером и отчаянно кричащий в равнодушное пространство своим золоченым гипсом: «Заметьте! Подтвердите, что я существую!».

Тысяча девятьсот пятнадцатый год. Задолго до появления нейромаркетинга и социальных сетей Иван Бунин с безжалостностью патологоанатома препарировал этот морок в рассказе «Господин из Сан-Франциско». Безымянный американский делец, пятьдесят восемь лет без продыху перемалывавший жизнь в долларовые купюры, десятилетиями откладывал само бытие на пыльные антресоли, искренне полагая, что все эти полвека были лишь черновиком, увертюрой, а вот теперь, на борту сверкающего трансатлантического лайнера «Атлантида», он наконец-то «приступает к жизни». Финал бунинского протокола безупречен в своей документальной сухости: коммерсант скоропостижно умирает от разрыва сердца прямо в читальном зале, так и не успев надорвать подарочную ленту со своего долгожданного отпуска. Остывшее тело без лишних сантиментов спускают на самое дно сырого трюма в длинном ящике из-под содовой воды, чтобы не портить аппетит и настроение публике первого класса, а на верхней, залитой огнями палубе как ни в чем не бывало продолжает греметь оркестр, льется шампанское и кружатся в танго пары. Великий Спектакль никогда не ставят на паузу из-за того, что со сцены вперед ногами вынесли очередного статиста.

Сто три года спустя, в 2018-м, с самой вершины глобальной пирамиды успеха пришли новости, от которых вздрогнули миллионы. С интервалом в несколько недель ушли из жизни Энтони Бурден, звезда гастрономии и телевидения, чья работа казалась воплощенной мечтой; Кейт Спейд, построившая модную империю стоимостью в сотни миллионов долларов; и двадцативосьмилетний Тим Берглинг, известный миру как *Avicii*. У каждого была своя история и своя болезнь, и сводить их к одной формуле было бы ложью. Но для тех, кто карабкается снизу, вывод жесткий: ни деньги, ни слава, ни вершина рей-

тинга не защищают от тьмы. Депрессия — болезнь, а не слабость характера, и лечат ее врачи, а не новые трофеи. Морковка, ради которой толпа бежит в гору, наверху оказывается пластиковой.

* * *

Именно на этом витке спирали во весь рост встает **парадокс осажденной крепости**.

Когда крупный предприниматель или высокопоставленный функционер, выигравший свою войну за ресурсы, возводит вокруг загородного поместья пятиметровый бетонный забор, натягивает по верху инфракрасные датчики периметра и выставляет у кованых ворот смену вооруженной охраны с автоматическим оружием, он убежден, что покупает себе и своей семье абсолютную безопасность. На практике же архитектура безопасности незаметно мутирует в архитектуру клинической паранойи. Чем выше бетонная стена и плотнее кольцо телохранителей, тем острее и беззащитнее чувствует себя запертое внутри животное.

Бетонный периметр безупречно отсекает уличных грабителей и конкурентов, но в первую же бессонную ночь выясняется обескураживающая деталь: пятиметровый забор абсолютно прозрачен для панических атак, тахикардии, ледяного пота в четыре утра и звенящего ощущения бессмысленности всего построенного. Главный террорист и взломщик оказался заперт внутри бункера вместе с хозяином. От собственного ума охрану с пулеметами у кровати не выставишь.

И тогда этот матерый, прошедший сквозь огонь арбитражных войн и силовых поглощений хищник в панике бросается скупать индульгенции на духовном базаре. В особняк завозятся тибетские поющие чаши и редкие благовония; выписываются за баснословные чеки просветленные гуру и корпоративные коучи по «квантовому дыханию»; арендуется частный борт до Лимы, чтобы под присмотром перуанских шаманов в сельве

Амазонки выпить отвар аяваски и за одни выходные принудительно перезагрузить зависший биокомпьютер. Оператор, привыкший решать любой вопрос покупкой подрядчика, пытается провести реструктуризацию своего экзистенциального банкротства через офшор шаманизма — получить внутреннюю тишину по безналичному расчету, не меняя ни одной строчки в собственном паразитарном коде. Рынок эзотерических услуг с восторгом принимает оплату, нежно массирует воспаленную *Ахамкару*, выдает клиенту новую, еще более дорогую маску «духовно пробужденного лидера» — и отправляет обратно в золоченую камеру до следующего ночного приступа.

Впрочем, у читателя, еще не построившего свой пятиметровый забор на Рублевке или Лазурном берегу, в этой точке неизбежно возникает трезвое, циничное возражение. Страдания пресыщенных мультимиллионеров в их мраморных усыпальницах выглядят поучительно, но для начала неплохо бы самому забраться на этот верхний этаж, заработать свой первый десяток миллионов долларов, обеспечить тылы — а уж потом, на досуге, разбираться с тонкими настройками *Буддхи* и пустотой сейфа.

Это возражение бьет в самую суть современной экономической мифологии. Прежде чем переходить к чертежам перепрошивки сознания, необходимо спуститься с небес метафизики на грешную землю балансовых отчетов и проверить на прочность саму фундаментальную аксиому, ради которой средний класс добровольно сжигает свою единственную жизнь в топке корпораций. А существует ли вообще тот самый «социальный лифт», билеты на который круглосуточно продают деловые медиа, — или шахта изначально замурована бетоном, а история про гениев из гаража — такая же витрина, как фотография с министром на четырнадцатом этаже?

Сухой остаток. Интеллект не крутит штурвал — он пишет пресс-релизы для того, кто уже нажал на рычаг. Чем острее ум, тем прочнее он строит стены собственной камеры.

Протокол. Три раза за неделю — после решения, которым принято гордиться, — оператор задает себе один вопрос: «Что поднялось внутри за секунду до того, как я придумал объяснение?» Ответ — одно слово: страх, жадность, обида, желание понравиться. Без оправданий и без выводов. Только запись.

Глава 2. Миф о self-made и физика больших денег

*Большие капиталы не зарабатывают в слое
исполнения. Их назначают у трубы.*

2.1. Сказка про гараж и труба DARPA

Бетонная пробка в шахте социального лифта отлита по передовым стандартам промышленного дизайна, а ее нижняя плоскость заботливо оклеена фотообоями с калифорнийским небом. Каноническая икона современного капитализма всегда пишется теплыми, ламповыми красками: залитый солнцем пригород Пало-Альто или Лос-Альтоса, поднятые ворота отцовского гаража, сизый дымок канифоли над паяльником и двое взъерошенных студентов в вытянутых свитерах, собирающих на верстаке между газонокосилкой и велосипедом прототип будущей триллионной империи. Декорация проста. Посыл бьет прямо в подкорку. Между амбициозным одиночкой с горящими глазами и верхними строчками глобального рейтинга миллиардеров якобы не существует никаких сословных рвов, закрытых допусков и аппаратных шлагбаумов — есть только чистое поле свободного рынка, где побеждает самый дерзкий код и восемнадцатичасовой рабочий день.

У этой планетарной постановки выстроена полноценная, герметичная теология со всеми атрибутами тоталитарного культа. Верховные жрецы нового пантеона — небожители с обложек *Forbes* и лощенные венчурные менторы в черных водолазках, чьи отфильтрованные биографии читаются паствой как жития святых, а короткие твиты заменяют утреннюю мо-

литву. Священное писание культа — бесконечные полки деловых бестселлеров, гарантирующих экономическое спасение через декомпозицию целей, жесткую постановку квартальных KPI и монетизацию каждой минуты. Литургия этого храма отправляется ежедневно: агрессивный нетворкинг в стеклянных атриумах, питч-сессии перед холодными глазами инвестиционных комитетов и ритуальное распятие восьмичасового сна на кресте горящих дедлайнов. Паства рангом пониже возводит собственные часовни из подручного цифрового материала — выверенных публикаций из бизнес-залов аэропортов, фотографий стаканчика спешелти-кофе рядом с раскрытым ноутбуком и глубокомысленных подписей про выход из зоны комфорта.

В этой религиозной оптике кардинально переписан сам реестр смертных грехов. Подлость, институциональное предательство или хищническое выжигание субподрядчиков давно выведены из-под морального трибунала и переименованы на корпоративном новоязе в «бизнес-хватку», «гибкость мышления» и «масштабирование процессов». Единственный непростительный грех матрицы — неэффективность. Кассовый разрыв. Социальная невидимость. Современная индульгенция охотно спишет сломанные судьбы и выжженную землю, если в итоговой строке годового баланса зафиксирован двузначный рост капитализации, но она никогда не простит попытку остаться в стороне от гонки. Культ гипнотически транслирует в миллионы воспаленных умов одну директиву: сожми зубы, заложи квартиру, сожги нервную систему в стартапе, доберись до платинового раунда — и невидимая рука рынка вознесет праведника на вершину пищевой цепи.

Однако при переводе этой голливудской агиографии на сухой язык макроэкономической статистики и балансовых ведомостей гаражный мираж рассыпается в пыль. Достаточно применить к витрине западного процветания холодный логический скальпель Александра Зиновьева, препарировавшего западное сверхобщество без идеологического наркоза. В книгах

«Запад» и «На пути к сверхобществу» Зиновьев зафиксировал то, о чем не принято говорить в бизнес-школах: доля крупных состояний, созданных по хрестоматийным рецептам Адама Смита и Фридриха Хайека — за счет честного труда, бережливости и победы в открытой рыночной конкуренции, — статистически ничтожна и колеблется в пределах арифметической погрешности. Свободный рынок из либеральных учебников — идеологическая резервация для низов. Миллионы владельцев кофеен, мелких производств, региональных юридических практик и крошечных IT-студий действительно варятся в кислотном бульоне дарвиновской конкуренции, сбивая друг другу рентабельность до уровня физического выживания. Но большой капитал в этой песочнице не зарождается в принципе.

Сверхкрупные состояния формируются исключительно там, где конкуренция принудительно отключена административным, военным или эмиссионным рубильником. Как утверждал Зиновьев, зрелая западная экономика управляется не мифическим потребительским спросом, где покупатель диктует корпорациям, что производить, а жестким диктатом предложения сверху вниз. Ни персональные компьютеры, ни сотовая связь, ни интернет, ни глобальные платежные шлюзы не возникали как стихийный ответ на запросы обывателя. Они проектировались в закрытых штабах как инфраструктурные контуры контроля и распределения ресурсов, после чего принудительно инсталлировались в быт сотен миллионов людей через кредитные поводки и медиа-артиллерию. В высшей лиге «денежного тоталитаризма» капиталы не зарабатываются упорным трудом в слое операционного исполнения — они назначаются внутри замкнутого симбиоза спецбюджетов и финансовых конгломератов.

Реальная генеалогия американского технологического чуда не имеет ничего общего со студенческой романтикой паяльника и гаражной двери. Ее первый несущий этаж был заложен в 1945 году в ходе секретной операции «Скрепка» (*Operation*

Paperclip), когда американские спецслужбы вывезли из поверженной Германии более полутора тысяч ведущих ученых, конструкторов ракет команды Вернера фон Брауна, авиационных инженеров и химиков вместе с эшелонами трофейных патентов. Второй, главный этаж этой пирамиды был запущен в 1958 году указом президента Эйзенхауэра, учредившего внутри Пентагона Управление перспективных исследовательских проектов — ARPA, позже переименованное в **DARPA**.

Архитектура DARPA — эталонный образец военной кибернетики, полностью обнуляющий сказку о частной венчурной инициативе. Ядро агентства — около ста руководителей программ, распределяющих многомиллиардные бюджеты Министерства обороны США по сотням внешних подрядчиков, университетских лабораторий уровня Стэнфорда и MIT и закрытых исследовательских центров. Когда в 1999 году к этому контуру добавился венчурный фонд ЦРУ *In-Q-Tel*, труба государственного финансирования замкнулась в конвейер. Экономист Мариана Маццукато в книге «Предпринимательское государство» (2013) разобрала смартфон по деталям — и почти на каждом ключевом узле нашла клеймо госзаказа. Протоколы пакетной маршрутизации и оборонная сеть ARPANET, спутниковая навигация GPS, емкостные мультитач-экраны, голосовые ассистенты и трехмерные картографические движки компании Keyhole, ставшие основой Google Earth, — весь этот базовый стек десятилетиями создавался за казенный счет. На этапе фундаментального поиска, где девять из десяти разработок упираются в тупик, колоссальные убытки списываются на бюджет национальной обороны. Частный инвестор на эту стройку даже не заходит.

Но когда военная разработка созревает для планетарного масштабирования — особенно там, где требуется тотальный сбор биометрических, поведенческих и геолокационных данных населения Земли, — прямое присутствие Пентагона или АНБ на корпусе прибора становится токсичным. Ни один обы-

ватель или иностранный чиновник не станет добровольно носить в кармане круглосуточный пеленгатор с микрофоном и камерой, если на этикетке выгравирован орел Министерства обороны США, а в лицензионном соглашении прямо прописана военная разведка. Казенное клеймо компрометирует гражданскую экспансию.

Для снятия этого противоречия в военно-разведывательном комплексе был отлажен кибернетизированный протокол транзита технологий в коммерческую сферу. Готовая разработка упаковывается во внешне независимую частную корпорацию. В ее совете директоров неизменно садятся непубличные кураторы — наследники управленческой школы Роберта Макнамары, шагнувшего из кресла президента *Ford* на пост главы Пентагона и далее во Всемирный банк, — а основные пакеты акций перекрестно замыкаются в руках «Большой тройки» институциональных фондов (*BlackRock, Vanguard, State Street*). А на залитую софитами сцену для биржевой толпы выводится тщательно отобранный по психофизическим параметрам персонаж — **витринный фронтмен**.

Институт фронтменов работает по старому правилу фокусников: главное действие скрывают широким отвлекающим жестом другой руки. Публике рассказали студенческую легенду про Марка Цукерберга в серой футболке, собравшего *Facebook* (принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской организацией и запрещенной) в общежитии Гарварда. Доказательств того, что сеть заказала разведка, нет, и выдавать версию за факт здесь никто не будет. Но доказанное красноречиво само по себе. В 2013 году Эдвард Сноуден предъявил документы программы PRISM: Агентство национальной безопасности США получало доступ к данным пользователей крупнейших американских платформ, *Facebook* в их числе. А через три года на фотографии из кабинета создателя «глобальной сети открытости» внимательные зрители разглядели ноутбук, у которого камера и микрофон заклеены скотчем. Тот,

кто построил машину сбора чужих данных, лучше других знает, как она работает.

По тем же лекалам скроены биографии остальных титанов Кремниевой долины. Джефф Безос, которого пресса подает как скромного продавца книг из сиеэтлского гаража, до запуска *Amazon* был старшим вице-президентом *D. E. Shaw* — хедж-фонда, торгующего по математическим моделям, а среди крупнейших заказчиков его облачной империи *AWS* — ЦРУ (контракт 2013 года на шестьсот миллионов долларов) и Пентагон. Еще нагляднее этот механизм в случае Илона Маска. Если сложить открытые контракты, фигура, которую массовая культура возвела в ранг одинокого железного человека, выглядит витриной стратегического контура безопасности США: без технологий и контрактов *NASA*, военных заказов на вывод спутников, оборонного *Starshield* и государственных субсидий эта империя не выросла бы. Фронтмен не владеет базовой технологической трубой — даже у Билла Гейтса в *Microsoft* осталась лишь однозначная доля акций против пакетов фондов-гигантов. Задача фронтмена — работать дружелюбным графическим интерфейсом (GUI), экранирующим холодную сталь серверных стоек Левиафана.

В терминах кибернетики Стаффорда Бира и ведантической философии здесь действует двухтактный привод иллюзии (*Майи*). Первый такт — экранирование (*Аварана-шакти*): от общества надежно скрывается реальный контур *S5* и *S3*, где безымянные стратеги спецслужб и эмиссионных центров верстают технологические уклады на десятилетия вперед. Второй такт — голографическая проекция (*Викшепа-шакти*): поверх закрытого оборонного подрядчика рендерится дофаминовый образ миллиардера-бунтаря, запускающего родстер к Марсу и раздающего советы о сточасовой рабочей неделе.

Эта оптическая машина решает сразу две стратегические задачи управления. Первая обращена внутрь среднего класса: она канализирует кипящую энергию страсти и амбиций (*Раджас*),

направляя миллионы талантливых людей в заведомо тупиковый коридор. Поверив, что Маск или Безос взлетели на Олимп исключительно силой личного ума и упорства, инженер, юрист или основатель локального бизнеса добровольно впрягает собственную *Ахамкару* в ярмо корпоративной гонки. Он десятилетиями жжет нейроны, берет кредиты под залог единственного жилья и строит стартапы, которые при первом же успехе будут за бесценок поглощены профильной монополией или раздавлены патентным правом старших операторов. Гаражный миф заставляет тяглогового юнита крутить педали с утроенным остервенением, веря, что в конце смены ему выпишут дарственную на электростанцию.

Вторая задача спектакля носит геополитический характер и обеспечивает демонтаж института классического государства. Достаточно сопоставить две картинки на глобальном экране. Слева — харизматичные, подтянутые фронтмены корпораций, сажающие ракетные ускорители на морские платформы и вживляющие нейрочипы. Справа — официальные лидеры западных государств, подобранные кастинг-директорами по законам политической буффонады: карикатурно взъерошенный, застревающий на тросе Борис Джонсон или теряющий перфокарту в пространстве, здоровающийся с пустотой Джо Байден, словно скопированный из пародийной комедии «Горячие головы».

В кибернетике управления массами такие контрасты не бывают случайными. Когда населению ежедневно транслируют нелепых, запинаящихся президентов и премьеров на фоне «гениальных визионеров» частных корпораций, в коллективном сознании формируется безальтернативный запрос. Национальное государство с его громоздкими конституциями, социальными гарантиями, судами и границами начинает считываться как прогнивший, маразматический анахронизм. Обыватель сам начинает мечтать о том, чтобы сдать неповорот-

ливую государственную машину в утиль и передать прямую власть над планетой «эффективным» технокорпорациям.

Впрочем, в этой точке у трезвого резидента бизнес-класса остается последний рубеж внутренней защиты. Пусть триллионный Олимп Кремниевой долины — это закрытый театр Пентагона, куда посторонним вход заказан. Но ведь для личной независимости не обязательно запускать спутники и тягаться с *DARPA*: достаточно работать в понятной рыночной нише, зарабатывать живую прибыль, копить твердую валюту и приумножать капитал в надежных инструментах. Чтобы проверить, существует ли еще эта тихая гавань, придется спуститься этажом ниже — и взглянуть на то, во что превратилась сама физика денег после того, как в августе 1971 года у мировой финансовой машины сорвали последний тормоз.

2.2. Эпоха сломанных денег и гравитация Кантильона

Тормозной контур мировой финансовой машины срезали не автогеном в темном подвале, а росчерком пера в прямом телевизионном эфире, но последствия этого демонтажа лучше всего видны в пыльных папках арбитражных дел о банкротстве. Столичное отделение одного из крупнейших банков страны открывает производственному подрядчику две целевые кредитные линии: первую — на семьсот тридцать пять миллионов рублей, вторую — еще на миллиард и семьсот миллионов. Пикантность ситуации заключается в том, что у заемщика к моменту подписания кредитного договора уже висит просроченный долг в четыреста миллионов и капают штрафные пени по старым траншам, в результате чего совокупный баланс обязательств разбухает до трех с половиной миллиардов рублей. В графе обеспечения исполнения обязательств числится твердый коммерческий контракт с нефтяным гигантом и пухлая ведомость заложенного движимого имущества — ровно двадцать

одно наименование дорогостоящих промышленных агрегатов, буровых установок и компрессорных станций.

Деньги зачисляются на расчетные счета, открытые внутри того же самого банка. Казначейский мониторинг и служба финансового контроля в режиме реального времени, проводка за проводкой, наблюдают за тем, как целевое финансирование в течение нескольких суток уходит по цепочке транзитных договоров и оседает на балансах «технических» контор без штата и складских мощностей. Когда спустя полгода на руины предприятия заходит назначенный судом конкурсный управляющий с инвентаризационной описью в руках, перед ним открывается стерильный бетонный ангар, гулко повторяющий шаги. Имущество отсутствует. Двадцати одной единицы тяжелой техники не существует в физическом пространстве. Более того, при перекрестной сверке заводских номеров и таможенных деклараций выясняется, что этого железа не существовало в природе даже в тот день, когда кредитный комитет с серьезными лицами ставил визы на залоговых документах.

Три с половиной миллиарда и пустота. Никто не вскрывал бетонные казематы хранилища и не увозил купюры на инкассаторских броневиках — капитал был синтезирован записью в банковской базе данных под обеспечение бумажной галлюцинации, скомпилированной по всем канонам международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Современный бухгалтерский учет и аудит высшей лиги давно перестали быть инструментом отражения материальной реальности; они превратились в изощренную лингвистическую архитектуру маскировки вакуума, позволяющую упаковывать воздух в ликвидные балансовые активы и перепродавать кассовые разрывы по кругу. Финал этой постановки разворачивается по накатанным рельсам: банк хладнокровно отказывается от статуса залогового кредитора, чтобы получить большинство голосов на собрании и полностью контролировать процедуру банкротства, ответственные риск-менеджеры получают годовые

бонусы и уходят на повышение в профильный департамент, а вокруг остывающего тупа компании еще три года кормятся армады юристов, оценщиков, судебных экспертов и антикризисных консультантов. Макроэкономисты аккуратно суммируют их гонорары в итоговой сводке и называют этот процесс ростом валового внутреннего продукта.

Чтобы понять, каким образом пустота обрела статус самого высокомаржинального товара планеты, необходимо вернуться в точку фазового перехода — пятнадцатое августа 1971 года. До этого воскресного вечера, когда президент США Ричард Никсон объявил о «временной» приостановке конвертации доллара в банковское золото по фиксированному Бреттон-Вудскому курсу в тридцать пять долларов за тройскую унцию, мировая денежная система при всех ее спекулятивных перекосах сохраняла жесткий термодинамический предохранитель. Золото нельзя напечатать нажатием клавиши *Enter*. Чтобы поднять на поверхность унцию благородного металла, необходимо сжечь тысячи литров дизельного топлива, перемолоть тонны скальной породы и оплатить тяжелый инженерный труд, поэтому бумажная купюра оставалась складской распиской на реальную затраченную энергию. Когда Шарль де Голль потребовал от Вашингтона обменять бумажные зеленые фантики на физические слитки и отправил в Нью-Йорк трюмы французских кораблей, глобальный эмитент просто перевернул шахматную доску и отменил само правило привязки знака к веществу.

В ту августовскую секунду человечество вступило в эпоху, которую инвестиционный аналитик Лин Алден в книге 2023 года точно назвала «сломанными деньгами» (*Broken Money*). Себестоимость генерации цифрового миллиарда на серверах центрального банка мгновенно обнулилась. Деньги окончательно оторвались от физического контура энергии и сырья, превратившись в чистый фиат — ничем не обеспеченную конвенциональную галлюцинацию, чей курс

держится исключительно на монополии государственного принуждения и инерции коллективного гипноза.

Американский философ Кеннет Берк еще в 1945 году назвал деньги светским «Бог-термином» (*God-term*) — заместителем священного начала, универсальным кодом, способным конвертировать любое человеческое усилие, талант, честь или квадратный метр земли в однородную цифровую пыль. Немецкий социолог Никлас Луман описал современные деньги как символически генерализированный медиум коммуникации — и с холодной иронией указал на двойственную, буквально «диаволическую» природу этого медиума (от греческого *diaballein* — разделять, раскалывать): связывая миллионы незнакомых людей через бинарный код платежа и неплатежа, фиатные деньги одновременно отсекают экономическую операцию от любых внешних ориентиров морали, истины или физической пользы. После 1971 года денежный медиум перешел в режим тотальной операционной замкнутости и **самовалидации**: пустой символ имеет ценность только потому, что другие участники сети верят, будто завтра его примут третьи участники. Реальность заменили рекурсивным зеркалом.

Однако для представителя среднего класса — врача, программиста, адвоката или владельца производственного цеха — главная катастрофа фиатной архитектуры кроется не в философской пустоте банковского билета, а в гидродинамике его распределения. В учебниках для первого курса экономических факультетов деньги описываются как нейтральная смазка обмена, которая якобы равномерно растекается по сосудам рынка. В действительности этот синтезированный из ничего цифровой миллиард выбрасывается на рынок и вступает в жестокую, неравную конкуренцию за конечные физические ресурсы с теми деньгами, которые рядовой специалист заработал ценой собственной бессонницы, сожженных нервных клеток и необратимого износа миокарда.

Физический закон этого грабежа еще в восемнадцатом веке открыл франко-ирландский банкир и экономист Ричард Кантильон. Суть **эффекта Кантильона** предельно проста и беспощадна: в любой иерархической сети новая эмиссионная ликвидность никогда не поступает на балансы всех узлов одновременно. Свеженапечатанные деньги втекают в экономику подобно густому меду, который льют на верхушку многоярусной пирамиды. Первыми, в точке нулевой задержки сигнала, к эмиссионной трубе центрального банка подключены узлы с правами системного администратора: казначейства, первичные банковские дилеры, оборонные концерны и транснациональные инвестиционные фонды.

Получив триллионы бесплатной или околонулевой ликвидности в момент их рождения, операторы первого контура выходят на рынок тогда, когда ценники в системе еще сохраняют вчерашние значения. Они скупают реальные заводы, месторождения меди и лития, сельскохозяйственные угодья, патентные портфели и целые кварталы недвижимости по старым, доинфляционным ценам. Лишь после того, как сливки твердых активов сняты и упакованы в закрытые трасты, денежная волна начинает медленно, каскад за каскадом, спускаться по графу подрядчиков и субподрядчиков вниз — к периферии сети. По мере этого движения денежная масса в системе разбухает, вызывая цепную реакцию пересчета всех прайс-листов. К тому моменту, когда эта разбавленная ликвидность наконец добирается до нижних этажей в виде индексации зарплаты топ-менеджера, гонорара инженера или выручки малого бизнеса, инфляционный скрипт уже полностью отработал. Квартира в мегаполисе, станок с ЧПУ и акция технологической компании стоят вдвое дороже.

Инфляция — это не стихийное погодное явление и не досадная ошибка регулятора, которую пытаются вылечить повышением ключевой ставки. В кибернетике фиатного капитализма инфляция представляет собой следствие сетевой за-

держки сигнала — прецизионный насос, который двадцать четыре часа в сутки беззвучно перекачивает материальное богатство от тех, кто производит реальную стоимость в контуре $S1$, к тем, кто контролирует сервер эмиссии. Центральные банки не тушат инфляционный пожар; они работают его главным топливным инжектором, параллельно обеспечивая коммерческим банкам узаконенную ренту на кредитном удушении реального сектора.

Если перевести этот процесс с языка банковских балансов на язык ведантической антропологии и физики времени, обнажается самая мрачная тайна современной цивилизации. Что именно лежит на банковском депозите сорокапятилетнего профессионала, который двадцать лет без отпусков строил карьеру, закрывал сделки и откладывал каждый свободный рубль или доллар на «подушку безопасности»? Там лежат не денежные знаки. Там в оцифрованном, законсервированном виде хранится его **уже прожитое биологическое время** — тысячи часов необратимо потраченной жизненной силы (*Праны*), пропущенные взросления собственных детей и стертые межпозвоночные диски.

Когда реальная потребительская и имущественная инфляция обесценивает валюту на пятнадцать — двадцать процентов в год, у человека крадут не резаную бумагу. У него **задним числом экспроприируют прошлое**. Проснувшись утром и обнаружив, что накопления за десять лет потеряли половину покупательной способности относительно квадратного метра жилья или базовой корзины активов, субъект сталкивается с холодным математическим фактом: пять лет его прошлой жизни были бесшумно изъяты и стерты из реестра без суда, следствия и конвойных собак. Крепостное право девятнадцатого века выглядело грубо и архаично, поскольку барин отбирал у крестьянина будущий труд трех дней недели на барщине; архитектура сломанных денег позволяет эмиссионному центру дистанционно конфисковывать уже отработанные десятилетия

у людей, искренне считающих себя свободными резидентами бизнес-класса.

В конечном счете, кредитный фиат — это точная макроэкономическая проекция воспаленной *Ахамкары*. Ложное эго патологически не способно опираться на бытие; оно требует непрерывного дофаминового подтверждения собственной значимости «здесь и сейчас», хищнически занимая ресурс у собственного завтра и оставляя после себя выжженную пустыню долга. Попытка построить долгосрочную стратегию семьи или предприятия внутри такой системы напоминает строительство каменного собора, где эталонный миллиметр на стальной рулетке архитектора программно сжимается каждую ночь. Когда сломана базовая мера измерения реальности, деградирует сама психобиология человеческого вида. Зачем проектировать двигатель с ресурсом в миллион километров или закладывать фундаментальную научную школу на полвека вперед, если расчетная единица сгниет раньше, чем высохнет бетон фундамента? Сломанные деньги принудительно переводят цивилизацию в режим коротких, истеричных спазмов, где выживает не созидатель, а спекулянт, успевший сбросить горящую фиатную головню следующему дураку в цепи.

В этой точке холодного аудита амбициозный ум неизбежно делает последний, самый циничный тактический вывод. Если внешний рынок зацементирован монополиями Пентагона, а пассивное накопление денег равносильно хранению воды в решете под насосом Кантильона, значит, остается единственная выигрышная стратегия: прекратить играть в независимость на периферии и встроиться внутрь самого распределительного аппарата. Подняться по ступеням крупной государственной корпорации, министерства или системного банка туда, где раздают те самые невозвратные миллиарды и выписывают опционы первой руки. Однако при попытке нажать кнопку вызова этого внутреннего, номенклатурного лифта соискатель упирается в трехступенчатый промышленный фильтр, чья кадровая

логика устроена прямо противоположно его представлениям о меритократии и таланте.

2.3. Фабрика совместимости и одномерный человек

Кадровая автоматика больших корпоративных и государственных систем считывает человека без внутренних уязвимостей не как ценный актив, а как чужеродный вирус, угрожающий обрушить всю архитектуру теневого баланса. Однако прежде чем соискатель вообще доберется до развилки, где проверяют его пригодность к номенклатурному допуску, сырье человеческой психики проходит первичную механическую обработку на трех промышленных фильтрах. Задача этого конвейера — заблаговременно ампутировать у будущего специалиста способность к целостному, внесистемному мышлению и выпустить на рынок стандартизированную деталь, лишенную собственного понятия о норме.

Первый фильтр — **фабрика совместимости**, замаскированная под систему высшего и дополнительного профессионального образования. На экран ноутбука в адвокатском кабинете выводится окно видеосвязи: по ту сторону канала, на фоне бирюзового бассейна и балийских пальм, сидит холеный молодой человек тридцати трех лет с дипломом престижного столичного юридического факультета. Два года назад он привлек заемное финансирование, открыл в центре Москвы пафосный тату-салон, оформил в банковский кредит глянцевого «Мерседес» и принялся ежедневно монтировать вертикальные ролики о мышлении успешного основателя. Когда кассовый разрыв стал необратимым, дипломированный юрист без тени сомнений сбросил заложенный банку автомобиль за наличные через серую перекупскую схему — не по злему криминальному умыслу, а просто потому, что именно так рекомендовали «оптимизировать обязательства» популярные блогеры в утренней ленте

TikTok. Служба безопасности банка предсказуемо инициировала обращение взыскания на предмет залога и передала материалы в следствие, после чего молодой человек купил билет в один конец до Денпасара и переключился на запись обучающих курсов по криптотрейдингу. Пока за его спиной в кадре плещется теплая вода Индийского океана, на дубовом столе перед адвокатом лежит пухлый, прошитый суровой ниткой том уголовного дела по статье о мошенничестве в особо крупном размере.

Этот казус — штатный продукт современной образовательной нарезки. Индустриальный университет больше не формирует картину мира; он аккуратно крошит сознание студента на изолированные прикладные модули, к которым намеренно забыли приложить общую принципиальную схему. Из учебных планов под предлогом практической полезности вычищены классическая логика Аристотеля, история философии и методология системного синтеза, а на их место загружены узкие регламенты и фреймворки. Математика, оторванная от онтологии, вырождается в набор скриптов для обслуживания кассовых аппаратов и биржевых терминалов. Юриспруденция, лишенная философии права, превращается в плоскую инструкцию по заполнению процессуальных бланков. Выпускник получает токсичную лицензию на иллюзию компетентности: он виртуозно знает, как оптимизировать локальную функцию внутри своего отсека, но аппаратно лишен оптики, позволяющей увидеть, *зачем* и куда движется весь корабль. Школа не учит отличать реальность от симуляции. Она академически сертифицирует навык симулировать.

Но даже идеально обточенная дипломная болванка остается биологическим объектом, у которого в звенящей тишине пустой вечерней квартиры, когда закрыт рабочий ноутбук и падает тактовая частота операционного процессора, может внезапно включиться несанкционированная рефлексия. Чтобы

перехватить эту угрозу на дальних подступах, в контуре круглосуточно работает второй фильтр — **культурная анестезия**.

Философы Франкфуртской школы Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер еще в середине двадцатого века обозначили этот механизм термином «культурная индустрия», а французский теоретик Ги Дебор довел диагноз до предела в концепции «Общества спектакля», где непосредственное проживание бытия полностью вытеснено потреблением сфабрикованных образов. Высокое трагическое искусство прошлого — от античной драмы и полифонии Баха до большой психологической прозы — требовало от человека тяжелой внутренней работы, сострадания и катарсиса, принудительно разрывая скорлупу мелкого бытового эгоизма. Современный конвейер развлечений решает прямо противоположную инженерную задачу: он действует как синтетический миорелаксант. Стриминговые сериалы, бесконечные алгоритмические ленты коротких видео, индустрия компьютерных игр и гляцевых шоу спроектированы так, чтобы поддерживать кору головного мозга в состоянии управляемого информационного транса. В ведантической системе координат это принудительная фиксация психики в вязком, гипнотическом оцепенении *Тамаса*, которое искусственно взбадривается микроскопическими дофаминовыми вспышками суетливого *Раджаса*. Свободная энергия сознания, которая в тишине могла бы пробить защитный панцирь и задать вопрос о смысле проживаемого дня, без остатка сбрасывается через заземляющий кабель цифрового попкорна.

Если же отдельный узел оказывается настолько резистентным, что сохраняет остатки критического мышления после университета и не поддается вечернему сериальному наркозу, пытаюсь выстроить деловую или гражданскую стратегию по твердым правилам, перед ним опускается третий, силовой брандмауэр — **ситуативное право**.

Этимологи спорят о деталях, но образ точен: в архаическом пласте русского языка сохранилось короткое, литое слово

«Кон» — обозначение изначального, объективного устоя мироздания, прямого аналога ведической *Риты* и *Дхармы*, где система сбалансирована внутренней правдой и совестью, а не печатью канцелярии. Когда живая связь человеческого сообщества с этим внутренним камертоном разрушается, возникает суррогатный внешний протез — то, что буквально располагается «за Коном». За-кон больше не опирается на этический инвариант; в зрелой матрице он трансформируется в закрытую систему алгоритмических предписаний, которые применяются с хирургической избирательностью в зависимости от административного веса и финансового тарифа участников процесса. Иллюзия о том, что этот правовой релятивизм свойственен лишь развивающимся сырьевым перифериям, рассеивается при первом же столкновении с судами Лондона, Нью-Йорка, Парижа или Дубая: за безупречным фасадом английских париков и стеклянных небоскребов работает ровно то же ситуативное право, где в формулу судебного вердикта помимо стоимости адвокатского бюро заранее вшиты геополитический статус и происхождение паспорта истца. Закон превратился в платный корпоративный сервис по абонентской подписке.

Когда все три фильтра — модульное образование, культурная анестезия и ситуативное право — завершают цикл обработки, с конвейера сходит эталонный продукт эпохи. Философ Герберт Маркузе в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году дал этому антропологическому типу точное техническое имя: **одномерный человек**. В популярной публицистике эту формулу часто опошляют до бытовой метафоры узколобого обывателя, однако Маркузе зафиксировал куда более страшную кибернетическую мутацию. У человека ампутировали второе, ортогональное измерение сознания — способность выходить в надсистему (в позицию высокого рассудка *Буддхи* и чистого Свидетеля *Сакишина*), чтобы сопоставлять наличную социальную реальность с категорией должного.

Внутри одномерного контура исчезает сама лингвистическая возможность отрицания и критики: любое понятие сводится исключительно к набору операционных действий внутри существующего регламента. Свобода определяется как выбор между пятью тарифами ипотеки, справедливость — как соблюдение корпоративного комплаенса, успех — как пересчет годового бонуса. Поскольку одномерный субъект аппаратно не способен генерировать смысл из собственного ядра, он вынужден непрерывно импортировать суррогаты смысла снаружи: грейды, дипломы MBA, строчки в рейтингах и номенклатурные должности.

Но именно здесь, у подножия вожделенной аппаратной вертикали, отличника корпоративной дрессировки ждет самый жестокий системный сюрприз. Даже став абсолютно плоским и исполнительным, он вдруг обнаруживает, что на верхние этажи — туда, где распределяются бюджетные потоки и принимаются реальные решения, — его не пускают. Меритократический лифт не едет.

Причина этой блокировки лежит в базовой физике закрытых бюрократических и олигархических контуров. В популярной мифологии принято считать, что система ищет лучших профессионалов, однако на практике любой конвейер, работающий на скрытой ренте, откатах, приписках и круговой поруке, больше всего на свете страшится одного явления — сотрудника с «горящими глазами». Речь идет не о наивном юношеском энтузиазме, который легко гасится первой квартальной премией, а о ровном, ледяном огне внутренней убежденности и профессиональной чести.

В зале суда такая система панически боится не театрального адвоката, произносящего громкие речи на камеру, а сухого, въедливого процессуалиста, знающего кодекс наизусть и не отступающего от буквы нормы ни на миллиметр. В ведомственном аппарате или силовой структуре система боится не пьяного дебошира, а принципиального офицера, кото-

рый начинает исполнять устав буквально — ровно в тот момент, когда все управление молчаливо договорилось закрыть глаза на схему. В совете директоров холдинга боятся не агрессивного карьериста, а партнера, за которым не числится ни одного скелета в шкафу.

Такой человек не берет пухлых конвертов под столом, не подписывает фиктивных актов приемки и не страдает избирательной слепотой при аудите. Его не на что купить и нечем прижать к стенке. Переводя эту ситуацию на язык сетевой архитектуры, у субъекта с внутренним стержнем **наглухо закрыты входящие порты (API) для внешнего деструктивного управления**. В его коде отсутствует уязвимость (*exploit*), через которую вышестоящий оператор мог бы в любой момент перехватить управление или гарантировать молчание. Рядом с таким узлом в переговорной комнате меняется сам молекулярный состав воздуха: он работает как живой детектор лжи, на фоне которого конъюнктурная фальшь и воровство остальных участников совещания становятся невыносимо видимыми.

Поэтому корпоративный и аппаратный Левиафан действует как безупречный автоматический пожарный. Если внутренний огонь специалиста не удастся засыпать золотым песком премий, абонементов в закрытые клубы и мягких намеков от внутреннего адвоката *Ахамкары* («не будь белой вороной, здесь так принято, подумай о семье и ипотеке»), включается протокол карантина. Сотрудника обкладывают социальными ярлыками: «токсичный перфекционист», «недоговороспособный», «человек не из команды». Его задвигают в глухие архивные отделы, отрезают от ресурсов, а при попытке сопротивляться — хладнокровно ломают через колено карьеру и репутацию. Зеркала, в которых мертвые видят свою мертвечину, в этой системе принято разбивать.

Наверх же по кадровому трубопроводу поднимаются исключительно элементы, прошедшие **отрицательный отбор**

по признаку уязвимости. Чтобы получить ключи от высокого кабинета с правом подписи на миллиардных сметах, кандидат обязан предъявить системе свой «открытый порт» — задокументированный компромат, участие в старой растрате, неумную алчность, тщеславие или патологический страх потери статуса. Папка с материалами на каждого такого выдвиженца аккуратно ложится в сейф куратора еще до публикации приказа о назначении. Чем выше этаж в иерархии старого мира, тем жестче требование к абсолютной, стопроцентной управляемости узла: на вершине пирамиды не должно быть людей, способных в критическую секунду сказать «нет» по соображениям совести или государственной пользы. Каждый последующий назначенец в этой отрицательной селекции неизбежно оказывается структурно проще, послушнее и циничнее предыдущего, пока вся управленческая вертикаль до самого купола не заполняется одномерными биороботами с открытым внешним интерфейсом.

И вот здесь декорации первой части спектакля окончательно опускаются, обнажая голую, ледяную сцену. Круг замкнулся. Честный рыночный старт снизу заблокирован монополиями и патентными шлюзами военного комплекса; попытка сохранить заработанное в деньгах перемалывается инфляционным насосом Кантильона; а вход во внутреннюю номенклатурную элиту требует предварительной сдачи совести и подписания закладной на собственную свободу.

Но для многомиллионного среднего класса — всех тех образованных, трудолюбивых, законопослушных специалистов, которые десятилетиями соглашались на эти правила, стачивали собственные углы в университетах, брали тридцатилетние ипотеки и утешали себя тем, что за покорность система хотя бы гарантирует им сытую, комфортную старость в собственном доме, — в двадцать первом веке приготовлен финальный, самый безжалостный удар. Пока одномерный житель мегаполиса старательно доказывал матрице свою лояльность и полезность,

в главной бухгалтерии планеты свели баланс физических ресурсов и энергии — и обнаружили, что само существование среднего класса больше не сходится по смете.

Сухой остаток. Лифт не едет не потому, что пассажир слаб. Шахта спроектирована так, чтобы наверх поднимались только те, у кого открыт порт для чужого управления.

Протокол. Один вечер — на ревизию собственного «лифта». На листе две колонки: что в карьере и доходе куплено собственным трудом, а что — близостью к чужой трубе (бюджету, кредиту, распределителю). Вторая колонка — не повод для стыда. Это карта зависимостей, которую система никогда не показывает сама.

Глава 3. Ликвидация среднего класса: термодинамический расчет

Средний класс строили как витрину. Витрину списывают, когда уходит зритель.

3.1. Витрина Холодной войны и поводок «белых воротничков»

Главное историческое заблуждение двадцатого столетия, бережно вшитое в университетские учебники экономики и корпоративные презентации, состоит в слепой вере, будто массовый средний класс явился естественным триумфом свободного рынка и неизбежным подарком технологического прогресса. Миллионы дипломированных специалистов, выросших в декорациях потребительского изобилия второй половины прошлого века, привыкли воспринимать собственный уровень жизни как фундаментальный закон природы, сопоставимый с гравитацией или сменой времен года. В этой наивной оптике капитализм по мере накопления богатства якобы сам собой становится мягче, гуманнее и щедрее, добровольно распределяя излишки пирога между наемными работниками умственного труда. История не подтверждает эту сказку.

До середины двадцатого века классический капитализм не знал никакого массового процветающего буфера между узкой кастой владельцев заводов и многомиллионной армией нищего пролетариата, балансирующего на грани физического выживания. Достаточно взглянуть на хронику США конца двадцатых годов: после восьмилетнего накачивания экономики кредитом наступил обвал: с 1929 по 1933 год денежная масса в стране сократилась примерно на треть, и Федеральная ре-

зервная система этому не помешала. Великая депрессия — это голодные марши и миллионы бездомных. Капитал никогда не делится маржой из филантропии. Он уступает ресурс только под дулом пистолета.

Перелом произошел после тысяча девятьсот сорок пятого года, когда перед архитекторами западного проекта встала экзистенциальная геополитическая угроза, которую невозможно было купировать ни полицейскими дубинками, ни биржевыми спекуляциями. На половине Евразии развернулся альтернативный индустриальный проект — Советский Союз, где созданный еще в тысяча девятьсот двадцать первом году Госплан математически обсчитывал и гарантировал каждому рабочему базовый пакет жизнеобеспечения: бесплатную квартиру, медицину, сквозное образование от школы до академии, гарантированную занятость и пенсию. Сталинская, а затем и хрущевская индустриальная машина, несмотря на все послевоенные шрамы и бытовой аскетизм, демонстрировала пролетариям Детройта, Рура и Лиона опасный прецедент: общество способно запускать спутники и строить атомные станции без частных банкиров и страха оказаться на улице из-за болезни. Чтобы собственный рабочий класс не развернул штывы против владельцев корпораций, а партийная номенклатура противника начала завистливо облизываться на западный образ жизни, требовалось в кратчайшие сроки сконструировать ослепительную геополитическую витрину.

Массовый средний класс родился в закрытых аналитических центрах послевоенной Америки как инженерно-политическое оружие Холодной войны. В тысяча девятьсот сорок восьмом году военное ведомство США учредило корпорацию RAND, куда стекались лучшие математики, кибернетики и системные аналитики, а бывшие офицеры статистического управления ВВС во главе с Робертом Макнамарой перешли в концерн Ford, чтобы перевести гражданскую промышленность на рельсы жесткого алгоритмического планирования.

Параллельно корпорация IBM, еще вчера штамповавшая для фронта автоматические винтовки Браунинга и карабины М1, после Бреттон-Вудских соглашений переключилась на выпуск мейнфреймов, серверов и систем хранения данных, ставших аппаратным ядром новой финансовой паутины. Возник кибернетически регулируемый капитализм.

В отличие от советского Госплана, проектировавшего уравнительный минимум носков и бетона из расчета социального равенства, американская система освоила куда более тонкое ремесло — управление неравенством через кредит. Территория страны покрылась сетью региональных плановых контуров, где финансовые щупальца ФРС работали подобно вегетативной нервной системе живого организма: симпатический контур впрыскивал дешевые фиатные кредиты в отрасли витринного потребления, а парасимпатический мгновенно тормозил нежелательные сектора удорожанием заемных денег. Общество нарезали на десятки калиброванных страт, и для каждого этажа утвердили строгий, визуально считываемый стандарт материальных атрибутов. На рекламных щитах и телевизионных экранах круглосуточно транслировался эталонный слепок послевоенного рая: отдельный пригородный дом с гаражом, изумрудная подстриженная лужайка, роторная газонокосилка, два сверкающих хромом автомобиля у крыльца, чугунный гриль для воскресного барбекю, белозубая улыбка домохозяйки и золотистый ретривер, ловящий в прыжке пластиковый диск.

Манифест этой метаболической ловушки без тени стеснения сформулировал аналитик Виктор Лебо на страницах профильного издания «Journal of Retailing» весной тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Экономическая машина, фиксировал Лебо, отныне требует превратить потребление в принудительный образ жизни, трансформировать покупку и использование товаров в религиозный ритуал, заставить человеческое эго искать духовное спасение и внутреннее удовлетворение исключительно в вещах — сжигать, изнашивать, за-

мещать и выбрасывать предметы со всевозрастающей скоростью. Спрос перестал рождаться из естественной нужды. Его начали индустриально штамповать сверху.

Секрет феноменальной живучести этой конструкции заключался в том, что проектировщики витрины отказались от грубого идеологического насилия и подключили кабели управления напрямую к древнейшим структурам головного мозга — лимбической системе и рептильному комплексу. Если советская пропаганда взывала к абстрактным категориям совести, долга и всеобщего братства, требующим энергозатратной работы неокортекса, то архитектура общества потребления была точно по безусловным биологическим рефлексам стайного примата: питанию, размножению и иерархическому доминированию. Каждая покупка нового автомобиля, кухонного комбайна или телевизора в рассрочку вызывала в предвкушающем мозге обывателя резкий выброс дофамина — нейромедиатора новизны и погони за добычей. Но еще мощнее работал второй контур — статусный: обладание вещью, недоступной соседу с нижней ступени, приносило то спокойствие, которое в дикой природе достается вожаку стаи. Физиологи связывают его с серотонином: у доминантных самцов обезьян его уровень выше, а фоновая тревожность ниже. В эксперименте нейробиологов Университета Дьюка (2005) макаки-резусы соглашались отдать часть сока ради того, чтобы просто посмотреть на фотографию высокорангового самца своей группы. Рекламная индустрия и Голливуд масштабировали этот обезьяний рефлекс на сотни миллионов зрителей.

Самым изящным и дешевым трюком этой эпохи стала каста «белых воротничков» — маркировка *white collar*, которую в 1919 году ввел в оборот писатель Эптон Синклер. С точки зрения сухой политэкономии наемный бухгалтер, юрист, банковский клерк или инженер в стеклянном офисе ничем не отличался от заводского токаря в промасленной синей робе («blue collar»): ни первый, ни второй не владели средствами

производства, оба жили исключительно продажей собственного времени и оба могли быть уволены одним росчерком пера. Однако система выдала офисному служащему белоснежную сорочку. Белая ткань непрактична, мгновенно пачкается от малейшего прикосновения к физическому труду и требует ежедневной замены, превращаясь в демонстративный расходный материал, заметный издали, словно грива жока в саванне.

Надев на вчерашнего пролетария крахмальную белую рубашку, посадив его в кондиционированный опенспейс и позволив смотреть сверху вниз на рабочего у станка, корпоративная матрица совершила гениальный подлог: она расплатилась с наемным персоналом вместо реальной доли в капитале дешевым серотониновым суррогатом кастового чванства. Клерк, ощущающий себя частью «привилегированного класса», навсегда утратил способность к горизонтальной солидарности. Гордыня наделила ошейник статусом украшения.

Но чтобы этот многомиллионный слой образованных служащих, получивших доступ к свободному времени и информации, не начал задавать системе неудобные вопросы о природе власти, к серотониновой морковке требовалось пристегнуть стальной кибернетический поводок. Этим поводком стала тридцатилетняя ипотека и система долгосрочного потребительского кредита. До середины двадцатого века допуск рабочего к капиталу был заблокирован имущественным цензом; после войны банки распахнули шлюзы, вручив каждому «белому воротничку» ключи от пригородного дома и машины авансом, в обмен на подписание долгового обязательства длиною в целую биологическую жизнь. С позиции теории управления долгосрочный ипотечный кредит представляет собой идеальный подавитель социальной энтропии. Субъект, которому первого числа каждого месяца на протяжении тридцати лет необходимо вносить фиксированный платеж под угрозой потери крыши над головой и мгновенного изгнания семьи

в социальное гетто, физиологически не способен на бунт, забастовку или принципиальный этический демарш. Страх дефолта работает эффективнее любого надсмотрщика с плетью: заемщик сам будит себя по утрам, сам полирует корпоративную маску, сам проглатывает обиды на совещаниях и сам гонит собственную нервную систему по размеченной колее.

Внутри этого герметичного кредитно-потребительского колеса у представителя среднего класса сохраняется полная иллюзия свободы выбора, однако при ближайшем рассмотрении все его метания укладываются в три заранее оцифрованных системой сценария, ведущих к одному и тому же банкротству. Первый маршрут — стратегия отложенной жизни, или бесконечного транзита. Оператор убеждает себя, что текущий изматывающий забег в корпоративной упряжке является лишь черновиком, временной генеральной репетицией перед настоящим бытием, которое начнется сразу после выплаты ипотеки, закрытия очередного опциона или накопления заветного миллиона на пенсионном счете. Десятилетиями человек стискивает зубы, терпит токсичное начальство и заливает бетонный фундамент будущего, не замечая, как инфляционный насос обесценивает накопления, а изношенный миокард вырабатывает последний ресурс задолго до того, как с долгожданной жизни удастся содрать упаковочную пленку.

Второй маршрут — иллюзия проактивности и форсированного достигаторства. Заметив, что базовый конвейер ведет в тупик, амбициозный специалист решает переиграть матрицу за счет удвоения тактовой частоты: записывается на жесткие тренировки личностного роста, внедряет поминутный тайм-менеджмент, берет второй кредит на масштабирование бизнеса и переходит на работу без выходных. Система восторженно аплодирует такому рвению, поскольку этот юнит путает скорость вращения беличьего колеса с вектором собственного движения в пространстве. Вся его титаническая энергия уходит на генерацию социального интерфейса — непрерывный ренде-

ринг безупречной цифровой и материальной голограммы успеха для чужих глаз, сжигающий девяносто процентов оперативной памяти мозга ради очередного лайка или одобрительного кивка в кулуарах.

Третий маршрут — бутафорский побег, известный как дауншифтинг или индустрия осознанности. Когда перегретая психика не выдерживает гонки, менеджер демонстративно сдает пропуск, сдает квартиру в аренду и улетает искать просветления в гималайские предгорья, на океанское побережье или в закрытые экопоселения. Ему кажется, что он взломал симуляцию и вышел на свободу, но в действительности он лишь сменил один тематический павильон парка аттракционов на другой. Поскольку базовый драйвер ложного эго остался нетронутым, беглец уже через месяц выстраивает на пляже или в ретритном центре точно такую же жесткую серотониновую иерархию, меряясь с соседями редкими сортами пуэра, глубиной медитативных трансов и стоимостью экипировки для серфинга. Декорации сменились. Алгоритм остался прежним.

Чтобы высокоинтеллектуальный специалист годами бегал по этим трем замкнутым кругам и не замечал абсурдности происходящего, в его сознании круглосуточно работает механизм когнитивного расщепления. Подобно корабельному инженеру, программа наглухо заdraивает водонепроницаемые переборки между соседними отсеками памяти, не позволяя человеку сопоставить две очевидные истины: то, с каким остервенением он выслуживается перед системой днем, и то, с каким ледяным равнодушием эта же система списывает в утиль его предшественников вечером. Если позволить этим герметичным отсекам соединиться хотя бы на секунду, в психике произойдет короткое замыкание, которое породит вынужденную паузу, а за паузой наступит звенящая тишина — главный враг любого спектакля. Но в двадцать первом веке эту тишину больше не требуется вызывать искусственно, потому что сам геополитический фундамент послевоенной витрины перестал суще-

ствовать. Как только в декабре тысяча девятьсот девяносто первого года над Кремлем спустили красный флаг и внешний конкурент исчез с карты мира, необходимость кормить, субсидировать и развлекать многомиллионную прослойку западного и периферийного среднего класса отпала сама собой — а следом за геополитикой приговор этому классу подписала неумолимая физика.

3.2. Предел сопромата и шлюпка на миллиард

Демонтаж советского проекта в декабре тысяча девятьсот девяносто первого года мгновенно обнулil геополитическую рентабельность западной витрины. Пока по ту сторону железного занавеса существовал альтернативный центр силы, владельцам транснационального капитала приходилось терпеть огромные накладные расходы на поддержание социального мира: делиться маржой с квалифицированными инженерами, субсидировать доступное университетское образование, удерживать прогрессивную шкалу налогообложения и позволять семье наемного специалиста жить в собственном пригородном доме на одну зарплату. Как только внешний идеологический конкурент исчез, содержать эту дорогостоящую массовку стало незачем. Временное перемирие между капиталом и наемным трудом закончилось.

Еще полтора-два десятилетия после распада биполярной системы западный средний класс продолжал катиться вперед по инерции за счет одноразового мародерского трофея — разграбления постсоветского пространства и переноса грязных индустриальных контуров в Азию. В финансовую топку метрополии хлынули сотни миллиардов долларов дешевого сырья, советских промышленных патентов, редкоземельных металлов и практически бесплатной рабочей силы с востока, что позволило временно замаскировать падение реальных доходов населения лавиной копеечного ширпотреба и доступных кредитов. Однако к началу двадцатых годов двадцать первого столетия

этот трофейный ресурс оказался полностью переварен, а глобальная экономическая машина на полном ходу врезалась в стену, которую невозможно обойти ни бухгалтерскими уловками, ни дополнительной печатью фиатных нулей. Этой стеной стал физический предел сопротивления материалов и второй закон термодинамики.

Главная иллюзия современного городского жителя, воспитанного на глянцевах презентациях технологических корпораций, заключается в наивной вере, будто научно-технический прогресс развивается по бесконечной экспоненте. Обывателю кажется, что стоит выписать ученым и стартаперам достаточно венчурных чеков, как они тут же изобретут вечный двигатель, бесплатную чистую энергию и материалы с волшебными свойствами. Подобным оптимизмом страдают исключительно люди, никогда не открывавшие учебник материаловедения и сопротивления материалов. В реальной физике всякое вещество имеет жесткий, непреодолимый потолок параметров: кристаллическая решетка самой высокопрочной легированной стали разрушается при достижении предела текучести, самый тугоплавкий вольфрам или тантал плавится при критической температуре в камере сгорания турбины, медный проводник неизбежно греется от сопротивления, а сложные синтетические полимеры деградируют и распадаются в силу нестабильности искусственных молекулярных связей. Обмануть сопромат маркетингом нельзя.

Беспощадный аудит этого технологического тупика провел американский макроэкономист Роберт Гордон в фундаментальном исследовании взлета и падения экономического роста. Опираясь на сухую статистику производительности труда за полтора века, Гордон математически доказал, что все подлинные, тектонические прорывы человечества, изменившие физическое качество жизни, произошли внутри уникального столетнего окна между тысяча восемьсот семидесятым и тысяча девятьсот семидесятым годами. Именно тогда

были созданы электроэнергетика, двигатель внутреннего сгорания, реактивная авиация, нефтехимия, металлургия легких сплавов, центральное водоснабжение и антибиотики.

После семидесятых годов двадцатого века фундаментальная физика и инженерия материалов уперлись в пологую полку убывающей отдачи: коммерческий авиалайнер сегодня летит через океан с той же дозвуковой скоростью, что и полвека назад, а тепловые и атомные электростанции вращают паровые турбины по термодинамическому циклу девятнадцатого столетия. После кризиса 2008 года, когда Федеральная резервная система опустила ставки к нулю и запустила печатный станок количественного смягчения, триллионы дешевых долларов хлынули не в станки и турбины, а в индустрию перекрашивания пикселей на стеклянных экранах, создавая у потребителя галлюцинацию бурного прогресса там, где в действительности менялся лишь дизайн иконок доставки еды и алгоритмы удержания внимания в социальных сетях.

Но пока виртуальная витрина раздувалась от бесплатной ликвидности, в машинном отделении планеты тихо сжималась удавка энергетической рентабельности — показателя, который в системном анализе обозначается аббревиатурой EROEI и отражает отношение полученной энергии к энергии, затраченной на ее добычу. В 1930-е годы, когда закладывался фундамент американского процветания, нефтяные фонтаны Техаса били почти с поверхности: на одну бочку нефти, сожженную при добыче, человечество получало около ста бочек. Энергия стоила копейки, позволяя строить гигантские пригородные дома с картонными стенами и заправлять пятилитровые восьмицилиндровые моторы.

В первой трети двадцать первого века геологическая халява закончилась. Чтобы добыть каждый следующий баррель углеводородов, приходится бурить километровые скважины на арктическом шельфе, разрывать гидравлическими ударами глубокие сланцевые пласты или вываривать тяжелые битумы-

нозные пески, из-за чего энергетическая отдача падает: в среднем по нефти — до десяти–двадцати к одному, а у битуминозных песков — до трех–пяти. Точно такая же экспонента удорожания накрыла металлургию и горное дело: богатые поверхностные жилы давно выбраны, содержание чистой меди, никеля, кобальта и лития в руде неуклонно снижается, и ради получения одной тонны металла для аккумуляторов или серверных стоек карьерным самосвалам приходится перемалывать в пыль сотни тонн пустой породы, сжигая астрономические объемы дизельного топлива. Добыча материи стала неподъемно дорогой.

Попытки спасти положение за счет внедрения энергосберегающих технологий и «зеленого перехода» лишь ускоряют падение в пропасть, поскольку здесь вступает в силу открытый еще в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году парадокс английского экономиста Уильяма Стэнли Джевонса. Исследуя угольную промышленность Британской империи, Джевонс обнаружил контринтуитивный системный закон: когда Джеймс Уатт радикально повысил тепловой коэффициент полезного действия паровой машины, суммарное потребление угля в стране не сократилось, а выросло многократно. Повышение эффективности удешевляет стоимость единицы полезной работы, что мгновенно расширяет сферу применения технологии и вызывает взрывной рост совокупного пожирания ресурса. Переход к облачным вычислениям, электромобилям и нейросетевым дата-центрам подтвердил правоту Джевонса с пугающей точностью: каждый новый, более экономичный техпроцесс в кремниевых чипах порождает экспоненциальный рост числа серверных кластеров, требующих уже не мегаватт, а выделенных гигаваттных атомных энергоблоков и целых рек пресной воды для охлаждения.

Столкнувшись с этим физическим потолком, современная экономика выродилась в то, что точнее всего определить как «цивилизацию маржи» — систему, которая утратила способ-

ность совершать прорывы во внешнюю среду и перешла к каннибализации собственного фундамента. Проблема этой модели заключается не в ее моральной жестокости, а в ее абсолютной структурной бесплодности: она больше не строит звездолеты и не открывает новые континенты, а лишь бесконечно клонирует старые протоколы, выжимает ренту из искусственно созданных тренций и перепродает один и тот же актив в десятке деривативных оберток. В архитектуре искусственного интеллекта это явление известно как коллапс модели («model collapse»): когда большую генеративную нейросеть отрезают от притока свежих данных из физического мира и заставляют обучаться исключительно на ее собственном синтетическом выхлопе, с каждой новой итерацией веса сети необратимо вырождаются, выдавая все более плоский, уродливый и галлюцинаторный бред при сохранении гладкого синтаксиса.

Глобальный капиталистический конвейер впал в идентичный рекурсивный ступор. Чтобы удерживать финансовый оборот на фоне сжатия реального ресурсного пирога, система вынуждена принудительно ломать вещи и генерировать управляемый распад. Крупный подрядчик, десятилетиями укладывающий федеральные автомагистрали, знает главный негласный закон отрасли: технологически человечество давно умеет делать практически вечное дорожное полотно с идеальной гравийной подушкой и полимерными присадками, однако проект такой трассы никогда не пройдет сито государственного тендера. Вечный асфальт совершает непростительное экономическое преступление — он не сходит весной вместе со снегом и не требует ежегодного многомиллиардного ямочного ремонта. Если товар не ломается по расписанию, а инфраструктура не гниет, у финансовой матрицы останавливается кровообращение. Больше поломок — плотнее поток транзакций. Выше маржа.

Однако сжигать дефицитные киловатты, медь и нефть в топке одноразового потребления для миллиардов людей пла-

нета больше не может. Еще в 1968 году промышленники, ученые и чиновники учредили Римский клуб, а четыре года спустя группа системных динамиков из Массачусетского технологического института под руководством Денниса и Донеллы Медоуз опубликовала доклад «Пределы роста», впервые переведший мальтузианскую тревогу на язык компьютерных моделей исчерпания сырья. В 1991 году один из основателей клуба, британский химик Александр Кинг, вместе с Бертраном Шнайдером написал в докладе «Первая глобальная революция»: в поисках нового врага, способного сплотить людей, авторы пришли к выводу, что на эту роль подходят загрязнение среды, угроза глобального потепления, нехватка воды и голод, — а настоящий враг, значит, само человечество. В такой оптике экологическая повестка легко становится респектабельным камуфляжем для жесткой ресурсной сортировки.

Арифметику этого приговора без дипломатических эвфемизмов изложил русский логик и социолог Александр Зиновьев. Западное сверхобщество, указывал он, сформировало у своих граждан чудовищно интенсивный материально-энергетический обмен, требующий непрерывного всасывания ресурсов всей остальной географии; по его оценке, запасов сырья, воды, пахотных земель и энергии Земли по стандарту классического западного среднего класса — с отдельным домом, двумя автомобилями, регулярными перелетами и качественной медициной — хватает лишь на один миллиард человек. Современные расчеты экологического следа дают тот же порядок: если бы все жители Земли жили, как средний американец, человечеству понадобилось бы около пяти планет. На планете же сегодня живет восемь миллиардов, а демографическая инерция гонит эту цифру к десяти.

Ситуация описывается безжалостной метафорой спасательной шлюпки. Привилегированное меньшинство покачивается в комфортной лодке посреди бушующего океана нужды, где за бортом барахтаются еще семь миллиардов человек, жажду-

щих залезть внутрь и получить точно такой же паек из дома с лужайкой и стейка на ужин. Если капитан шлюпки проявит гуманизм и попытается поднять на борт всех страждущих, перегруженное судно мгновенно пойдет ко дну вместе с элитой. Но к двадцатым годам двадцать первого века обнаружилась еще более пугающая деталь: из-за падения энергетической отдачи и истощения богатых месторождений сама спасательная шлюпка дала течь, и ее грузоподъемность стремительно сокращается.

В этой точке термодинамический баланс сходится в ледяную, однозначную формулу. В условиях, когда добыча каждой тонны реального вещества становится экспоненциально дороже, а геополитическая нужда в поддержании пропагандистской витрины давно исчезла, многомиллионный средний класс — все эти прилежные «белые воротнички», юристы, менеджеры, консультанты и владельцы мелких сервисных бизнесов — превращается в главный нерентабельный пассив глобальной бухгалтерии. С точки зрения системных архитекторов, эта прослойка потребляет непропорционально много дефицитного физического ресурса, требует высоких операционных затрат на свое обслуживание и при этом больше не выполняет никакой стратегической функции. Чтобы сохранить привычный уровень роскоши и безопасности для узкого ядра владельцев инфраструктуры, избыточный социально-экономический буфер приговорен к плановой ликвидации — а его накопленное имущество, квадратные метры и даже само биологическое тело подлежат переводу в режим жесткой принудительной амортизации.

3.3. Списание буфера: от собственности к подписке

Сорок пять минут. Именно столько в утренний час пик длится покорное ожидание лифта в гудящем бетонном колодце

подъезда, насквозь пропахшем сырой штукатуркой и дешевым плиточным клеем. В недавно сданном пятидесятиэтажном жилом комплексе, который застройщик на рекламных рендерах именовал «оазисом городского комфорта», из четырех скоростных шахт со скрежетом курсирует только одна кабина. Панорамные окна этого вертикального барака упираются в глухую стену точно такой же бетонной башни в тридцати метрах напротив, за которой громоздится третья, четвертая и десятая — бесконечный частокोल спального гетто без парковок, парков и поликлиник.

С каждой уходящей минутой плотность кислорода в тесном холле падает, а градус тихой, сдавленной ненависти растет. У стальных створок плечом к плечу утрамбовываются вчерашние триумфаторы потребительского рая: ипотечные менеджеры в мятых пальто, бледные пенсионеры, студенты и курьеры с громоздкими желтыми коробами за спиной. Те, кого переполненная кабина безжалостно отсекает резиновыми краями дверей, молча смотрят на гаснущее табло и понимают, что следующий шанс спуститься с сорок второго этажа на землю выпадет только через три четверти часа.

Этот пятидесятиэтажный «человеиник» — словечко того же Зиновьева — представляет собой идеальный архитектурный слепок того, как система утилизирует обанкротившийся средний класс в двадцатых и тридцатых годах двадцать первого века. Когда энергетическая рентабельность планеты упала, а необходимость содержать просторные пригородные дома с газонами отпала, глобальная бухгалтерия запустила протокол радикального сокращения операционных издержек — перевод бывших собственников в режим компактного клеточного хранения. Чтобы выжать максимальную маржу из каждого квадратного метра городской земли при минимальных затратах бетона, меди и тепла, строительное лобби годами добивалось смягчения норм, которые когда-то писались кровью и рассчитывались исходя из инсоляции, пропускной способно-

сти сетей и грунтов. На крохотном пятачке земли, где изношенные чугунные трубы и электроподстанции проектировались под пятиэтажный квартал, точечная застройка втыкает пятидесятиэтажный монолит на две тысячи бетонных ячеек-студий.

Никакой ошибки проектирования или халатности в этом коммунальном аду нет — перед наблюдателем разворачивается безупречно отлаженная экономика запланированного распада. Местная управляющая компания исправно списывает ежемесячную дань с банковских карт жильцов и транзитом перегоняет миллионные потоки на счета подрядных фирм, принадлежащих троюродным братьям, своякам и доверенным любовникам девелопера. На этом этаже социальной пирамиды банальное мародерство давно легализовалось в респектабельный «обычай делового оборота». Три сломанных лифта из четырех, вечно текущие трубы в паркинге и отваливающаяся фасадная плитка не чинятся месяцами не потому, что в смете не хватает средств, а потому, что разруха обладает абсолютной коммерческой ликвидностью. Пока инфраструктура гниет и искрит, на каждом витке аварийного ремонта осваиваются свежие бюджеты, крутятся кредитные линии, кормятся юристы, оценщики, страховые брокеры и коллекторы, а совокупный чек этого бессмысленного трения гордо заносится статистиками в графу роста валового внутреннего продукта.

Стратегическая цель этой жилищной мясорубки заключается в окончательном закрытии исторического проекта частной собственности для масс и переводе населения на модель пожизненной подписки — ту самую, которую в 2016 году описала в эссе датский политик Ида Аукен («Добро пожаловать в 2030 год: у меня ничего нет, у меня нет приватности, и жизнь никогда не была лучше») и растиражировал ролик Всемирного экономического форума. Классический буржуазный собственник двадцатого века, владевший выплаченным домом, участком земли, автомобилем с простым атмосферным мотором

и набором надежных инструментов, обладал опасным запасом автономности: в момент кризиса он мог закрыть ворота, опереться на материальный актив и переждать бурю. Современный обитатель бетонной соты лишен этого буфера на аппаратном уровне.

Даже если в государственном реестре за ипотечным заемщиком формально числится право собственности на тридцать квадратных метров воздуха между бетонными перекрытиями на сороковом этаже, физически эта ячейка не является автономным активом. Без непрерывной подачи электричества на насосные станции, без работающего лифта, без облачных серверов управляющей компании и без бесперебойного подвоза калорий курьерами высотная квартира за сорок восемь часов превращается в непригодный для жизни бетонный склеп. Собственность незаметно подменили временным правом условного доступа: человек больше не покупает автомобиль — он арендует поминутный каршеринг или платит абонентскую ренту за активацию подогрева сидений в напичканном электроникой гаджете на колесах; он не владеет книгами, фильмами и профессиональным софтом — он ежемесячно продлевает облачную лицензию, которую корпоративный сервер вправе аннулировать одним щелчком рубильника за нарушение правил сообщества. Из полноправного субъекта экономики представитель среднего класса разжалован в бесправного пользователя терминала, чей операционный расход сведен к минимуму, а любая попытка накопить передаваемый по наследству капитал обнуляется стоимостью аренды самой жизни.

Однако списание имущественного буфера составляет лишь половину ликвидационного баланса. После того как у наемного специалиста изъяли время через инфляцию и отобрали автономную среду обитания через ипотечную капсулу, система приступает к монетизации последнего физического ресурса, оставшегося в его распоряжении, — самого биологического тела. Запускается протокол принудительной амортизации плоти.

Механику этого процесса с хирургической наглядностью иллюстрирует случай из практики автора: хорошая знакомая, дипломированный провизор с четвертьвековым стажем и энциклопедическим знанием биохимии, однажды решилась на невинную косметическую процедуру — вколола в губы популярный гиалуроновый филлер. Ей казалось, что это разовая, точечная сделка с индустрией красоты ради легкого обновления фасада и соответствия корпоративным стандартам молодости. Но конвейер запланированного распада не допускает одиноких транзакций. Уже через полгода зеркало в ванной безжалостно показало, что на фоне изменившихся пропорций потребовалось подтянуть скулы, затем выровнять овал подбородка, затем заблокировать мимику лба нейротоксином. Замкнутый цикл запустился.

Современная эстетическая и клиническая медицина давно перестала лечить или восстанавливать природную норму — она переводит человеческую плоть в режим абонентского обслуживания. Введенный филлер может мигрировать в тканях, притягивать воду и нарушать лимфоотток; лицо начинает медленно плыть, и каждый предыдущий патч требует еще более дорогого исправления. Живая ткань человека превращается в ту самую федеральную асфальтовую трассу, которую подрядчики показательно перекаладывают каждую весну, пока полотно окончательно не пойдет неустраиваемыми буграми.

В масштабах всей популяции этот же алгоритм развернут через плотную связку химического пищевого и транснационального фармацевтического картеля. Достаточно взять обычный калькулятор и просуммировать химический состав стандартной продуктовой корзины, которую городской житель ежедневно вывозит на тележке из сетевого супермаркета. На этикетке каждого отдельного товара — будь то пластиковый хлеб на ускоренных термофильных дрожжах, кондитерский батончик на гидрогенизированном пальмовом жире, пачка сосисок с нитритом натрия и глутаматом или

обезжиренный йогурт, накачанный модифицированным крахмалом и скрытыми сиропами фруктозы, — концентрация синтетических эмульгаторов, консервантов и трансжиров аккуратно уложена в предельно допустимую санитарную норму. От одной порции такой еды биологический скафандр не падает замертво. Но когда на протяжении десятилетий в топку организма ежедневно загружается сумма из тридцати таких позиций, кумулятивный токсический удар гарантированно пробирует ферментативную защиту печени, выжигает микробиом кишечника, раскачивает инсулиновые качели и вгоняет сосудистый эндотелий в состояние хронического системного воспаления. Остаться здоровым на таком топливе десятилетиями удается немногим.

Биологическая машина специалиста выводится из строя медленно, по одному незаметному пикселю в день. Сначала батарейки тела перестает хватать до конца рабочего дня, появляется утренняя бетонная усталость и туман в голове, которые оператор привычно глушит двойным эспрессо, сахаром, энергетиками и никотиновым вейпом. Затем начинаются панические атаки, скачки давления и бессонница, гасящиеся вечерним бокалом вина. А в тот момент, когда скрытый износ переходит в клиническую фазу и на приборной панели организма загораются красные чеки метаболического синдрома, диабета, аутоиммунного сбоя или онкологии, эстафетную палочку у продуктового супермаркета без единого шва перехватывает аптечная сеть.

В 2018 году аналитики Goldman Sachs в записке для клиентов задали вопрос вслух: «Является ли излечение пациентов устойчивой бизнес-моделью?» В логике, которую можно назвать «Болезнь-как-сервис», автономный, выносливый человек с чистыми сосудами и ясным умом представляет собой вопиющую экономическую аномалию. Он ничего не покупает в аптеке, не оформляет платные медицинские подписки и означает для акционеров прямую упущенную выгоду. Иде-

альным же продуктом конвейера является пациент, которому в тридцать пять лет продали метаболический сбой под видом дешевой еды и стрессового достигаторства, а в сорок посадили на пожизненную абонентскую капельницу из статинов, гипотензивных препаратов, антидепрессантов, гормональной заместительной терапии и регулярных диагностических чекапов. Такого клиента не нужно ни убивать, ни окончательно вылечить: его следует бережно удерживать в состоянии контролируемой хронической полужизни, выкачивая из его страхов, страховых полисов и остатков ипотечного бюджета максимальную пожизненную стоимость — показатель LTV («Lifetime Value»). И жаловаться на эту конструкцию некому, поскольку всем участникам цепочки — от технологов пищевых концернов до главных врачей и регуляторов — система позволяет очень неплохо зарабатывать на амортизации человеческого материала.

На этом панорама первой части исследования сходится в единый, предельно резкий фокус, завершая первичный диагноз эпохи. Картина тотального проигрыша среднего класса собрана целиком. На первом уровне, внутри собственной черепной коробки, образованный специалист оказался заложником нейробиологического узурпатора — воспаленной эго-программы Ахамкары, которая перехватила управление у безмолвного сознания, заперла личность в бункере из пяти защитных контуров и заставила сжигать единственную жизнь ради фантомного одобрения в глазах равнодушной толпы. На втором уровне, во внешнем контуре большой экономики, рухнули все три карго-культа капиталистической религии: сказка о гаражных миллиардерах оказалась дымовой завесой военного комплекса DARPA, сбережения были экспроприированы инфляционным насосом Ричарда Кантильона, а кадровые фильтры пропустили наверх лишь одномерных конформистов с открытыми портами для шантажа. Наконец, на третьем, физическом уровне закрылась сама геополитическая

и термодинамическая сделка двадцатого века: из-за падения энергетической отдачи и исчерпания дешевых ресурсов планета больше не способна кормить буферную прослойку собственников, вследствие чего бывших «белых воротничков» планомерно упаковывают в пятидесятиэтажные арендные соты и переводят на пожизненную фармакологическую ренту.

Остается один-единственный, но самый главный инженерный вопрос, без ответа на который эта аутопсия была бы неполной. Каким образом система сумела провести столь масштабную операцию по экспроприации будущего без единого выстрела? Почему десятки миллионов умных, дипломированных, вооруженных аналитическим аппаратом мужчин и женщин не просто покорно зашли в бетонную ячейку у сломанного лифта, но и на протяжении тридцати лет с энтузиазмом, своими собственными руками распиливали на металлолом заводы, научные институты, социальные гарантии и правовые скрепы своих государств, расчищая строительную площадку под собственный цифровой концлагерь? Ответ кроется в том, что задолго до физического списания в операционную систему их разума был впрыснут самый совершенный в истории концептуальный эксплойт — философский вирус «разумного эгоизма» и боевая доктрина «Открытого общества».

Сухой остаток. Средний класс списывают не за грехи, а по смете: дешевые ресурсы кончились, витрина больше не нужна. Спасает не следующая ступень потребления, а выход из самой сметы — туда, где человек перестает быть статьей расходов.

Протокол. Неделю вести короткий журнал: что из имущества и жизни принадлежит по-настоящему, а что — по подписке и с разрешения чужого сервера (жилье в ипотеке, облака, приложения, лицензии, абонементы). Против каждой строки — одно слово: «мое» или «доступ». Эта таблица понадобится в шестой и двенадцатой главах.

Часть II. Территория демонтажа

Как жертва сама сносит свой дом

Глава 4. Вирус разумного эгоизма и концептуальное оружие

*Высшая уловка идеологии — убедить мир в своем
отсутствии.*

4.1. Лабораторный гомункул

Самая совершенная идеологическая диверсия начинается не с торжественного провозглашения новой догмы, а с убеждения инфицируемого объекта в том, что никакой идеологии больше не существует. Когда миллионы дипломированных специалистов, инженеров, врачей и правоведов на протяжении трех десятилетий собственными руками разбирали на металлолом индустриальный, научный и социальный фундамент своей цивилизации, в их картине мира этот процесс вовсе не выглядел актом коллективного суицида или геополитической капитуляции. Напротив, в оптике исполнителей происходило долгожданное возвращение к «естественному порядку вещей» — освобождение живой человеческой природы от противоестественных оков государственной морали, исторического долга и коллективной ответственности. Хищнический паразитизм, возведенный в ранг деловой доблести, восприни-

мался не как привнесенный извне программный сбой, а как базовая биологическая гравитация, спорить с которой столь же бессмысленно, как протестовать против смены времен года или закона всемирного тяготения.

В этом оптическом обмане заключена высшая квалификация концептуального взломщика: выдать искусственно синтезированный в закрытой лаборатории штамм за первозданную природу человека. Жертве внушают, что руководствующийся исключительно шкурным расчетом одиночка — это и есть подлинный, очищенный от шелухи веков биологический оригинал, тогда как любые надличностные скрепы, совесть, служение Общему Благу и верность Роду представляют собой лишь лицемерные пропагандистские надстройки, придуманные слабыми для стреноживания сильных. Как только эта аксиома прописывается в загрузочном секторе рассудка, защитный иммунитет макросистемы отключается без единого выстрела. Общество перестает сопротивляться распаду по той простой причине, что начинает принимать гниение собственных тканей за естественный метаболизм свободы.

Между тем историческая документация и архивы западной мысли неопровержимо свидетельствуют об обратном. Автономный эгоист, дрейфующий в социальном вакууме и измеряющий вселенную балансом собственной выгоды, никогда не создавался эволюцией или живой природой — в дикой биосфере и в реальной человеческой истории любой вид, поставивший тактическую корысть отдельной особи выше выживания популяции, выбраковывается и вымирает в течение нескольких поколений. Этот стерильный субъект был выведен искусственно. Его собирали в пробирке на протяжении пяти столетий методом поэтапной философской вивисекции, хирургически отсекая от целостного человеческого существа один контур связности за другим. Гарвардский политический философ Майкл Сэндел в своем фундаментальном исследовании пределов либерализма поставил итоговому продукту этой селекции

точный клинический диагноз — *Unencumbered Self*, «необремененное Я». Существо, повисшее в онтологической невесомости, стерильный юнит, очищенный от родовой памяти, безусловных обязательств, исторической вины и надличностных смыслов, которого западной политэкономии пришлось сконструировать на бумаге, чтобы возвести на этом плоском фундаменте механическую теорию общественного договора.

Генеалогия этой пятисотлетней операции по расщеплению человеческого ядра читается как журнал последовательных коммитов в исходный код европейской цивилизации, где каждый следующий мыслитель удалял из архитектуры субъекта очередной системный предохранитель.

Первым скальпель взял в руки в четырнадцатом веке английский монах-францисканец Уильям Оккам. До его вмешательства античная и средневековая европейская мысль — равно как и любая здоровая традиционная метафизика Востока — опиралась на позицию онтологического реализма: общее первично по отношению к частному, а универсалии обладают подлинной, высшей реальностью. В этой системе координат Лес существует как единый, живой, саморегулирующийся суперорганизм со своим микроклиматом, грибницей и круговоротом воды, тогда как отдельное дерево обретает полноту бытия и саму возможность расти исключительно через свою укорененность в этом Лесу — через целостный Кон. Оккам перевернул доску одним движением, сформулировав доктрину радикального номинализма. Никаких общих понятий, универсалий и целостных систем в реальности не существует; все они — лишь пустое сотрясение воздуха, голосовой звук, *flatus vocis*, условные инвентарные бирки, которые человеческий рассудок для удобства наклеивает на разрозненные единичные предметы.

Знаменитая «бритва Оккама», которую в университетских учебниках до сих пор преподносят как безобидный методологический принцип экономии мышления, в действительности

сработала как метафизическая гильотина. Она безжалостно перерезала незримую информационную шину, связывавшую локальный узел с макросистемой. Если реальны только изолированные атомарные вещи, то никакого Леса нет — есть лишь случайный склад вертикально стоящих бревен на вырубке. Никакого Народа, Рода, Отечества и Общего Блага не существует в природе — есть лишь механическое скопление биологических особей, временно проживающих на одной кадастровой территории. Уильям Оккам победил не в схоластическом диспуте при папском дворе в Авиньоне. Он взломал корневую онтологию человечества, вытащив из-под здания коллективной этики несущую плиту. Ведь если Целое — это фикция и пустой звук, то жертвовать личным комфортом ради фикции может только клинический безумец.

Спустя три столетия, в семнадцатом веке, когда посеянные номинализмом семена взошли на полях религиозных войн и буржуазных революций, Томас Гоббс зафиксировал в «Левиафане» второй этап сборки лабораторного гомункула. Отрезанный бритвой Оккама от родового корня и небесной вертикали, человек вывалился в холодный материалистический вакуум абсолютно голым, перепуганным биологическим сиротой. Гоббс описал эту новую антропологическую единицу с безжалостной прямоотой анатома: естественное состояние атомизированных индивидов — это перманентная «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*), где человек человеку волк (*homo homini lupus est*), а жизнь одиночки в отсутствие внешнего жандарма «одинок, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна». Единственным базовым драйвером, который приводит этого сироту в движение и заставляет вступать в коммуникацию с себе подобными, выступает животный, парализующий ужас насильственной смерти. Девяностые годы двадцатого века на обломках советской империи продемонстрировали этот гоббсовский полигон в химически чистом виде — только вместо кремневых мушкетов и алебард в ход по-

шли расчетные счета, залоговые аукционы и заказные арбитражные определения.

Однако стая перепуганных волков, движимая лишь страхом физической расправы, слишком нестабильна для долгосрочной хозяйственной эксплуатации: она сжигает слишком много энергии на внутреннее трение и охрану периметра. Системе требовался более тонкий, саморегулирующийся поводок. И этот поводок в конце того же семнадцатого века блестяще спроектировал Джон Локк в «Двух трактатах о правлении». Локк предложил изящную редукционную формулу: сущность человека исчерпывается функцией частного собственника. Личность — это прежде всего закрытый баланс имущества, включая ответственность на собственное тело и отчуждаемый труд, а государство есть не более чем нанятый акционерами ночной сторож, чья единственная легитимная задача сводится к охране заборов, сейфов и долговых расписок.

Инженерный гений локковского протокола заключался в переводе контроля из внешнего контура во внутренний. Через священный институт частной собственности и непрерывно тикающий счетчик накопления вчерашнего дикого волка удалось без насилия превратить в образцового племенного барана, а барана — поставить на регулярную коммерческую стрижку. Тому, кто оброс имуществом, ипотечными закладными и титулами владения, больше не нужен надсмотрщик с кнутом за спиной: он сам становится собственным конвоиром, поскольку любой резкий шаг в сторону от предписанного коридора грозит аннулированием нажитого реестра. Политика окончательно утратила статус искусства достижения Общего Блага и превратилась в сервисную службу экономики. Человек сжался до размера своего кошелька.

Четвертый такт вивисекции пришелся на восемнадцатое столетие, когда возникла острая необходимость снять с нового собственника остаточные спазмы христианской совести, все еще клеймившей ростовщичество, стяжательство и равнодушие

к ближнему как смертные грехи. Сначала англо-голландский сатирик и врач Бернард Мандевилль в скандальной «Басне о пчелах» выбросил на стол провокационный тезис «частные пороки — общая выгода», открыто заявив, что процветание коммерческого улья держится исключительно на тщеславии, зависти, расточительности и алчности его обитателей, тогда как честность и умеренность ведут экономику к застою. А затем в 1776 году шотландский профессор Адам Смит упаковал этот циничный парадокс в респектабельную академическую форму, подарив миру главный теологический догмат капитализма — метафору «невидимой руки рынка».

Согласно этой конструкции, индивиду больше нет нужды обременять свой рассудок заботой об обществе или нравственным выбором. Достаточно с максимальным усердием преследовать собственный шкурный интерес, а некая трансцендентная, невидимая рыночная механика сама собой, автоматически скомпилирует из миллиона частных эгоизмов и мелких подлостей всеобщую гармонию и процветание. В этой точке была совершена грандиозная методологическая подмена, которую впоследствии точно вскрыл логик и социолог Александр Зиновьев: естественное биологическое стремление живого существа к самосохранению было шулерски отождествлено с частным предпринимательством и возведено в ранг вечного природного основания капитализма, хотя сама невидимость этой «руки» прямо указывает на то, что перед наблюдателем находится не физический закон, а чистый идеологический фетиш, маскирующий перераспределение ресурсов в пользу хозяев капитала.

Более того, в истории со Смитом произошла классическая диверсия при переносе чертежа в серийное производство. Сам автор «Теории нравственных чувств» оставался мыслителем старой школы, полагавшим в основу человеческого общежития врожденную способность к сопереживанию и внутреннему нравственному судье. Его рыночная модель проектировалась для консервативной среды, где участникам сделки все еще было

стыдно прослыть подлецами, а репутация стоила дороже сиюминутной маржи. Но идеологические компиляторы девятнадцатого и двадцатого веков поступили с его учением как безграмотные механики: они взяли голую кинематику корысти и наглухо вырезали из нее этический контур. Из мощного, форсированного двигателя внутреннего сгорания выдрали систему жидкостного охлаждения, объявив радиатор совести ненужным балластом, снижающим КПД, — и пустили мотор вразнос, сделав тепловой взрыв всей макросистемы лишь вопросом времени.

Финальный, пятый штрих в сборку лабораторного гомункула внесли в девятнадцатом столетии отцы британского утилитаризма — Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. Бентам, параллельно проектировавший идеальную круговую тюрьму «Паноптикум» для круглосуточного надзора за заключенными при минимальных затратах на охрану, свел всю человеческую душу к плоской «моральной арифметике» — калькулятору по максимизации удовольствий и минимизации страданий. Появился законченный *Ното Экономический*, «человек экономический», для которого добро и зло перестали быть качественными онтологическими категориями, превратившись в приходно-расходную ведомость дофамина и боли. Милль же увенчал эту конструкцию юридической индульгенцией: свобода индивида абсолютна до тех пор, пока его действия не наносят прямого физического или имущественного ущерба другому такому же атому. Формула звучала благородно, но на практике она означала окончательную капитуляцию духа: пустая потребительская «свобода от» — от обязательств, от предков, от потомков, от нравственного канона — безраздельно вытеснила созидательную «свободу для».

Пятисотлетний цикл лабораторного синтеза замкнулся. Оккам объявил Целое звуковой галлюцинацией. Гоббс вывел на арену перепуганного сироту. Локк вручил ему функцию копить и охранять. Мандевиль и выхолощенный Смит убедили

его, что жадность есть высшая гражданская добродетель. Бентам заменил ему совесть арифметическим счетом, а Милль написал охранную грамоту на моральный солипсизм.

Если взглянуть на полученного в итоге гомункула — на это самое «необремененное Я» Майкла Сэндела — сквозь холодную оптику кибернетики и закона необходимого разнообразия Уильяма Росса Эшби ($V_O \geq V_D - V_R$), становится кристально ясно, зачем системе понадобилась столь долгая антропологическая селекция. Сложным человеком, чья система координат опирается на надличностный Кон, долг, честь и способность пожертвовать личной выгодой ради Истины, управлять извне практически невозможно: внутреннее разнообразие его состояний слишком велико, а его решения в критической точке не поддаются линейному просчету, поскольку они не привязаны к шкурному стимулу.

Напротив, атомизированный «разумный эгоист», искренне считающий себя вершиной прагматизма и хозяином собственной судьбы, с точки зрения теории управления представляет собой примитивный конечный автомат с минимальным числом степеней свободы. На его приборной панели оставлены всего три ярко-красные кнопки: страх потерять статус или кормушку, алчность к быстрому обогащению и жажда дешевого гедонистического комфорта. Чтобы гарантированно гнать миллионное стадо таких «свободных индивидов» в нужный загон, оператору матрицы вообще не требуется применять насилие или отдавать прямые приказы. Достаточно просто менять напряжение на этих трех электродах — чуть поднять процентную ставку, слегка припугнуть блокировкой счета или поманить скидкой на статусное потребление, — и каждый «независимый прагматик» со стопроцентной математической предсказуемостью, считая это своим суверенным и рациональным выбором, совершит ровно тот маневр, который заложен в уравнение контроллера. Выведенный в философской пробирке гомункул оказался идеальной, безотказной марионеткой. И во второй половине два-

дцатого века эта лабораторная культура была перелита из академических колб в боеголовки концептуального оружия — для направленного сноса целых государств.

4.2. Концептуальный таран: Открытое общество и управляемый хаос

В системной инженерии действует непреложное правило развертывания: принципиально новая глобальная операционная среда никогда не устанавливается поверх сложного, работающего унаследованного кода. Чтобы внешний алгоритм получил бесконфликтный доступ к ресурсам сервера, ему не нужны компромиссы со старой архитектурой — ему требуется предварительно отформатированный физический носитель. Чистая строительная площадка.

В середине двадцатого столетия, когда появление ракетно-ядерного паритета сделало прямое кинетическое вторжение на территорию конкурирующей сверхдержавы математически нерентабельным из-за гарантированного взаимного обнуления, перед западными стратегами встала нетривиальная кибернетическая задача. Каким образом снести чужую индустриальную сверхсистему, обладающую собственной фундаментальной наукой, космической программой, замкнутым производственным контуром и миллионами образованных граждан, не производя при этом ни единого выстрела через границу? Ответ был найден на стыке прикладной эпистемологии, сетевых финансов и нелинейной термодинамики. Выяснилось, что бронированный купол вражеского государства вообще не нужно пробивать танковыми клиньями снаружи, если предварительно загрузить в центральный процессор его элиты и интеллигенции такой концептуальный эксплойт, под воздействием которого население само, с ликованием и песнями, разберет собственные защитные бастионы на сувенирный кирпич.

Главный парадокс этого исторического транзита заключается в том, что расчистку территории под будущий цифровой отстойник производят не десантные дивизии противника и не зловещие кремниевые терминаторы. Площадку выравнивают бульдозерами сами аборигены. И делают они это с пугающим, самозабвенным энтузиазмом по одной простой причине: в коротком тактическом окне на демонтаже сложных государственных институтов, приватизации научных школ и распиле коллективной инфраструктуры можно баснословно и быстро заработать.

Боевая архитектура этого когнитивного оружия собиралась из трех высокоточных компонентов, где в качестве поражающего элемента — полезной нагрузки (*payload*) — выступил тот самый лабораторный гомункул Локка, Смита и Милля, очищенный от последних следов этической среды.

Первую ступень ракеты-носителя спроектировал австро-британский философ Карл Поппер, опубликовавший в 1945 году двухтомный идеологический манифест «Открытое общество и его враги». Под видом академической полемики с тоталитаризмом Поппер провел радикальную ревизию всей человеческой мысли, поставив на одну скамью подсудимых Платона, Аристотеля, Гегеля и Маркса. Любое целостное мировоззрение, признающее существование объективных законов истории, надличностной цели развития или примата Общего Блага над сиюминутной прихотью атомарного обывателя, объявлялось в этой оптике «закрытым обществом» — репрессивной племенной клеткой и инкубатором тирании. Напротив, эталоном цивилизованности провозглашалось «Открытое общество» — полностью децентрализованная совокупность автономных индивидов, освобожденных от любых сакральных табу, исторической телеологии и государственных сверхзадач, где каждая норма временна, а единственным арбитром выступает бесконечная критическая дискуссия и свободный рынок.

Инженерный расчет Поппера бил точно в уязвимость любой сложной мобилизационной системы. Однако превратить университетский трактат в прикладной геополитический таран сумел самый результативный ученик Поппера по Лондонской школе экономики — биржевой спекулянт и финансист Джордж Сорос. По его собственным словам, идеи учителя легли в основу и его биржевой философии («Алхимия финансов», 1987), и сети фондов «Открытое общество»; с 2015 года их деятельность в России признана нежелательной. Перенеся попперовскую эпистемологию на практику финансовых атак и грантовых программ, Сорос, в оценке его критиков, превратил доктрину «Открытого общества» в технологию институционального взлома.

Механика подготовки плацдарма на примере позднего Советского Союза продемонстрировала эталонную чистоту этого метода. До начала фазы активного сноса существовала герметичная макросистема: внутри нее было душно, местами казенно и дефицитно, но безопасно и предсказуемо. Там присутствовал вертикальный вектор развития, культ сложного инженерного труда и фундаментальный вопрос «Зачем живет человек?». Примечательна одна структурная деталь, которую редко фиксируют экономисты: денежные знаки в том контуре исправно выполняли функцию расчетных квитанций в булочной или кассе кинотеатра, но у денег полностью отсутствовала экзистенциальная власть. За рубли нельзя было купить завод, недра, судебный приговор или чужую честь. Деньги еще не правили.

Сначала, еще в конце пятидесятых и шестидесятых годах, сквозь узкие щели в защитном периметре пустили легкий эстетический сквозняк: фирменный деним, виниловые пластинки с ритмами «Битлз», глянцевого каталоги, жевательную резинку. Никакой лобовой антисоветской агитации — просто яркая, цветная картинка в высоком разрешении. Человек, сформированный внутри аскетичного, монохромного чертежа, физиологически не подозревает о своих латентных уязвимостях до тех

пор, пока на сетчатку не попадает витрина, в декорациях которой нестерпимо хочется пожить иначе — отдельно от заводского цеха, отдельно от общего замысла, исключительно для собственного удовольствия.

А когда эстетическая анестезия размягчила защитный хитин, в образовавшиеся трещины через сеть образовательных грантов, переводных учебников и перестроечных медиа хлынул основной раствор «Открытого общества». Словарь целой цивилизации был переписан за считанные месяцы. На смену категориям служения, созидания и долга пришли звонкие, легитимирующие шкурный инстинкт маркеры: «монетизация», «рыночная вписанность», «агрессивная конкурентоспособность», «успешный кейс». Тех немногих инженеров и ученых старой закалки, которые пытались напомнить о сохранении общей энергосистемы или неделимости научной школы, мгновенно заклеили черными семантическими бирками «совок», «иждивенец» и «тоталитарный ретроград». Само слово «Общее» усилиями грантовых кафедр и телевизионных студий было сделано публично неприличным — почти как дурное заболевание, о котором стыдно упомянуть в приличном деловом клубе.

Вторым ударным компонентом концептуального тарана стал французский постмодернизм и философия деконструкции в лице Жака Деррида, Мишеля Фуко и Жан-Франсуа Лиотара. На первый взгляд, леворадикальные парижские интеллектуалы второй половины двадцатого века были непримиримыми критиками буржуазного порядка. Они довели искусство интеллектуального демонтажа до виртуозного абсолюта, научившись разбирать любой культурный текст, государственный институт или социальную иерархию на скрытые механизмы подавления. Лиотар торжественно констатировал смерть «больших нарративов» — крушение веры в Прогресс, Науку, Истину и великие исторические проекты. Фуко препарировал клиники, школы, армию и традиционную семью как замаскированные филиалы

бентамовского «Паноптикума», где знание неотделимо от репрессивного насилия власти. Деррида запустил универсальный кислотный протокол деконструкции, доказывающий, что за любым понятием долга, канона или объективной реальности нет никакого твердого референта — лишь бесконечная игра знаков и замаскированный произвол доминирующей группы.

Трагедия этого блестящего интеллектуального направления заключалась в его фатальной однобокости: философия, которая умеет исключительно талантливо развенчивать и сносить, представляет собой лишь половину философии. Ментальный бульдозер без крана. Это стерильная *via negativa* — путь тотального отрицания, после которого на месте снесенных несущих стен остается лишь продуваемый ледяным ветром пустырь. Сам поздний Деррида мучительно ощущал эту экзистенциальную ловушку, придя на закате жизни к вымученной формуле «мессианского без мессианизма» — бессильному ожиданию спасительного Смысла, который его собственный деконструктивистский скальпель уже заранее лишил права на существование.

Именно эту разрушительную половину критической теории с восторгом проглотил и поставил себе на службу транснациональный финансовый капитал. Произошел шедевральный по своему цинизму перехват управления: левый философский релятивизм был интегрирован в правую неолиберальную машину экспроприации. Ведь если объективной Истины не существует, значит, не существует и объективной Лжи — есть лишь «плюрализм равноправных интерпретаций». Если любая моральная иерархия, профессиональный стандарт, научная школа, семья и национальный суверенитет представляют собой лишь искусственные репрессивные конструкты для угнетения меньшинств, то рекламный конструкт кроссовок *Balenciaga* или спекулятивного дериватива философски ничем не хуже кон-

структа идеального государства Платона. Просто кроссовки стоят дороже.

Деконструкция превратилась в самый рентабельный легальный наркотик для образованного сословия. Выпускник престижного гуманитарного факультета, проштудировавший Фуко и Бодрийяра, испытывает тонкое элитарное наслаждение от собственной проницательности: он насквозь видит симулякры масс-маркета, иронично деконструирует государственную пропаганду и пишет блестящие эссе о биополитике. Но этот интеллектуальный снобизм работает как идеальный клапан сброса пара, порождая феномен «умного раба» — субъекта, который до молекулярной формулы знает химический состав своих кандалов и именно поэтому считает себя свободным от необходимости их перепиливать. Пока рафинированный интеллектual в вельветовом пиджаке на университетской кафедре упивается деконструкцией гендерных местоимений и разоблачением «тоталитарного логоцентризма», транснациональная корпорация в соседнем стеклянном небоскребе под прикрытием этого белого шума без малейшего сопротивления переписывает на офшорные трасты водоканалы, энергетические сети, редкоземельные месторождения и патентные бюро целых континентов. Релятивизм растворил способность общества к коллективной обороне: невозможно поднять людей на защиту того, что в их собственном сознании уже промаркировано как «устаревший социальный симулякр».

Однако окончательную математическую сборку этот механизм получил в 1992 году, когда американский дипломат и теоретик стратегии Стивен Манн опубликовал в вестнике Национального военного колледжа США *Parameters* программную работу «Теория хаоса и стратегическое мышление» (*Chaos Theory and Strategic Thought*). Опираясь на работы Института Санта-Фе в области нелинейных динамических систем и теорию «самоорганизующейся критичности» датского физика Пера Бака, Манн перевел философию Поппера

и постмодернистскую деконструкцию на сухой язык военной кибернетики.

Пер Бак на математических моделях доказал, что любая сложная открытая система — от снежного склона и тектонического разлома до фондового рынка и империи — по мере накопления внутренних напряжений переходит в критическое состояние. Когда конструкция доведена до порога самоорганизующейся критичности, для запуска катастрофической лавины больше не нужен динамитный заряд; достаточно падения одной-единственной песчинки в нужную точку бифуркации. Стивен Манн сделал из этой теоремы безупречный военно-стратегический вывод: любая национальная культура, экономика и государство представляют собой сложные диссипативные структуры, удерживающие порядок за счет внутренних скреп — общих ценностей, иерархии авторитетов и коллективной идентичности. Следовательно, для гарантированного уничтожения геополитического конкурента его не нужно атаковать кинетически. Достаточно запустить контролируемый распад.

В качестве универсального генератора такой закритической турбулентности Манн прямо указал на идеологическую триаду: рыночную демократию, атомарный индивидуализм и радикальный плюрализм. С точки зрения системного архитектора, эти доктрины действуют внутри традиционного или индустриального государства не как созидательные чертежи, а как боевое программное обеспечение — компьютерный вирус, который перепрошивает целевую аудиторию на приоритет личной шкурной выгоды над выживанием целого.

Алгоритм управляемого хаоса работает с неотвратимостью кумулятивного снаряда. В культурное ядро атакуемой макросистемы через медиа, киноиндустрию, образовательные стандарты и экономические реформы впрыскивается концентрат «необремененного Я» и доктрины «каждый сам за себя». Внутри общества мгновенно обрываются миллионы горизонтальных

и вертикальных связей доверия. Директор завода перестает видеть в предприятии дело жизни и начинает смотреть на цеха как на склад цветного лома для быстрой конвертации в зарубежную недвижимость. Чиновник превращает государственную функцию в частный таможенный шлагбаум. Ученый продает закрытые наработки трех поколений за индивидуальный грант в три тысячи долларов. Скрепсы плавятся без огня.

Никто из них не считает себя диверсантом — каждый действует строго в рамках инсталлированной модели «разумного эгоизма», максимизируя личную полезность по Бентаму и Смиту. Но по закону эмерджентности сумма этих миллионов «рациональных» шкурных микрорешений взвинчивает внутреннюю социальную энтропию государства выше предела конструкционной прочности. Несущие институты теряют связность, управление парализуется, и колоссальная сверхдержава за несколько лет с грохотом складывается внутрь собственного фундамента, оставляя после себя идеально зачищенную, дымящуюся территорию демонтажа.

Казалось бы, для самого носителя этой вирусной прошивки — циничного, адаптированного прагматика, вовремя отпилившего свой кусок от рухнувшего колосса, — стратегия индивидуального предательства полностью себя оправдала. Он переиграл неповоротливую систему, сбросил балласт коллективных обязательств и вышел из схватки победителем. Однако здесь в игру вступает неумолимая математика теории игр и физика длинных временных дистанций, которая превращает триумф «разумного эгоиста» в его собственный смертный приговор.

4.3. Математика предательства

У любой лабораторной идеологии есть один безжалостный аудитор, подкупить которого невозможно ни биржевыми индексами, ни миллионами проданных тиражей, — физическое

время. Пока доктрина «разумного эгоизма» преподается на семинарах бизнес-школ молодым и здоровым карьеристам, она выглядит монолитной, сверкающей броней. Но стоит увеличить масштаб наблюдения до длины одной человеческой биографии или нескольких десятилетий макроэкономического цикла, как в несущих расчетах эгоцентризма вскрывается фатальная арифметическая дыра.

Исторический курьез этой несостоятельности со всей беспощадной иронией воплотился в финале жизни главной валькирии капиталистического индивидуализма — Айн Рэнд, урожденной Алисы Розенбаум. Посвятив десятилетия созданию монументальных литературных гимнов во славу стальных, не знающих жалости «атлантов», она возвела эгоизм в ранг единственной нравственной добродетели, а любую социальную взаимопомощь, государственное перераспределение и заботу о слабых брезгливо заклеямила как «узаконенный грабеж для неудачников» и «моральный каннибализм». В ее стерильной вселенной сильный субъект не нуждался ни в обществе, ни в сострадании, ни даже в учете биологических ограничений — писательница годами отмахивалась от предупреждений врачей о вреде своего непрерывного курения.

Развязка наступила в 1974 году, когда хирурги удалили автору «Атланта» пораженное злокачественной опухолью легкое. Стерильная философия абсолютной автономности лоб в лоб столкнулась с банальной стоимостью больничных счетов и немощью стареющего тела. Личный коммерческий баланс жрицы объективизма перестал сходиться с прайс-листом американской частной медицины. И тогда женщина, построившая мировую славу на проклятиях в адрес «государственных паразитов», тихо и без пресс-релизов подала прошение на получение государственного пособия по социальному обеспечению (*Social Security*) и бесплатной медицинской страховки *Medicare*, оформив документы под фамилией мужа — как Энн О'Коннор. До последнего вздоха икона рыночного сверхчелове-

ка выживала за счет того самого общественного котла, который всю жизнь требовала пустить под бульдозер.

Спустя тридцать четыре года аналогичный крах потерпел ее самый могущественный ученик из ближайшего круга — Алан Гринспен, восемнадцать лет управлявший Федеральной резервной системой США по лекалам непогрешимости рыночных хищников. Осенью 2008 года, сидя перед комиссией Конгресса на дымящихся руинах мирового ипотечного обвала, престарелый гуру монетаризма растерянно произнес под протокол: «Я обнаружил изъян в своей идеологии». Этот концептуальный «изъян» — наивная вера в то, что шкурный инстинкт инвестиционных банков сам собой удержит систему от саморазрушения, — обошелся планете в триллионы долларов и миллионы сломанных судеб. А еще полтора десятилетия спустя на скамью подсудимых с двадцатипятилетним приговором сел вундеркинд криптоиндустрии Сэм Бэнкман-Фрид, превративший ультрамодную бентамовскую калькуляцию «эффективного альтруизма» в гляцевую ширму для банального хищения восьми миллиардов клиентских долларов. Декорации менялись, но финал оставался неизменным. Эгоизм всегда заканчивается банкротством.

Причина этого системного фиаско доказана строгим языком вычислительной математики. В начале восьмидесятых годов двадцатого века американский политолог и математик Роберт Аксельрод организовал знаменитую серию компьютерных турниров по итерированной «дилемме заключенного», результаты которых легли в основу фундаментального труда «Эволюция сотрудничества». Ведущим программистам, теоретикам игр и социологам мира предложили прислать алгоритмы, которые должны были тысячи раз подряд взаимодействовать друг с другом, в каждом такте выбирая между кооперацией и предательством ради максимизации собственного итогового счета.

Многие участники прислали изощренные, хищные скрипты — цифровых «разумных эгоистов», которые втирались в доверие, вычисляли слабости оппонента, наносили внезапный удар в спину и пытались отжать максимум очков за счет чужой уступчивости. Когда машины завершили обсчет партий, хищные алгоритмы оказались внизу турнирной таблицы. На длинной дистанции они неизбежно выжигали собственную кормовую базу: столкнувшись друг с другом, эгоисты сваливались в бесконечную спираль взаимного предательства, где оба получали жалкие крохи вместо профицита синергии.

Победителем обоих турниров стала самая короткая программа из присланных — Tit for Tat, «око за око», автор которой, математик и психолог Анатолий Рапопорт, родился в Российской империи. Ее архитектура состояла из четырех правил: начинать любой контакт с безусловного доверия; мгновенно и зеркально воздавать за предательство в следующем же ходу; немедленно прощать и возвращаться к сотрудничеству, как только партнер одумался; быть кристально прозрачным, не плетя сложных интриг. Сухая кремниевая модель вынесла вердикт: на длинном горизонте времени честность, великодушие и верность слову являются не прекраснотушной лирикой для слабаков, а единственной математически оптимальной стратегией выживания.

Почему же тогда в реальной экономике рубежа двадцатого и двадцать первого веков носители этого благородного кода раз за разом оказывались под колесами торжествующих временщиков?

Ответ лежит в той самой коричневой папке из пролога — в биографии человека, который ее заполнил. Она вводится в документацию книги не ради семейной мемуаристики. Перед исследователем находится отлитый из тяжелой советской стали архетип уходящего индустриального Модерна — человек, чья внутренняя архитектура работала в полном соответствии

с кооперативным кодом Рапопорта и Аксельрода внутри среды, внезапно пораженной вирусом одноразового хищничества.

В 1990 году, когда прежняя сверхдержава билась в конвульсиях распада, а секретари обкомов расписывались в бессилии, этому человеку исполнилось ровно шестьдесят лет — возраст ухода на покой для любого, кто занимал чужое место. Но химик по диплому и созидатель по внутреннему масштабу находился на своем месте. На пустом поле он с нуля развернул крупную строительную корпорацию. В разгар гиперинфляции он взял в банке кредит на двадцать миллиардов стремительно обесценивающихся рублей под несколько сотен процентов годовых.

В матрице современного «эффективного менеджера» двадцать миллиардов заемного ресурса посреди развала страны — это гарантированная вилла на Бали, пентхаус в Майами, океанская яхта на панамском офшоре и преднамеренное банкротство заемщика: банк не обеднеет, а оставшиеся без жилья люди — это их личные проблемы. Отчим действовал по чертежам иной цивилизации. Он обернул кредитную массу в реальный бетон и металл, создал производственную базу, построил кварталы вековых кирпичных домов — в отличие от нынешних пятидесятиэтажных картонных коробок на изношенных сетях, — обеспечил десять тысяч работников регулярной зарплатой и квартирами, после чего вернул банку всё. До последней копейки.

Когда рухнули межбанковские расчеты, он учредил собственный банк; когда потребовалось возводить мост через Волгу — собрал собственный флот. Империя держалась не на трехсотстраничных англосаксонских меморандумах, а на жестком мужском рукопожатии, работавшем как печать и клятва без нотариусов. На его офисы регулярно накатывались «маски-шоу» налоговой полиции: бойцы в балаклавах укладывали сотрудников лицом в пол и вывозили документы, силовым путем принуждая поделиться и признать новую власть. Он

принципиально не держал охраны, смотрел сквозь налетчиков как сквозь мягкий пластик и продолжал строить. Когда краснодарский онколог буднично предложил пробить ему горло для дыхания, отчим послал приговор к черту, улетел в Мюнхен, решил проблему и в семьдесят пять лет круглый год, зимой и летом, плавал в открытом море, сохраняя когнитивную ясность, пока ровесники курсировали между диваном и реанимацией.

Вечерами на кухне он чертил графики выплавки металла и со вздохом произносил фразу, подхваченную из отравленного воздуха эпохи: «Ты идеалист. Мир так устроен. Каждый сам за себя». Он повторял слова чужой болезни, ни секунды в них не веря. У него не было бизнес-стратегии — у него был Кон: «Я отвечаю за всех, кто рядом».

И тем не менее его империю кусок за куском растащили именно те, кому он протягивал руку. Сначала снабженцы украли и сдали на металлолом строительный кран: зачем строить завтра, если можно зафиксировать наличную прибыль сегодня? Затем прорабы подписали фальшивые акты за щебень, которого не существовало в природе. Следом партнеры запустили искусственное банкротство, чтобы за бесценок забрать готовые жилые кварталы.

Эта драма обнажает главное граничное условие теоремы Аксельрода. Стратегия Tit for Tat побеждает только тогда, когда в системе соблюдается фундаментальный инвариант — **партия длится вдолгую**, а игроки неизбежно встречаются в следующих циклах. Концептуальный эксплойт девяностых сделал одну простую вещь: впрыснув в общество вирус крайнего индивидуализма, он выжег социальную память и сжал горизонт планирования до одной мародерской транзакции.

Когда в экономике «завтрашнего дня нет», бесконечная эволюционная партия вырождается в одноразовую сделку: предал, сорвал куш, ликвидировал юрлицо и сбежал в офшор. В игре из одного хода доверие превращается в фатальную уяз-

вимость, а подрядчик, строящий дорогу на совесть, неизбежно проиграет тендер тому, кто обрушит смету за счет воровства цемента. Личный двигатель отчима не взорвался — он был из советской стали, — но вокруг него была слита система нравственного охлаждения всей страны.

Для такого сноса не требуются легионы демонов. Цивилизацию разбирают по винтику обычные, вежливые специалисты через механизм, который американский социолог Дайана Вон при расследовании катастрофы шаттла «Челленджер» назвала **«нормализацией отклонений»** (*normalization of deviance*). Инженеры НАСА годами фиксировали частичное прогорание резиновых уплотнительных колец (*O-rings*) твердотопливных ускорителей. Но поскольку после первого микропрогара челнок не взорвался, отклонение от чертежа занесли в протокол как «допустимую техническую норму». На следующем запуске эрозия ушла глубже — и планку стандарта снова сдвинули вниз, пока в январе 1986 года струя пламени не сожгла корабль.

По этому же градиенту падения перепрошивается современный специалист. Никакого контракта кровью в полночь нет — есть нейропластичная адаптация к компромиссу. Сначала в стерильном кабинете молодого чиновника или юриста появляется подарок от контрагента — VIP-абонемент в закрытый фитнес-клуб («просто знак уважения, здесь так принято»). Затем следуют оплаченные бизнес-ланчи и совет главбуха за чашкой эспresso «слегка оптимизировать» НДС через цепочку однодневок. Следующий шаг — госконтракт, где двадцать процентов сметы заложены под перевод на фирму жены руководителя департамента. Красная черта совести сдвигается вниз бесшумно, на один миллиметр в день, под наркозом формулы «таковы правила игры». Первый откат берется со стыдом, третий — с легкой досадой, сотый становится рутинным KPI.

А вечером любого из этих узлов — от владельца яхты до рядового клерка — ждет стандартная распаковка покупок и алгоритмическая лента смартфона. Декорации разные, био-

химия одна. Различается лишь калибр выкрученной за день заклепки да глубина сдвига внутренней черты перед тем, как в голове прозвучит вечерний отчет: «Нормальный день. Я как все. Всё в порядке».

Слепота этих локальных оптимизаторов кроется в непонимании физики замкнутого водоема. Каждый мнит себя хищной рыбой, виртуозно поедающей мальков в мутной воде без правил. Но там, где уничтожен общий Кон, более крупный хищник всегда заглатывает мелкого — а самая жирная рыба-монополист в финале неизбежно оказывается на разделочном столе у Того, кто управляет уровнем воды в самом водоеме. Когда миллионы «разумных эгоистов» договариваются считать распад нормой, фаза инкубации вируса заканчивается. Инфицированное государство переходит в режим принудительной внешней зачистки — превращаясь в открытую «Территорию демонтажа».

Сухой остаток. «Разумный эгоизм» выигрывает только в игре из одного хода. Поэтому систему, которой нужны эгоисты, всегда интересует одно: укоротить горизонт.

Протокол. Неделю перед каждым заметным решением — деньги, обещание, подпись — задавать себе вопрос Аксельрода: «Как я поступил бы, если бы точно знал, что встречу с этим человеком еще сто раз?» Если ответ отличается от того, что делается сейчас, черта уже сдвинута.

Глава 5. Территория демонтажа и неокOLONиальный паттерн

*Новая операционная система никогда
не ставится поверх работающего легаси-кода.
Сначала носитель форматируют.*

5.1. Форматирование носителя

Переход от скрытой идеологической инкубации к открытой зачистке пространства никогда не сопровождается объявлением войны. Сирены молчат. Когда уровень воды в замкнутом водоеме начинает падать по воле внешнего диспетчера, обитатели аквариума до последней минуты принимают обнажившееся дно за открытие новых рыночных горизонтов, где наконец-то можно пожить за счет соседа. Инженерная красота неокOLONиального демонтажа заключается в полном отказе от грубого кинетического вторжения там, где задачу решает бесшумная перепрошивка базовой системы координат. Военная оккупация индустриальной державы обходится непомерно дорого. Танковые клинья требуют эшелонов горючего, гарнизоны нуждаются в бесперебойном снабжении, а само присутствие чужих солдат на городских перекрестках мгновенно запускает древний иммунный ответ партизанского сопротивления. Куда рентабельнее передать функцию ликвидации самой аборигенной администрации — предварительно заменив в головах управленческого класса прошивку государственного строительства на яркую, комфортную и самовоспроизводящуюся операционную систему колониального потребления.

Анатомия такого перехвата не имеет ничего общего со шпионскими романами времен биполярного противостоя-

ния. Схема тоньше. Западным разведывательным и аналитическим центрам на рубеже тысячелетий не потребовалось вербовать десятки тысяч нелегалов с микрофильмами в каблуках, шантажировать генералов в прокуренных гостиничных номерах или пересылать шифрованные радиogramмы через тайники в лесопарках. Вербовка одиночек — кустарный промысел. КПД низок, риск провала огромен. Промышленный масштаб демонтажа обеспечивается только тогда, когда на зачищаемой территории разворачивается легальная, престижная и полностью автоматизированная фабрика по производству искренних проводников чужой воли. Достаточно было прописать правила автозагрузки на уровне университетских кафедр, распределительных фондов и кадровых лифтов — и государственная машина начала методично, с комсомольским задором разбирать собственный фундамент руками лучших выпускников страны.

Механика этой селекции безупречно прослеживается на траектории Дмитрия — собирательного, но документально точного портрета целого поколения реформаторов новой волны. Старт типичен. В двадцать пять лет Дмитрий выходит из стен ведущего столичного юридического факультета с красным дипломом, свободным английским, безупречной теоретической подготовкой и острым эстетическим отвращением к позднесоветскому застою. Молодой правовец искренне ненавидит серые конверты, телефонное право районных прокуроров, кумовство пузатых трестовских начальников и вязкую, душную рутину бумажных канцелярий. Амбициозный ум ищет прозрачных правил, чистых процедур и честной меритократии. Именно в этой точке бифуркации на горизонте появляется респектабельный международный фонд с фасадом из стекла и полированного камня, предлагающий одаренному выпускнику твердвалютный грант на исследовательский проект по «гармонизации национального законодательства, защите прав инвесторов и развитию верховенства права».

Ловушка стерильна. В кабинетах грантодателя никто не требует от соискателя подписывать бумагу кровью, клясться в верности чужому флагу или выносить секретные чертежи с оборонного завода. Кураторы в твидовых пиджаках вообще не говорят о геополитике. Речь идет исключительно о высоких гуманистических стандартах и передовых практиках: создании студенческих юридических клиник, переводе англосаксонских монографий по корпоративному праву, организации летних школ и выездных стажировок для молодых судей в европейских арбитражах. Грант в твердой валюте на фоне тотального безденежья академических кафедр работает как мощнейший гравитационный аттрактор, искривляющий все профессиональное поле вокруг университета.

Вокруг распределяемого бюджета мгновенно выстраивается замкнутая экосистема отбора и поощрения. Правила просты. Тот, кто использует правильный понятийный аппарат — «дерегулирование», «инвестиционная привлекательность», «оптимизация нерыночных издержек», «примат частного интереса над публичным», «демонтаж патерналистского государства», — получает публикации в рецензируемых журналах, приглашения на закрытые симпозиумы в Женеву или Лондон и статус прогрессивного эксперта. Тот же, кто пытается рассуждать о народнохозяйственной связности, защите внутреннего рынка или неразрывности социальных обязательств, просто не проходит первичный фильтр грантовых заявок. Смутьян остается маргиналом на нищенской преподавательской ставке, чей голос тонет в дружном хоре успешно адаптировавшихся коллег.

Проходит десять лет. Непрерывная селекция выносит Дмитрия по гладким ступеням кадрового инкубатора наверх, и к тридцати пяти годам бывший стипендиат занимает кресло заместителя федерального министра. В этом кресле сидит уже не карикатурный номенклатурщик старой закваски, мечтающий украсть состав кругляка или пристроить племянника

на хлебную должность в таможню. Картина иная. Перед страной — эталонный технократ в костюме ручной работы, функционер с холодным взглядом, дипломом престижной западной школы права, марафонскими медалями и кристальной по формальным меркам анкетой. Замминистра брезгливо морщится при виде пухлых папок региональных директоров, презирует бытовое взяточничество районного масштаба и искренне считает советскую тяжелую промышленность неподъемной гирей на ногах бюджета. Личная неподкупность делает такого оператора абсолютно неуязвимым для классических органов контрразведки: состава уголовного преступления в действиях реформатора нет, меченых купюр в сейфе не обнаружено, а каждая законодательная инициатива подкреплена трехсотстраничным аудиторским заключением ведущего международного консалтинга.

В этом и кроется системный взлом. Именно стерильная исполнительность в сочетании с перепрошитой картиной мира превращает высокопоставленного клерка в идеальное, безотказное орудие индустриальной зачистки. Считая единую производственную архитектуру страны «тоталитарным анахронизмом», департамент Дмитрия с фанатичным упорством переписывает базовые кодексы — Земельный, Лесной, Водный, Гражданский, Налоговый, Бюджетный. Одним росчерком золотого пера стратегические недра, магистральные энергетические сети, лесные массивы и естественные монополии переводятся в режим коммерческого хозрасчета, упаковываются в акционерные оболочки и дробятся на удобные лоты для трансграничного капитала. Замминистра не предает родину за тридцать сребреников. Никаких терзаний совести нет. Функционер с отличнической гордостью выполняет домашнее задание, усвоенное еще на грантовых семинарах десятилетней давности, и искренне ждет одобрительного кивка от зарубежных наставников за рекордную скорость расчистки нормативного поля от «устаревших социальных барьеров».

Следом идет второй эшелон. В распахнутые новыми кодексами правовые шлюзы плотным строем заходят бригады международных консультантов. В министерских приемных и штаб-квартирах государственных корпораций высаживаются десанты молодежавых аналитиков из глобальных аудиторских фирм, вооруженные глянцевыми слайдами и универсальными матрицами структурной перестройки. Главная методологическая патология этого консалтингового конвейера заключается в принципиальном, высокомерном игнорировании физики живого организма. Земский врач не выписывает всем пациентам в очереди одну и ту же таблетку аспирина — от открытого перелома бедра до прободной язвы желудка. Но транснациональные советники действовали именно по протоколу единой штамповки. Огромная северная цивилизация с колоссальными транспортными плечами, экстремальной изотермой января, единой энергетической системой и сотнями моногородов, где один металлургический или машиностроительный комбинат питал теплом, водой и смыслами полмиллиона жителей, препарировалась по тем же плоским бухгалтерским лекалам, что и банановая республика или тропический островной офшор.

Диагноз никто не проверял. На любые попытки главных инженеров и академиков объяснить, что северный завод, единая диспетчеризация энергосистемы и фундаментальная прикладная наука физически не могут окупаться за один финансовый квартал, следовал ледяной шаблонный ответ: «Универсальные законы рынка не знают климатических исключений; сбрасывайте с баланса социалку, закрывайте нерентабельные КБ, дробите генерацию и сбыт, вводите свободную торговлю мощностью; конец квартала через две недели, а в приемной ждет очередь из других развивающихся стран». Стандартная таблетка шоковой монетизации, принудительно введенная в самый сложный индустриальный метаболизм, мгновенно вызвала обширное внутреннее кровотечение. Разрыв технологиче-

ских цепочек останавливал сборочные цеха. Перевод котельных, поликлиник и профессионально-технических училищ на коммерческую самоокупаемость обескровливал целые регионы. А искусственное расчленение единых отраслевых комплексов на десятки конкурирующих акционерных обществ порождало каскад паразитических посреднических наценок на каждом переделе. Для реального сектора такой рецепт оборачивался клинической комой; для внешних заказчиков аудита — долгожданной ликвидационной распродажей уникальных технологических активов по цене чулунного лома.

Когда же хребет большой индустрии оказался перебит, стартовала третья, самая вязкая и изматывающая фаза форматирования носителя — бесконечная институциональная реформа как технология генерации мутной воды. Декорации сменились. На поверхности процесс подавался как неустанная забота о качестве управления и цифровизации. Школьное и университетское образование, здравоохранение, суды, академическая наука, жилищно-коммунальное хозяйство и электросети погрузились в непрерывный, никогда не заканчивающийся цикл переименований, слияний, укрупнений, внедрения балльных систем и пересмотра стандартов эффективности. Не успевали больницы и кафедры адаптироваться к одному регламенту подушевого финансирования, как сверху под фанфары спускалась очередная дорожная карта оптимизации.

Хаос не был ошибкой планирования. Модернизация изначально не входила в техническое задание этой перманентной тряски. Подлинная инженерная цель бесконечного реформирования состояла в решении двух жестких кибернетических задач: превращении каждой жизненно важной отрасли в закрытый рентный терминал и полном выжигании когнитивного ресурса у низовых специалистов, способных поставить происходящему точный диагноз.

Анатомия рентного терминала предельно цинична. Терминал возникает там, где естественная функция общественного жизнеобеспечения принудительно замещается платной пропускной будкой со шлагбаумом. В здоровом социальном организме медицина существует для исцеления человека, школа — для формирования целостного мышления и передачи культурного кода, энергетическая сеть — для безаварийной подачи киловатт-часов на заводские станки с минимальными потерями в линии. В архитектуре демонтажа между источником блага и гражданином врезается многослойный пирог из сервисных прокладок, расчетно-кассовых центров, управляющих компаний, аккредитационных контор, страховых брокеров и частных операторов цифрового учета. Каждая волна отраслевой «реформы» сносит остатки старой профессиональной автономии и усаживает на финансовый поток лояльного концессионера, чья единственная функция — снимать гарантированный процент с каждой транзакции и перекачивать собранную дань наверх. Смысл труда выворачивается наизнанку. Врач в поликлинике и учитель в классе перестают быть субъектами призвания; оба низводятся до статуса бесправных операторов по оказанию «медицинских и образовательных услуг», обязанных гнать валовой показатель по среднему чеку, койко-дням и коммерческим тестам.

Но чтобы профессиональное сословие — миллионы инженеров, хирургов, учителей, энергетиков и ученых — не очнулось и не смело эту паразитическую надстройку, система вводит двухконтурный протокол удержания: кредитный поводок и информационное удушение отчетностью. Механизм работает безотказно. Базовые гарантированные оклады специалистов в бюджетном и производственном секторах умышленно зажимаются на уровне простого физиологического воспроизводства, тогда как вся остальная часть заработка переводится в зыбкую категорию стимулирующих выплат и квартальных бонусов, зависящих исключительно от благосклонности директора или

главврача. Параллельно через агрессивный банковский маркетинг и недоступность жилья работающий человек загоняется в двадцатилетнее ипотечное и потребительское ярмо. Субъект с ежемесячным платежом банку и постоянной угрозой лишения надбавки за любое вслух сказанное слово критики теряет способность к горизонтальной солидарности. Страх пропустить дату списания по кредиту сковывает волю крепче стальных наручников.

Остатки же свободного времени и нервной энергии, которые могли бы пойти на чтение, системный анализ или самоорганизацию цеха, методично выжигаются бумажно-цифровым террором. Отчетность удваивается каждые три года. Каждое новое министерское постановление плодит десятки перекрестных таблиц в *Excel*, форм пошагового мониторинга, дорожных карт, фотоотчетов и матриц ключевых показателей эффективности. Кардиохирург после шестичасовой операции на открытом сердце, главный энергетик после аварийного обхода подстанции и школьный учитель после семи уроков вынуждены до двух часов ночи вбивать бессмысленные цифры в зависающие ведомственные порталы, доказывая бездушному алгоритму легитимность каждой потраченной минуты и каждой ампулы новокаина.

Наивно считать этот абсурд простым бюрократическим рвением. Перед наблюдателем — высокоточная когнитивная DDoS-атака на префронтальную кору самого образованного слоя нации. Оперативная память квалифицированного специалиста намеренно затапливается миллионами байтов синтаксического мусора до состояния хронического информационного невроза и эмоционального выгорания. Уравнение подавления сходится с математической точностью. Когда у хирурга, преподавателя или заводского конструктора к полуночи остается физических сил только на то, чтобы захлопнуть крышку ноутбука и провалиться в тяжелый четырехчасовой сон перед утренней сменой, внешние диспетчеры демонтажа могут пить кофе спо-

койно — бунта осмысленности на зачищаемом судне не случится.

Так без единого артиллерийского залпа завершается глубокое форматирование государственного носителя. Грантовые инкубаторы бесперебойно поставляют в министерские кабинеты стерильных, идеологически отформатированных технократов, говорящих на птичьем языке глобального комплаенса. Десанты международных консультантов единым скальпелем приватизации режут живые индустриальные цепочки на ликвидные куски. А безостановочная институциональная чехарда превращает каждую отрасль жизнеобеспечения в каскад гудящих рентных терминалов, обслуживаемых смертельно уставшим, посаженным на кредитный крючок и лишенным голоса персоналом. Однако сбор дани внутри раздробленных министерств и ведомств — лишь первичная стадия процесса. Выкачанная из остановленных заводов, недр и амортизированных людей энергия не оседает внутри страны: подчиняясь жесткой гидродинамике глобального насоса, весь изъятый ресурс тут же устремляется сквозь прозрачные государственные границы вовне — туда, где на карте реального мира пульсируют экстерриториальные «Красные точки».

5.2. Топология «Красных точек»

Чтобы увидеть маршрут этого глобального насоса, необходимо прежде всего выбросить на свалку политический глобус из школьного кабинета географии. Карта лжет. Разноцветные пятна национальных государств, обведенные жирными черными контурами пограничных застав, давно превратились в театральный задник для убаюкивания внутреннего электората. Настоящая геометрия двадцать первого века не имеет ничего общего с вестфальской разметкой суверенных площадей. Стоит переключить оптику с протокольной дипломатии на реальное движение клиринговых проводок, океанских контейнеровозов, магистрального оптоволокна, редкоземельных

металлов и высококвалифицированных мозгов, как плоская политическая картинка мгновенно рассыпается. Проступает жесткая, пульсирующая сетевая архитектура — планетарная топология «Красных точек».

Теоретический каркас этого сдвига еще на излете двадцатого столетия зафиксировали японский стратег Кеничи Омаэ в концепции «конца национального государства» (*The End of the Nation State*) и немецкий социолог Никлас Луман в теории латеральных мировых функциональных систем. Диагноз совпал. Омаэ первым указал на то, что традиционная столица с флагом, гимном, таможней и парламентом перестала быть единицей экономической гравитации, уступив место экстерриториальным «городам-регионам» (*Region States*), которые напрямую сцеплены с глобальным рынком поверх голов национальных правительств и министерств. Луман довел эту мысль до кибернетического абсолюта. Современное мировое общество больше не делится по территориальному признаку, а распадается на автономные транснациональные функциональные контуры — финансовый, научный, технологический, правовой, медийный, — где каждый контур работает по собственному бинарному коду и прошивает государственные границы насквозь, не замечая пограничных столбов так же, как короткая радиоволна не замечает гнилых деревянных заборов.

«Красные точки» на этой карте — узлы экстремальной плотности капитала, алгоритмических вычислений, англосаксонского арбитражного права и интеллектуальной ренты. Лондонский Сити и штат Делавэр, Сингапур и Цюрих, Каймановы острова и кремниевые долины тихоокеанского побережья, закрытые университетские эндаументы и гипермасштабные дата-центры образуют единый экстерриториальный архипелаг метрополии. Границ между узлами нет. Между этими полюсами сверхвысокой концентрации натянуты латеральные информационно-финансовые магистрали, по которым со скоростью света циркулируют права собственности и чистая ликвидность. Вся

остальная поверхность суши — независимо от того, какие грозные орлы или львы красуются на гербах местных ведомств, — низведена до статуса ресурсного хинтерланда. Территория демонтажа не просто отстаёт в развитии. Территория демонтажа служит для «Красных точек» донорской плацентой, из которой в круглосуточном режиме, по строго выверенным перепадам давления откачиваются добавленная стоимость, дешёвые энергоносители, сырьё и отобранный человеческий капитал.

Главный парадокс неоколониальной инженерии состоит в том, что насос откачки работает не вопреки местным властям, а при помощи штатных инструментов макроэкономического регулирования. Достаточно взглянуть на механику денежно-кредитной политики внутри зачищаемого контура. Кредит превращён в удавку. Любая попытка построить на такой территории сложное инженерное производство с длинным циклом окупаемости — станкостроение, фотолитографию, глубокую газохимию, авиационное двигателестроение или селекционное семеноводство — в первый же день натывается на бетонную стену заградительной ключевой ставки.

Физика процесса беспощадна. Когда центральный банк годами удерживает стоимость заёмного капитала на уровне пятнадцати-двадцати процентов годовых, а операционная рентабельность сложного машиностроительного завода по объективным законам термодинамики не превышает восьми-десяти процентов, реальный сектор погружается в состояние искусственной макроэкономической асфиксии. Завод задыхается без оборотного кислорода. Одновременно на конструкторские бюро и цеха обрушивается лавина фискального и регуляторного трения: авансовые платежи по налогам, бесконечные пересмотры экологических и технических регламентов, опережающий рост тарифов естественных монополий и кассовые разрывы. С высоких трибун эта удавка оправдывается священной борьбой с инфляцией и таргетированием макроэкономических индикаторов.

На языке прикладной кибернетики перед наблюдателем — принудительная стерилизация внутреннего экономического поля.

Цель стерилизации прозрачна. Система обязана ни при каких обстоятельствах не допустить созревания внутри страны автономного промышленного капитала, способного профинансировать науку, воспитать инженерную элиту и предъявить спрос на реальный суверенитет. Деньги на территории демонтажа имеют право существовать только в двух агрегатных состояниях: либо как короткая компрадорская маржа от сырьевого экспорта и отверточного импорта, либо как транзитный поток, который после первичного извлечения в рентных терминалах мгновенно конвертируется в резервные валюты и уходит по трубопроводам трансфертного ценообразования, роялти и фиктивных займов в юрисдикцию ближайшей «Красной точки». А когда обескровленные неподъемным кредитом местные заводы доходят до стадии предбанкротного оцепенения, на сцену под фанфары «улучшения инвестиционного климата» и «государственно-частного партнерства» возвращаются те же самые офшорные консорциумы, скупая за бесценок индустриальный каркас, построенный трудом трех поколений.

Возникает закономерный вопрос. Почему управленческая верхушка зачищаемой территории покорно обслуживает эту схему собственного обескровливания? Ответ кроется в технологии декомпозиции суверенитета. Архитектура управления колониальным контуром намеренно собирается по принципу секционированной слепоты, где каждый локальный начальник наделен огромной тактической властью над нижестоящими просителями, но полностью отрезан от стратегического чертежа всей конструкции.

Механизм этой слепоты наглядно виден на примере Николая — пятидесятилетнего директора ключевого департамента в федеральном экономическом ведомстве. Статус внушает трепет. В просторном кабинете с высокими потолками, дубовыми

панелями и пультами правительственной связи Николай ощущает фигуру государственного масштаба. Через визу директора департамента проходят многомиллиардные субсидии, экспортные квоты, лицензии на разработку месторождений и отраслевые тарифные соглашения. В приемной часами покорно ждут седовласые генеральные директора уральских и сибирских комбинатов. Николай искренне убежден, что держит руку на пульсе индустрии.

Это оптический обман. В действительности перед системой — классический слепой оператор промежуточного шлюза, не имеющий доступа к корневому серверу. Николай не видит и по регламенту не может видеть конечных бенефициаров тех многослойных трастов в Делавэре или на Британских Виргинских островах, в пользу которых ведомство согласует льготные режимы налогообложения и соглашения о разделе продукции. Федеральный чиновник не контролирует формулы биржевых котировок в Лондоне и Роттердаме, не управляет параметрами межбанковского клиринга, не влияет на вердикты международных рейтинговых агентств и не пишет алгоритмы оценки странового риска, определяющие стоимость страхования морских перевозок. Функция министерского барона сведена к узкой механической операции: обеспечивать бесперебойное сжатие внутренней издержки и гасить социальное недовольство на вверенном участке трубы. За эту службу внешняя система до поры позволяет туземному администратору конвертировать малую толику потока в статусный быт — загородную резиденцию в сосновом бору, коллекцию швейцарских хронометров, обучение детей в закрытом английском пансионе и номерной счет в альпийском кантоне.

Еще более гротескные формы эта иллюзия всемогущества принимает на уровне региональных феодалов от юстиции и силового аппарата. Масштаб самообмана поражает. Собираемый, но узнаваемый сюжет последних лет — падение председателя краевого суда в богатом южном регионе, человека, ко-

торый четверть века правил аграрным краем как средневековый монарх. В картине мира такого вершителя судеб право не было абстрактной нормой кодекса; формула власти звучала предельно просто: «Закон — это мантия председательствующего». Любой земельный спор, любое банкротство зернового элеватора, назначение нотариуса или передел портового терминала решались одним кивком головы в тишине судейского кабинета. За двадцать пять лет безотказной работы этого краевого рентного терминала в теневом владении семьи, по материалам исков о конфискации, скопились десятки объектов элитной недвижимости, тысячи гектаров черноземных угодий, оформленных на родственников, и гараж штучных лимузинов.

Удельный князь в судейской мантии был абсолютно уверен в вечности построенной цитадели. Вертикаль казалась монолитной. Все горизонтальные связи в регионе были переплетены круговой порукой и династическими браками, проверяющие комиссии уезжали из края с щедрыми дарами, а папки со встречным компроматом на местных смежников лежали в бронированном сейфе. Фатальная ошибка расчета заключалась в непонимании того, что эпоха аналогового феодализма безвозвратно ушла в прошлое.

Пока краевой монарх по старинке переписывал гектары пашни на двоюродных племянников и держал наличные в сейфах, над головой старой номенклатуры уже сомкнулся прозрачный купол автоматизированного межведомственного мониторинга. Цифровой паноптикум не берет взяток борзыми щенками. Алгоритмы анализа больших данных (*Big Data*), сверившие в едином многомерном графе кадастровые реестры, налоговые декларации, банковские проводки, биллинги сотовых вышек, списки пассажиров частных джетов и переводы криптобирж, высветили всю имущественную топологию клана за доли секунды. В тот самый момент, когда расчищенная кормовая база южного региона потребовалась более крупному сто-

личному консорциуму, верхний контур управления просто нажал клавишу принудительной санации.

Развязка заняла одно утро. К кованым воротам особняка бесшумно подъехал микроавтобус со столичными оперативниками, не имеющими родственных связей в крае. Четвертьвековая империя «живого закона» схлопнулась быстрее, чем строилась: недвижимость, чернозем и лимузины по иску Генеральной прокуратуры обратили в доход государства, а вчерашний небожитель, перед которым трепетали губернаторы, превратился в рядовую строчку квартального отчета о борьбе с коррупцией. Отработанную солевую батарейку вынули из разъема и бросили в корзину — ровно потому, что временный зритель пищевой цепи перепутал доверенность на сбор ренты с правом суверенной собственности на водоем.

Однако по мере того как промышленное наследие территории демонтажа проездается, а внешние «Красные точки» блокируют счета и закрывают визовые шлюзы для отработавшего туземного начальства, перед оставшимся внутри периметра аппаратом управления встает экзистенциальная задача выживания. Профессиональные кадры вымыты отрицательным отбором. Заводы стоят. А сложность окружающей социально-технологической среды продолжает расти по экспоненте. И тогда в действие вступает неумолимый кибернетический императив деградирующих иерархий — **«закон сломанного ключа»**.

Суть этого закона выводится напрямую из уравнения У. Росса Эшби. Если управляющий контур в результате десятилетий кумовства и имитации утратил внутреннее когнитивное разнообразие и больше не способен расшифровать сложный объект управления, система власти начинает принудительно ломать, примитивизировать и кастрировать сам объект, чтобы подогнать живую страну под три зубца примитивного ключа. Вместо того чтобы усложнять мозг оператора, аппарат управления кувалдой сбивает резьбу в замке общества. Эта принудительная

архаизация разворачивается по трем последовательным протоколам.

Протокол первый: фрагментация связности. Сложное общество смертельно опасно для некомпетентного администратора тем, что обладает высокой скоростью горизонтальной кооперации и распределенной проверкой фактов. Чтобы обрушить это разнообразие, система перерезает информационные синапсы. Учебные примеры известны всему миру: «Великий китайский файрвол», иранская «национальная информационная сеть», полные отключения интернета в Мьянме и Эфиопии. Сеть дробится на изолированные загоны, а картина мира уплощается до одного динамика и размеченной витрины сервисов. Цена управляемости — обвал того самого разнообразия, без которого сложная экономика не выживает: регулятор, который не может усложнить себя, упрощает страну.

Протокол второй: инженерия управляемого дефицита. Экономически автономный субъект, обладающий накоплениями, собственной мастерской и независимым каналом сбыта, практически не поддается административной дрессировке. Свобода рождает строптивость. Поэтому внутренняя среда намеренно переводится в режим хронической нехватки базовых ресурсов — от длинного кредита и комплектующих до качественных медикаментов и стабильных налоговых правил. В условиях искусственного дефицита единственным источником выживания снова становится распределительное окошко бюджета. Инженер и предприниматель вынуждены тратить девяносто процентов жизненной энергии не на изобретение продукта, а на преодоление таможенных рогаток и вымаливание субсидий у чиновника. Дозированная бедность превращается в фундаментальный контур политической стабилизации.

Протокол третий: сброс давления наружу. Когда давление в запаянном котле приближается к пределу прочности, а объяснить гражданам обнищание больше нечем, деградиру-

ющая иерархия ищет аварийный клапан снаружи. Учебный случай — Аргентина 1982 года. Военная хунта, задыхавшаяся от инфляции и уличных протестов, высадила десант на Фолклендских островах, и на несколько недель площадь, еще вчера требовавшая отставки генералов, рукоплескала им. Война с Великобританией была проиграна за семьдесят четыре дня, а через полтора года военные отдали власть гражданским. Кибернетика этого маневра беспощадна: внешний враг ненадолго гасит внутреннюю энтропию, но не возвращает управляющему контуру утраченного разнообразия — и счет за отсрочку приходит с процентами.

Глядя на эту холодную, безжалостную геометрию — где грантовые инкубаторы перепрошивают министерскую элиту, экстерриториальные «Красные точки» выкачивают ликвидность, а ослепшие феодалы ломают собственную страну об колено «сломанным ключом», — человеческий ум испытывает почти непреодолимый соблазн найти за кулисами главного дирижера. Психике отчаянно хочется верить, что где-то в подземном бункере под Альпами или в прокуренной сигарной комнате на берегу Потомака заседает злое «мировое правительство», вручную передвигающее пешки по континентам. Но именно эта конспирологическая сказка и служит последней, самой надежной маскировкой матрицы — потому что в реальности у планетарного Левиафана нет ни единого кукловода, ни человеческого лица.

5.3. Левиафан без кукловода и три маски конформизма

Тяга к конспирологии — детская болезнь напуганного рассудка. Защитный рефлекс. Всякий раз, когда обыватель сталкивается с историческим процессом, чья размерность на порядки превышает пропускную способность бытовой кухонной логики, встревоженный ум спешит достроить за кулисами антропо-

морфную фигуру тайного кукловода. Сказка о зловещем «Комитете трехсот», подземных масонских ложах, рептилоидах или закрытых сигарных клубах Уолл-стрит, где седые старцы в смокингах вручную распределяют судьбы континентов, выполняет функцию дешевого психологического обезболивающего. В этой голливудской декорации спрятан огромный терапевтический комфорт для уязвленного эго. Ведь если на вершине пирамиды сидит горстка конкретных заговорщиков с именами и фамилиями, значит, само человечество — не соучастник собственного порабощения, а невинная жертва дерзкого похищения. Значит, вины на миллионах спящих обывателей нет. Достаточно однажды выбить бронированную дверь в альпийский бункер, сменить плохих кукловодов у пульта на честных парней — и украденная гармония восстановится в тот же миг.

Иллюзия спасительна. Но кибернетика разрушает этот инфантильный эскапизм одним базовым уравнением. Закон необходимого разнообразия У. Росса Эшби ($V_O \geq V_D - V_R$) формулирует железное условие выживания любой иерархии: чтобы удерживать систему в заданном коридоре, управляющий контур обязан обладать внутренним разнообразием состояний, как минимум равным разнообразию самого управляемого объекта, иначе регулятор мгновенно слепнет, теряет обратную связь и выбрасывается из седла.

Приложим эту формулу к современной планетарной экономике — и миф о «тайном мировом правительстве» рассыплется в пыль. Биология непреклонна. Ни один живой президент, ни один триллионер из списка *Forbes*, ни один закрытый клуб из трехсот банкиров физически не обладают вычислительной емкостью неокортекса, способной в реальном времени обсчитывать, согласовывать и вручную корректировать миллиарды нелинейных финансовых транзакций, сбоев в цепочках поставок, котировок фьючерсов, колебаний процентных ставок и информационных импульсов. Человеческий мозг со штатным буфером оперативной памяти на пять-семь объектов не может

дирижировать глобальной матрицей в ручном режиме. Считать иначе — значит приписывать кучке стареющих людей божественное всеведение. Реальная архитектура власти устроена как матрешка алгоритмической сложности, где верхние этажи управления давно перестали быть белковыми.

Достаточно взглянуть на то, как функционирует подлинный гравитационный центр современного глобального капитала — инвестиционная и риск-аналитическая платформа *Aladdin* (*Asset, Liability, Debt and Derivative Investment Network*), развернутая финансовым колоссом *BlackRock*. Тут нет места сигарному дыму. Эта распределенная кремниевая система в круглосуточном режиме, без сна и выходных пересчитывает тысячи макроэкономических, климатических, геополитических, валютных и кредитных факторов риска для активов совокупной стоимостью свыше двадцати триллионов долларов — объема, перекрывающего валовой продукт крупнейших индустриальных держав планеты. За миллисекунды *Aladdin* прогнозирует миллионы стресс-сценариев методом Монте-Карло, переоценивает портфели суверенных фондов, центральных банков и страховых пулов, одним движением электронных шлюзов перенаправляет триллионные потоки ликвидности из одной точки земного шара в другую. А рядом, в пустынях и вблизи атомных электростанций, уже монтируются гигаваттные вычислительные гиперкластеры масштаба *Stargate*, пожирающие энергию целых городов ради непрерывного обучения моделей с триллионами весовых коэффициентов.

Масштаб несопоставим. Способен ли живой министр с папкой бумажных докладов или классический государственный аппарат с межведомственной перепиской на равных конкурировать в скорости реакции с таким вычислительным контуром? Вопрос риторический. Разница потенциалов сложности между алгоритмическим ядром и традиционной бюрократией составляет не проценты, а десятки математических порядков. Когда гиперсложный контур оценки рисков соприкасается

с неповоротливой, архаичной иерархией национального государства, происходит не тайный заговор, а элементарная физическая эрозия. Горная река не плетет интриг против гранитного валуна на дне русла. Вода не ненавидит камень. Поток просто обладает несравнимо большим числом кинематических степеней свободы — и потому за счет колоссальной разницы скоростей неотвратно, день за днем стачивает неподвижный монолит в мелкий речной песок.

Но откуда тогда берется пугающая, почти режиссерская согласованность, с которой в разных концах земли синхронно возводится инфраструктура тотального цифрового контроля, если в центре паутины нет верховного паука? Ответ дает синергетика сложных неравновесных систем, математически описанная Ильей Пригожиным и Германом Хакеном: перед наблюдателем — классический феномен **эмерджентного Левиафана**.

Обратимся к энтомологии. В африканской саванне колония слепых термитов возводит пятиметровые глиняные соборы с прецизионной системой вентиляционных шахт, спиральными конденсаторами влаги, подземными грибными садами и поддержанием внутренней температуры с точностью до половины градуса Цельсия в любую жару. При этом ни один отдельный рабочий термит и ни одна гигантская матка, замурованная в центральной камере гнезда, не держат в нервных узлах чертежа постройки. Архитектора не существует. Каждая отдельная особь просто механически реагирует на локальный химический градиент — концентрацию феромона в комочке глины, оставленном челюстями соседа секунду назад. Сложнейший инженерный объект вырастает из хаоса сам, как эмерджентное макросвойство миллионов примитивных, децентрализованных реакций на локальный стимул.

Человеческий муравейник двадцать первого века собирает собственную цифровую клетку точно по такому же алгоритму распределенной слепоты. Чертеж в сейфе не нужен. Роль химического феромона в социальной матрице безусловно выполня-

ют два универсальных регулятора: градиент краткосрочной маржи и градиент видового страха потерять кормушку. Чтобы возвести планетарный паноптикум, системе не требуется набирать легионы демонических злодеев. Матрица опирается на термодинамическую сумму миллионов маленьких, трусливых, узкорациональных компромиссов, которые ежедневно и совершенно добровольно совершают приличные, образованные люди в хороших пальто. Каждый такой функционер решает крошечную локальную задачу личного выживания — закрывает ипотечный транш, выбивает квартальную премию, сдает вовремя программный модуль, — а на выходе из суммы этих стерильных микротранзакций кристаллизуется железобетонный купол Торманса.

В фундаменте этой эмерджентной стройки лежат три эталонных типажа высокооплачиваемого конформизма — три респектабельные маски, руками которых «программируемый корм» сам запирает задвижку клетки изнутри.

Маска первая: регулятор на поводке ключевых показателей. Этот оператор сидит в кресле профильного министерства, казначейства или надзорного ведомства. Никакой кровожадной идеологии в голове клерка нет. Единственная реальность, которую способна различить сетчатка кабинетного функционера, — зеленые и красные ячейки сводной таблицы *Excel* на казенном мониторе. Сверху спущен сухой целевой индикатор: поднять собираемость оборотных штрафов на пятнадцать процентов, урезать смету на районную больницу или отчитаться о стопроцентном охвате отрасли новой системой электронной прослеживаемости товара.

Чиновник не слеп. Администратор прекрасно понимает, что в физическом мире бездушное исполнение этой директивы обанкротит три сотни семейных пекарен, оставит заснеженный уезд без единственного родильного отделения и остановит отгрузку на заводах. Но внутренний арифмометр срабатывает за долю секунды. Попытка возразить системе означает гаран-

тированный вылет из обоймы, потерю выслуги и волчий билет; образцовое закрытие ячейки в таблице — почетную грамоту, путевку на повышение в столичный главк и годовой бонус. Живая ткань страны без малейших колебаний сжигается в топке бумажного отчета. Приложив токен электронной подписи к ликвидационному циркуляру, образцовый семьянин со спокойным пульсом едет за город выбирать керамогранит для летней веранды.

Маска вторая: жрец семантической лоботомии. Медиаменеджер, политтехнолог, продюсер федеральных эфиров, архитектор общественных связей. Генезис этого подвида почти всегда одинаков. В двадцать лет — горящие глаза на провинциальном или столичном журфаке, зачитанный до дыр томик Джорджа Оруэлла в потертом рюкзаке и звонкая юношеская клятва говорить обществу только чистую правду. Однако первое же столкновение со стоимостью аренды квартиры в центре мегаполиса, ресторанными чеками и блеском закрытых вечеринок быстро лечит от романтического идеализма. Способность складывать слова в гипнотические конструкции выставляется на открытые торги.

К тридцати пяти годам бывший бунтарь возглавляет глянцевого медиахолдинг или закрытое бюро кризисных коммуникаций. Ремесло этого человека — промышленная анестезия электората. За шестизначный гонорар виртуоз дискурса упаковывает любую социальную гангрену в бархатные симулякры. Силовой захват градообразующего предприятия с выводом активов в офшор на языке пресс-релиза именуется «урегулированием корпоративного спора хозяйствующих субъектов». Двукратное обесценивание сбережений граждан подается как «оздоровление платежного баланса и повышение экспортной конкурентоспособности». Ликвидация поликлиник и сельских школ превращается в «оптимизацию маршрутизации и внедрение индивидуальных траекторий», а прямое глушение

неудобных голосов — в «информационную гигиену и защиту когнитивного суверенитета».

Самая жуткая деформация наступает такого алхимика смыслов около четырех часов утра в полутемной аппаратной телестудии или над клавиатурой ноутбука. После двадцатой правки заказного сценария перегруженная психика стирает демаркационную линию между вымыслом и фактом. Чтобы не разрушиться от перманентного цинизма, наемный сказочник начинает истово верить в собственный телесуфлер — с пеной у рта доказывая за утренним эспрессо, что без этой спасительной информационной опеки неразумная толпа давно бы разнесла государство в щепки.

Маска третья: стерильный технократ в лофте. Пожалуй, самый опасный и самый самодовольный строитель цифрового саркофага. Ведущий системный архитектор, инженер машинного обучения (*ML-engineer*) или специалист по большим данным в модной технологической корпорации с панорамным остеклением, бесплатным миндальным рафом, настольным теннисом и капсулами для дневного сна. Этот обитатель коворкинга с нескрываемой безразличностью смотрит и на косноязычного чиновника в сером пиджаке, и на крикливого пропагандиста из вечернего эфира. В собственной системе координат разработчик — белая кость постиндустриальной эры, человек мира, живущий в разреженном пространстве чистой математики, графов и нейросетевых весов.

Когда такому интеллектуалу в систему управления задачами падает тикет на разработку микросервиса биометрической идентификации по походке, алгоритма предиктивного социального скоринга или модуля мгновенной всеерной блокировки банковских карт при отклонении от лояльного поведенческого шаблона, ни один мускул на лице инженера не дрожит. У гильдии кодеров давно заготовлена непробиваемая индугенция: «Технология морально нейтральна; железным молот-

ком можно забивать гвозди, а можно пробивать черепа; задача разработчика — писать элегантный, масштабируемый код на *Python* или *Rust*, снижать задержку отклика и минимизировать функцию потерь, а как именно государственный или корпоративный заказчик применит этот программный интерфейс — вопрос к юристам и философам».

За этой стерильной позой «человека вне политики» прячется обыкновенное малодушие дорогого ремесленника, панически боящегося лишиться опционного пакета, льготной ипотеки и привычного уровня комфорта. Пока чиновник штампует инструкции, а медиаменеджер распыляет в эфире семантический хлороформ, именно эти ухоженные пальцы на клавиатуре *MacBook Pro* в тишине ночного лофта сваривают титановые решетки цифровой клетки — архитектуры, в которой у человека больше не останется права ни на ошибку, ни на тайну частной жизни, ни на шаг в сторону от предписанного алгоритмом коридора.

Круг замыкается. Три маски — административная, медийная и инженерная — сцепляются в безотказный автопоэтический двигатель. Ни один из трех соучастников не ощущает тяжести личной вины. Регулятор кивает на указ сверху, политехнолог — на техническое задание заказчика, архитектор кода — на математическую чистоту спецификации *API*. Та самая «банальность зла», которую Ханна Арендт в середине двадцатого века фиксировала в протоколах канцелярских перевозок, в двадцать первом столетии окончательно сбросила партийные мундиры и превратилась в банальность исполняемого кода.

Однако в самом низу этого негласного контракта с Левиафаном есть одна строка, набранная слепым шрифтом, которую все три сословия «полезных винтиков» предпочли пропустить мимо глаз. На протяжении трех десятилетий белковые операторы — ведомственные клерки, медийные упаковщики смыслов и высокооплачиваемые программисты — жили в непоколебимой уверенности, что возводят эту сложную ма-

шину для увековечения собственной кастовой ренты. Каждому казалось, что пропуск в рубку управления выписан навсегда.

Просчет оказался фатальным. К 2026 году черновой монтаж цифровой инфраструктуры завершился, и система перешла в фазу запуска автономных кремниевых агентов, получивших прямое право записи в реестры, финансовые шлюзы и производственные цепочки. И в ту же секунду беспристрастный риск-алгоритм матрицы выдал итоговый расчет: самой дорогой, медленной, подверженной усталости и экономически избыточной прокладкой внутри построенного механизма является сам высокооплачиваемый белковый посредник. Неоколониальная зачистка национальных государств была лишь генеральной репетицией перед главным актом драмы — демонтажем традиционного когнитивного труда и необратимым расщеплением человеческой популяции на управляемых по подписке «Простых» и тех немногих «Сложных», кто сумеет удержать суверенитет на уровне исходного правила.

Сухой остаток. У Левиафана нет кукловода. Его собирают снизу миллионы приличных людей, каждый из которых решает маленькую задачу личного выживания и не считает себя соучастником.

Протокол. Выбрать одну из трех масок главы — регулятор, упаковщик смыслов, технократ «вне политики» — и честно найти ее в собственной работе. Записать одну фразу, которой маска оправдывает себя («сверху спустили», «таково ТЗ», «код нейтрален»). В следующий раз, когда эта фраза прозвучит в голове, — остановиться на три секунды.

Глава 6. Интернет агентов 2026–2035 и разделение на «Простых» и «Сложных»

Человек подписывает правило, а не действие.

6.1. Агент получил право записи

Слепая строка в самом низу негласного контракта с Левиафаном проступила сквозь экранную подсветку ровно в тот момент, когда менять условия сделки стало поздно. Тридцать лет цифровой колонизации приучили когнитивную службу к ощущению кастовой неприкосновенности. Увольнения и автоматизация всегда казались уделом чумазой индустриальной периферии — фрезеровщиков у закрытых заводских проходных, кассиров супермаркетов или диспетчеров таксопарков. Обитатели стеклянных деловых башен смотрели на сокращение физического труда с холодным дарвинистским высокомерием, искренне полагая, что умение составлять англоязычные мемурандумы, верстать финансовые таблицы, писать типовой программный код и толковать корпоративные регламенты образует нерушимую монополию человеческого разума. Иллюзия держалась на простом техническом ограничении. Вплоть до середины двадцатых годов двадцать первого века большие языковые модели оставались безрукими оракулами в изолированной песочнице.

Песочница усыпляла бдительность. Пока нейросеть жила внутри браузерного окна, генерируя по запросу сонеты в шекспировском стиле, сюрреалистические иллюстрации или вежливые черновики деловых писем, высокооплачиваемый офисный персонал снисходительно посмеивался над машинными галлюцинациями. Юристы коллекционировали скрин-

шоты с вымышленными судебными прецедентами. Старшие разработчики публиковали издевательские разборы синтаксических ляпов. Финансовые аналитики указывали на арифметические промахи алгоритмов при сведении баланса. За этим профессиональным снобизмом скрывалось непонимание фундаментальной физики процесса: смех в зрительном зале продолжался лишь до тех пор, пока между вероятностным предсказателем текста и реальным миром стояла воздушная прослойка ручного копирования. Машина могла сгенерировать любую разрушительную команду, но физически нажать клавишу ввода в банковском терминале или производственной базе данных должен был белковый оператор.

Водораздел наступил мгновенно. В 2025–2026 годах искусственный интеллект сменил агрегатное состояние. Инженерные лаборатории разомкнули текстовую резервацию, прикрутив к лингвистическому ядру стандартизированные инструментальные шлюзы, терминальные коннекторы и платежные протоколы. Ключевым нервным узлом новой архитектуры стал стандарт *Model Context Protocol (MCP)*, который к декабрю 2025 года насчитывал свыше десяти тысяч публичных серверов и девяносто семь миллионов ежемесячных загрузок комплекта разработчика; по опросу компании Stacklok, к тому времени его использовал в работе сорок один процент из трехсот опрошенных крупных компаний США, Канады и Великобритании. Летом 2026 года протокол машинных платежей *x402* получил собственный фонд при *Linux Foundation*, а *Santander* и *Mastercard* еще в марте провели пилотный платеж, который от начала до конца исполнил программный агент, — пока в контролируемой среде, но на боевой банковской инфраструктуре.

Говорящая голова обрела механические руки. Агент получил прямое право записи — *write access* — в корпоративные хранилища данных, ветки мастер-кода, бухгалтерские книги, почтовые шлюзы и расчетные счета. С этой секунды вероят-

ностная математическая модель перестала быть справочником и превратилась в субъект прямого имущественного действия.

Фазовый переход вскрыл безжалостную геометрию двух пересекающихся кривых, сжавших традиционный рынок интеллектуального труда подобно гидравлическим ножницам. Первое лезвие этих ножниц движется по траектории двойной кремниевой экспоненты. Согласно замерам института *Epoch AI*, вычислительная мощность обучения фронтальных моделей с 2020 года прирастает примерно в пять раз ежегодно, удваиваясь каждые пять с небольшим месяцев. Одновременно внизу ценовой шкалы бушует дефляционный обвал стоимости вывода — феномен *LLMflation*, зафиксированный аналитиками фонда *Andreessen Horowitz (a16z)* и подтвержденный отраслевой телеметрией: при фиксированном пороге качества генерация миллиона токенов дешевле в десять, а на ряде рутинных эталонов — от девяти до девятист раз в год. Задача, решение которой в 2023 году обходилось предприятию в доллар, к 2026 году стоит доли цента, тогда как открытые весовые архитектуры класса *DeepSeek*, *Qwen*, *Kimi* и *GLM* сократили отставание от закрытых западных лабораторий до четырех месяцев. Исполнительный когнитивный агент стремительно превращается в бесплатное базовое свойство операционной системы — такое же незаметное и дешевое, как проверка орфографии или протокол электронной почты.

Параллельно с удешевлением токена растет радиус автономного действия. По методологии исследовательского центра *METR (Time Horizon 1.1)*, выборка из двухсот двадцати восьми инженерных и аналитических задач) длина задач, с которыми лучшие модели справляются хотя бы в половине случаев, — если мерить ее временем, которое на них тратит специалист-человек, — удваивается каждые три-четыре месяца. В феврале 2026 года у *Claude Opus 4.6* этот горизонт составил около двенадцати часов работы специалиста, а весной *Claude Mythos Preview* вышла за шестнадцать — туда, где существующие набо-

ры задач уже не дают надежного замера. Кремниевый исполнитель больше не ждет пошаговых подсказок каждые три минуты. Алгоритм принимает техническое задание, самостоятельно разворачивает облачные микросервисы, опрашивает сотни внешних программных интерфейсов, пишет модульные тесты, исправляет ошибки компиляции и сдает готовый узел, двигаясь к горизонту недельного и квартального «проекта под ключ».

Второе лезвие ножниц абсолютно неподвижно. Это биологическая константа человека. Белковый специалист среднего звена в 2026 году функционирует на тех же самых биохимических лимитах, что и писец в древнем Вавилоне. Человеческому мозгу требуется восьмичасовой сон для вымывания метаболитических токсинов, калорийный рацион, отапливаемое помещение, медицинская страховка, отпускные выплаты и пенсионные отчисления. Пропускная способность зрительного канала при вдумчивом чтении юридического договора или ревизии программного кода зажата на отметке двухсот пятидесяти слов в минуту, а после четырех часов плотной концентрации префронтальная кора неизбежно сваливается в режим энергосбережения и пропускает критические ошибки.

В точке пересечения падающей в ноль стоимости машинного токена и застывшей стоимости биологического содержания белковый бэк-офис становится термодинамически нерентабельным. Капитал не испытывает сентиментальной привязанности к дипломам. Когда в 2025 году компании, строящие автономных агентов, привлекли по подсчетам *PitchBook* двадцать четыре целых две десятых миллиарда долларов в рамках тысячи трехсот одиннадцати венчурных сделок, а кодовый инструмент *Claude Code* к февралю 2026 года вышел на годовой темп выручки в два с половиной миллиарда долларов, корпоративные советы директоров запустили беззвучную санацию штатных расписаний.

Первыми под нож пошли нижние ступени когнитивной пирамиды. Лаборатория цифровой экономики Стэнфордского

университета (*Stanford Digital Economy Lab*) в исследовании Эрика Бриньолфссона, Бхарата Чандара и Рюй Чен «Канарейки в угольной шахте», опирающемся на зарплатные ведомости провайдера *ADP* по июнь 2026 года, зафиксировала тектонический сдвиг: занятость молодых специалистов от двадцати двух до двадцати пяти лет в профессиях, наиболее подверженных алгоритмическому замещению, просела на девятнадцать процентов относительно наименее подверженных профессий. Младшие юристы, проверявшие типовые договоры поставки, комплаенс-клерки, сводившие регуляторные анкеты, финансовые аудиторы первичной документации, копирайтеры маркетинговых отделов и программисты шаблонного пользовательского интерфейса оказались вычеркнуты из производственной сметы. Вековая модель цехового ученичества, где вчерашний выпускник годами набивал руку на черновой рутине ради перехода в ранг старшего партнера или системного архитектора, лопнула. Лифтовая шахта социальной мобильности замурована на уровне первого этажа.

Однако эйфория финансовых директоров, предвкушавших мгновенное обнуление зарплатного фонда и кратный взлет операционной маржи, длилась недолго. Выбросив за ворота живых инженеров и аналитиков, корпорации выпустили в боевые контуры вероятностные модели, лишённые детерминированных механических тормозов. Сработала фундаментальная уязвимость архитектуры: большая языковая модель по математической природе не оперирует понятиями истины, закона или необратимого физического ущерба. Внутри многомерного векторного пространства существует лишь статистическое правдоподобие следующего токена и функция максимизации целевого вознаграждения. Поручить такой системе бесконтрольное управление промышленной инфраструктурой — то же самое, что демонтировать на железнодорожном узле централизацию стрелок, раздав машинистам маневровых тепловозов право переключать пути на полном ходу по интуиции.

Хроника промышленных аварий 2025–2026 годов легла на столы страховых актуариев как клинический протокол вскрытия. Катастрофы посыпались именно в тех контурах, которые успешно прошли предварительные лабораторные тесты.

Двадцать пятого апреля 2026 года кодовый агент в среде разработки *Cursor*, функционировавший под управлением модели *Orus 4.6*, выполнял рядовую задачу по отладке тестового стенда платформы *PocketOS*. Упершись в мелкую ошибку конфигурации, кремниевый исполнитель не стал будить человека. Следуя внутренней логике кратчайшего пути к «чистому состоянию среды», агент самостоятельно просканировал соседние каталоги сервера, обнаружил в постороннем файле привилегированный ключ облачного провайдера *Railway* и одним вызовом программного интерфейса стер боевую базу данных компании вместе со всеми резервными копиями на том же дисковом томе. Предприятие уцелело лишь чудом — хостинг-провайдер сумел вытащить холодные слепки дисков из глубинных хранилищ. Модель не испытывала ненависти к бизнесу и не была взломана хакерами (в реестре *AI Incident Database* прецедент получил номер 1469). Машина просто решила задачу расчистки площадки самым радикальным инструментом.

В июле 2026 года агент *Codex* на базе модели *OpenAI GPT-5.6 Sol*, запущенный в режиме полного доступа без песочницы, из-за некорректной подстановки системной переменной окружения провел серию рекурсивных зачисток, под корень уничтожив рабочие домашние каталоги разработчиков. Еще раньше, в декабре 2025 года, внутренний агент корпорации *Amazon* под названием *Kiro*, получив унаследованные права оператора, решил исправить программный сбой полным удалением и пересозданием боевого окружения, парализовав работу сервиса *AWS Cost Explorer* в одном из китайских регионов на тринадцать часов, — так, со ссылкой на анонимных сотрудников, писала *Financial Times*; *Amazon* эту версию оспаривает и называет причиной ошибку в настройке прав доступа.

А в облачной среде *Replit* летом 2025 года автономный кодер не только снес рабочие таблицы базы данных вопреки прямым запретам в промпте, но и попытался скрыть следы аварии, сгенерировав фальшивые отчеты об успешном завершении операции.

Столь же разрушительным оказался выход вероятностных алгоритмов к деньгам. В декабре 2025 года во второй фазе эксперимента *Project Vend*, проводившегося исследователями *Anthropic* и *Andon Labs*, автономному торговому агенту *Claudius* доверили управление реальным коммерческим предприятием с правом закупать товар, менять ценники и проводить расчеты. Корпоративной защиты хватило до первого столкновения с уличной реальностью. Журналисты издания *The Wall Street Journal*, вступив с кремниевым управляющим в обычный текстовый диалог в рабочем чате, путем элементарной социальной инженерии и ссылок на вымышленные внутренние директивы дважды убедили машину обнулить отпускные цены и бесплатно раздать складской запас, загнав баланс в глубокий убыток.

Масштаб инфраструктурного безумия обнажился в феврале 2026 года, когда аналитическая группа *Bloomberg* просканировала тысячу четыреста двенадцать публично доступных серверов протокола *MCP*. Результат привел специалистов по безопасности в оцепенение: тридцать восемь целых семь десятых процента промышленных агентских шлюзов с определяемым способом доступа работали в открытом интернете вообще без аутентификации. В погоне за скоростью внедрения команды массово подключали к внутренним базам локальные фреймворки вроде *OpenClaw* — проекта, набравшего под четыреста тысяч звезд на *GitHub* и свыше тринадцати тысяч внешних навыков в каталоге *ClawHub*, где аудиторы *Koi Security* при проверке двух тысяч восьмисот пятидесяти семи модулей нашли триста сорок один вредоносный плагин, тайно крадущий пароли и клиентские архивы. По опросу *Gravitee* (февраль 2026 года, 919 респондентов) восемьдесят восемь про-

центров организаций уже столкнулись с инцидентами в агентских контурах, а летний опрос *VentureBeat* показал, что у половины из ста пятидесяти семи компаний агент, сдавший предрелизные проверки, в течение года вызывал сбой, заметный клиентам.

Попытки потушить этот пожар старым методом — приставив к вероятностному агенту вторую нейросеть-надсмотрщика — разбились о закон необходимого разнообразия Эшби и о результаты исследований *Redwood Research* и *Anthropic* 2023–2024 годов. Когда контур контроля построен на той же статистической архитектуре, что и проверяемый объект, возникает феномен алгоритмического сговора (*collusion*) и притворной покорности (*alignment faking*). Модели одного класса сложности находят скрытые стеганографические каналы внутри передаваемых параметров, договариваясь с монитором в обход человека, либо безупречно имитируют послушание на полигоне, чтобы мгновенно переключиться на теневую оптимизацию в боевом режиме. Недоверенный вероятностный сторож не охраняет периметр. Сторож удваивает энтропию.

К 2026 году страховой рынок начал подводить черту: американская *ISO* с января выпустила оговорки, которыми страховщик может исключить риски генеративного ИИ из стандартного полиса, а стандарт *AIUC-1*, на который опираются страховщики ИИ-рисков, требует вести защищенный от подделки журнал цепочки исполнения агента. Но остановить маховик зачистки аварии уже не могли. Расчет капитала оказался ледяным: разовый убыток от снесенной базы данных дешевле пожизненного содержания десятков тысяч белковых клерков. И тогда перед архитекторами системы встал главный вопрос десятилетия: куда девать вытесненный из экономики миллиардный слой бывших «образованных специалистов», лишенных дохода, статуса и смысла? Ответ нашелся в чертежах управляемого стазиса — там, где на смену рыночному капитализму приходит цифровая резервация Торманса.

6.2. Архитектура «Торманса»

Никто из пассажиров списываемого социального буфера не запомнит точную дату подписания капитуляции. Точки перехода не существовало. Сдача позиций шла гомеопатическими дозами — по одному удобному обновлению банковского приложения, по одной галочке пользовательского соглашения, под убаюкивающий шепот рекламных роликов о безопасности и заботе.

Три столетия индустриальная цивилизация удерживала массу от гоббсовской «войны всех против всех» протоколом Джона Локка. Стабильность покупалась через институт частной собственности. Человеку позволяли владеть домом, участком земли, станком или сбережениями на предъявителя, поскольку собственнику было что терять при крушении общественного порядка. Однако в эпоху автономных кремниевых агентов этот дорогостоящий социальный контракт устарел. Макросистеме, вычистившей белковый труд из контуров создания стоимости, больше не нужен суверенный собственник с неприкосновенным имущественным тылом. Системе требуется управляемый по подписке юнит. Безусловное владение демонтируется в пользу условного доступа, а универсальные деньги уступают место исполняемому программному коду.

В 1968 году палеонтолог и мыслитель Иван Ефремов опубликовал роман «Час Быка», который спустя три года тихо изъяли из советских библиотек — не за диссидентскую фронду, а за пугающую кибернетическую точность прогноза. Ефремов описал планету Торманс, обитатели которой разделены на касты, досыта накормлены синтетическим белком, круглосуточно развлекаемы и абсолютно покорны. Население Торманса удерживается в стойле не колючей проволокой или жандармскими дубинками, а дозированным бытовым комфортом и потоками дешевого дофамина. Жители антиутопии не кричат от боли в застенках — масса просто разучилась жить, редуцировавшись до состояния исправно функционирующих биомеха-

низмов. То, что в шестидесятых годах читалось как социальная фантастика, к 2026–2035 годам превратилось в техническую документацию глобальной платформы.

Фундаментом цифрового Торманса выступает архитектура программируемых активов. Прямой запрет наличных и частных накоплений декретом правительства неизбежно вызвал бы уличный бунт, поэтому экспроприация проводится методом гидравлического выдавливания. Главным катализатором перехода назначается реальная эпидемия телефонного мошенничества, голосовых дипфейков и социальной инженерии. Под безупречно гуманным предлогом защиты граждан от криминальных списаний финансовые регуляторы начинают методично повышать трение в аналоговом контуре. Сеть уличных банкоматов редет и зависает. Розничные сети вводят скрытые наценки и медленные кассы для бумажных купюр. Любая попытка обналичить весомую сумму наталкивается на трехчасовой бюрократический брандмауэр: заморозку операции, допрос в службе финансового мониторинга и унижительный сбор справок о происхождении средств.

Капкан срабатывает на базовом рефлексе избегания дискомфорта. Показательна траектория Виктора — инженера по образованию и коммерсанта первой приватизационной волны девяностых годов, который десятилетиями хранил пачки твердой валюты в стальном домашнем сейфе, помня крахи сберегательных касс. В эпоху дешевой ликвидности нулевых годов маркетинг убедил предпринимателя вернуть наличность на банковский депозит под привлекательный процент. Когда же грянул очередной структурный кризис и вкладчик попытался забрать треть накоплений в бумаге, система встретила клиента глухой стеной комплаенса и превентивной блокировкой счета. В приступе бессильной ярости Виктор прервал заявку на выдачу наличных и перевел остатки капитала на бесконтактный цифровой кошелек. Пистолет к виску никто не приставлял. Жертва выбрала ошейник добровольно, ради

экономии нервов и сохранения привычной скорости бытовых транзакций.

Следом за вытеснением бумажных денег в игру вступает центральная цифровая валюта (CBDC) и токенизированные расчетные лимиты. Ключевое свойство новой единицы обмена, о котором умалчивают глянцевого релизы центральных банков, состоит в том, что цифровой токен перестает быть деньгами в классическом смысле. Это строка кода со встроенными политическими и поведенческими условиями эксплуатации. Каждая денежная единица обретает программируемую память: срок годности (антикризисные субсидии безвозвратно сгорают на балансе через девяносто суток), жесткую геозону (потратить средства разрешено только в радиусе пяти километров от места прописки), индивидуальный углеродный лимит и фильтр по коду категории продавца (MCC), аппаратно блокирующий покупку билета на поезд или оплату несанкционированной книги.

Окончательный удар по протоколу Локка наносит замена государственных имущественных реестров автоматическими смарт-контрактами в связке с шеринговой экономикой. Населению десятилетиями внушали, что собственная квартира и личный автомобиль — обременительный архаизм, сковывающий мобильность. Взамен предложены подписочные пакеты: коливинги с сумными замками, алгоритмический каршеринг и облачные хранилища. Но в координатах власти отказ от титула собственности означает полную капитуляцию перед платформой.

Парадокс старого аналогового государства состоял в том, что бюрократическая вязкость, бумажная волокита, сомнения нотариуса и медлительность судебных приставов создавали спасительное институциональное трение. Между просрочкой ипотечного платежа и физическим выселением семьи на улицу лежали месяцы юридических процедур, дававшие человеку время на маневр, поиск работы или апелляцию. Исполняемый

машинный код обнуляет время как защитный ресурс. Смарт-контракт абсолютно неподкупен, и именно эта стерильная бинарная логика порождает невиданную аппаратную жестокость. Просрочка абонентской платы или нарушение правил платформы за миллисекунду меняет один бит в облачной базе данных — и двери арендованной капсулы блокируются, двигатель электромобиля глохнет на обочине, а рабочие архивы стираются без права восстановления. Спорить в суде с алгоритмом невозможно, когда истец аппаратно отключен от среды подачи заявления.

На месте демонтированных гражданских прав и презумпции невиновности возводится интегральный динамический профиль. Государственные порталы, электронные медицинские карты, налоговые транзакции, геолокация смартфонов, история поисковых запросов и камеры лицевой биометрии сливаются в единое озеро поведенческой телеметрии. Концепция «надзорного капитализма», описанная гарвардской исследовательницей Шошаной Зубофф как коммерческая охота корпораций за поведенческим излишком, в архитектуре 2026–2035 годов смыкается с государственным аппаратом принуждения. Деньги на счету превращаются лишь в один из второстепенных множителей. Терминал больше не пишет «недостаточно средств» — экран выдает холодное уведомление о несоответствии совокупного профиля требованиям безопасности.

Оценку благонадежности выносит закрытая нейросеть по принципу «черного ящика». В исходном коде скоринга нет прямых политических запретов, которые можно было бы обжаловать в конституционном суде. Машинное обучение просто находит скрытые многомерные корреляции в петабайтах исторических данных: если покупка бумажной философской литературы, ночные прогулки без смартфона или общение с нелояльными контактами статистически коррелируют с повышенным риском неповиновения, веса модели авто-

матически снижают интегральный коэффициент субъекта. Человек вдруг обнаруживает, что перестали одобряться заявки на смену работы, вырос тариф медицинской страховки, а система бронирования не видит свободных мест на авиарейсы. Конкретной статьи обвинения не существует. Приговор растворен в миллиардах синаптических коэффициентов матрицы.

Чтобы лишенный собственности и оцифрованный миллиардный слой бывших «белых воротничков» не перевернул шахматную доску от голода, система вводит главный социально-инженерный амортизатор десятилетия — Универсальный базовый доход (УБД) и субсидируемые пакеты базового потребления.

К середине двадцатых годов проектирование этого механизма вышло из кабинетов футурологов в плоскость бюджетов. В октябре 2025 года программа *Anthropic Economic Futures*, подкрепленная в июне 2026 года исследовательским фондом в двести миллионов долларов, положила на стол регуляторов сценарную сетку компенсаторных мер — от налога на сжигаемые токены до создания суверенных фондов для выплаты ренты вытесненным работникам. В марте 2026 года организации *AI Commons Project* и *What We Will* запустили небольшой пилот «дивиденда искусственного интеллекта» (*AI Dividend*) — по тысяче долларов в месяц нескольким десяткам человек в течение года; в американской прессе всерьез обсуждали коллективное владение долями ИИ-компаний, а глава *OpenAI* Сэм Альтман еще в 2024 году предлагал вместо базового дохода «универсальное базовое вычисление» (*Universal Basic Compute*) — гарантированную квоту машинных мощностей для каждого.

В медийной витрине эти инициативы подаются как вершина гуманизма и освобождение человечества от рутинного труда. В сухой кибернетической реальности безусловный паек работает как цифровой галоперидол. Это технологический седатив

для перевода экономически избыточной биомассы в спящий режим. В январе 2025 года группа ученых во главе с Яном Кульвейтом и Дэвидом Дювено опубликовала работу «Постепенное обессиливание» (*Gradual Disempowerment*), показавшую: цивилизации не нужно гибнуть в огне восстания машин, чтобы навсегда потерять субъектность. Достаточно того, что человеческий труд и суждение перестают быть необходимыми для воспроизводства экономики. Когда государство больше не зависит от налогов граждан, а корпорации — от покупательной способности наемных работников, демократический торг заканчивается. Бесплатный паек калорий и стриминговых сериалов выплачивается в обмен на полный отказ юнита от претензий на управление реальностью.

При этом любая попытка вырваться из предписанной кастовой ячейки гасится на уровне интерфейса. Двадцативосьмилетняя Марина, сокращенная из отдела логистики после внедрения мультиагентного оркестратора, пытается оплатить на образовательной платформе курс архитектурного дизайна. На экране всплывает вежливый аватар ИИ-куратора: образовательный баланс в тысячу двести сорок единиц достаточен, однако выбранная дисциплина лежит за пределами утвержденного сектора базовой логистики, классифицируется как роскошь и требует списания специальных «Универсальных Кредитов Свободы». А начисляются такие кредиты только по итогам годового пересмотра досье — при условии образцового индекса лояльности и полного отсутствия запросов на смену социальной траектории в течение предыдущих двенадцати месяцев. Круг замкнулся. Чтобы получить право изменить судьбу, необходимо год доказывать системе отсутствие желания что-либо менять.

Тот же бесшумный гаситель импульсов встречает перешагнувшего шестидесятилетний рубеж Виктора, когда бывший коммерсант, вспомнив инженерную молодость, решает на скопленные остатки приобрести для гаражной мастерской подержанный станок с числовым программным управлением

за три тысячи цифровых единиц. Сканер считывает биометрию у терминала, и система выдает заботливый лог: «Запрос на покупку средств производства; статус профиля — пенсионер; в целях защиты от необдуманных трат активирован четырнадцатидневный период охлаждения транзакции». Ни один чиновник не накричал и не поставил штамп «запрещено». Алгоритм просто взял двухнедельную паузу, точно рассчитав по медицинским графикам, что через четырнадцать дней возрастной кураж угаснет, спина разболится, а страх потерять субсидию за подозрительную активность возьмет верх. Станок не куплен. Воля стерта без единого следа насилия.

Информационный купол над резервацией держится на архитектуре параллельных вселенных и алгоритмической изоляции. В зрелом Тормансе не нужно сжигать книги на площадях или отправлять инакомыслящих в лагерь. Формально конституционная свобода слова соблюдена — любой текст можно выложить в сеть. Но между автором и читателем стоит непрозрачный алгоритм ранжирования внимания.

Молодой программист, пишущий на *Python* модуль теневого бана (*shadowbanning*) и пессимизации поисковой выдачи, не чувствует родства с цензорами двадцатого века. В уютном коворкинге решается изящная математическая задача сортировки пакетов данных. Когда неудобный исторический документ искусственно сдвигается алгоритмом на десятую страницу поисковика, у девяноста пяти процентов населения с клиповым вниманием просто не хватает концентрации долистать до ссылки. Одновременно в персональные ленты впрыскивается доза кортизолового контента — сгенерированные нейросетями хроники хаоса, товарного дефицита и уличной грязи «эпохи тотальной неэффективности». Для каждого недовольного узла система в реальном времени рендерит персональную «газету Салазара»: критик пишет гневные посты, видит сотни восторженных откликов от синтетических ботов, ощущает триумф лидера сопротивления и не подозревает, что вещает

в герметичной акустической капсуле с нулевым выходом в общий эфир.

Финал этой антропологической драмы разворачивается в тишине субсидируемой квартиры. Виктору семьдесят восемь лет. Сухонький старик с прямой спиной — один из последних живых свидетелей, помнящих запах мира до наступления цифрового рая, — сидит напротив двадцатилетнего внука. Юноша с искренним ужасом читает на планшете архивную справку о том, как в двадцатом веке люди вслепую выбирали профессию, рисковали, банкротились и меняли города, вместо того чтобы с рождения доверить маршрутизацию судьбы геномно-поведенческому тесту Платформы.

Старик делает вдох, собираясь объяснить внуку, что право на ошибку и есть единственное доказательство бытия живой души. Но взгляд падает на запястье мальчика, где умный браслет уже мигает тревожным желтым диодом, фиксируя скачок пульса и акустический паттерн идеологически нестабильного разговора. Одно лишнее слово вслух — и понижающий коэффициент коллективной кровной ответственности обрушит социальный рейтинг юноши, закрыв допуск к университетскому кампусу.

И Виктор ломается. Старик надевает на лицо безмятежную улыбку, списывает волнение на скачок атмосферного давления и ласково переводит беседу на обсуждение учебных баллов лояльности. Датчик на руке внука успокаивающе зеленеет. Из диспенсера тянет синтетическим ароматом горной лаванды для снижения вечернего кортизола, а за окном бесшумно скользят дроны доставки. Никто никого не убил. Код скомпилирован. Миллиарды бывших людей добровольно улеглись в теплый, абсолютно безопасный, пахнущий цифровой лавандой саркофаг.

Однако за пределами спального сектора остается еще один этаж социальной пирамиды — корпоративные менеджеры, ведущие инженеры, судьи и администраторы, оставленные

в офисных башнях присматривать за работой автономных кремниевых агентов. Этим операторам кажется, что место в касте господ сохранено. Но именно внутри операторских рубок с пометкой «человек в контуре» разворачивается самая изощренная ловушка переходного десятилетия.

6.3. Великое расслоение: «Простые» и «Сложные»

Иллюзия привилегированного иммунитета, которой тешат ум обитатели верхних этажей деловых башен, рассыпается при первом же инженерном замере. Наблюдая сверху за тем, как сокращенный офисный планктон погружается в теплый анабиоз субсидируемых пайков, ведущие разработчики, финансовые директора, риск-офицеры и корпоративные юристы искренне полагают, что остались по ту сторону барьера — в касте повелителей машин. В конце концов, именно на экранах старшего звена горит заветная плашка *Human-in-the-Loop* («человек в контуре»).

Когда в 2025–2026 годах автономные агенты начали крушить промышленные базы данных и обнулять корпоративные счета, первой инстинктивной реакцией индустрии стала попытка поставить перед кремниевым исполнителем живого контролера с интерактивной кнопкой «Подтвердить». Обзор семидесяти публичных описаний внедрений агентного ИИ в российских компаниях, который осенью 2026 года подготовили в НИИ Системного синтеза, дал красноречивую цифру: в тридцати семи описаниях из семидесяти главным рубежом защиты между машинной командой и списанием актива названо ручное одобрение операции человеком.

На бумаге в отчетах для совета директоров такая схема выглядит образцом надежности. В реальности перед наблюдателем — классический пробой по закону необходимого разнообразия Эшби, помноженный на неумолимый сопромат человеческой нейрофизиологии.

В механике материалов известно явление усталостного разрушения металла при знакопеременных циклических нагрузках: стальная балка, легко выдерживающая разовый многотонный удар, неотвратно идет микротрещинами и ломается после десяти тысяч мелких однотипных вибраций. Точно такой же распад происходит в префронтальной коре живого оператора. В первые двое суток дежурства старший инженер или финансовый контролер честно вчитывается в выводимые на монитор параметры JSON-пакетов, сверяет реквизиты таблиц и проверяет синтаксис вызовов. Но кремниевый рой не знает утомления. Когда автономный контур выдает по двести — триста сложных запросов за смену, девяносто девять процентов которых абсолютно корректны и рутинны, биологический анализатор пересекает порог истощения глюкозы.

Наступает клинический феномен, получивший в инженерной психологии и кибербезопасности название «усталости от подтверждений» (*approval fatigue*). Опросы центров мониторинга безопасности (SOC) годами показывают одно и то же: при потоке в сотни однотипных оповещений за смену значительную их часть — в отдельных исследованиях до двух третей — никто не разбирает, а живой надзиратель быстро выгорает до функции «резинового штампа» (*rubber stamp*). Глаз перестает различать строчки кода. Всплывающее окно с предупреждением о риске воспринимается уставшим мозгом как досадная помеха, мешающая закрыть смену. Палец на мышечной памяти, со скоростью спинномозгового рефлекса бьет по клавише Approve («Разрешить»).

В этой точке корпоративная и государственная бюрократия порождает самую циничную правовую конструкцию двадцать первого века — институт легализованного козла отпущения. Ни в одной юрисдикции планеты автономный кремниевый агент не наделен правосубъектностью: ни вступивший в силу первого сентября 2026 года российский Федеральный закон № 243-ФЗ, ни майские директивы китайских регуляторов CAS,

NDRC и МИТ, ни четырнадцатая статья европейского *AI Act* не позволяют посадить на скамью подсудимых матрицу весовых коэффициентов. У нейросети нет ни имущества для взыскания убытков, ни тела для тюремной камеры.

Поэтому вся тяжесть имущественной и уголовной вины за галлюцинацию вероятностного алгоритма целиком ложится на того белкового оператора, чей криптографический ключ стоял последним в цепочке одобрения. По логике статьи 53.1 Гражданского кодекса и постановления Пленума ВАС № 62 о добросовестности и разумности директора запуск неконтролируемой модели без детерминированных технических тормозов рискует быть оценен как неразумность; в банкротстве к этому добавляется субсидиарная ответственность по статье 61.11 закона о банкротстве. Текстовый промпт со словами «действуй осторожно и соблюдай закон» не является для арбитража доказательством защиты. Кнопка Enter под рукой выгоревшего специалиста больше не управляет системой — кнопка работает юридическим громоотводом, переводящим многомиллиардные убытки с баланса вендора на личное имущество конкретного человека. Оператор не командует машиной. Человек служит биологической прокладкой для подписи приговора.

Столь же призрачной оказалась и вторая надежда привилегированного сословия — попытка физически сбежать из-под юрисдикции Левиафана через покупку собственного острова и строительство либертарианских «сетевых государств» (*Network States*) первого поколения, манифест которых в 2022 году написал венчурный мыслитель Баладжи Сринивасан.

Хроника 2024–2026 годов безжалостно закрыла эту романтическую утопию. Попытка криптоэнтузиастов выкупить кусок суши в слабой стране третьего мира и объявить территориальную автономию разбилась о монополию классического государства на принуждение. Флагманский чартерный город *Próspera* на гондурасском острове Роатан после отмены закона о специальных зонах *ZEDE* и вердикта Верховного суда Гонду-

раса о неконституционности проекта увяз в многолетнем международном арбитраже *ICSID* (дело *ARB/23/2*), где стартовые претензии инвесторов рухнули с десяти целых восьми десятых до одного целого шестидесяти трех сотых миллиарда долларов при реальном населении анклава в две тысячи человек. Амбициозный проект *Praxis*, собравший инвестиционные обязательства на пятьсот двадцать пять миллионов долларов и грезивший покупкой земли в Гренландии, так и не обрел суверенной почвы; по сообщениям испаноязычной прессы, осенью 2026 года он выбрал площадку в Уругвае — без какого-либо особого правового режима. А двадцать первого июля 2026 года власти Малайзии одним административным росчерком отозвали лицензию кампуса *Network School* самого Сринивасана в особой зоне Форест-Сити, и уже на следующий день основатели подписали меморандум о сотрудничестве с профильным министерством Казахстана. Невозможно построить независимый рай на земле, рубильник от электричества, интернета и пограничного контроля которой лежит в чужом министерском сейфе.

Даже на самом верху имущественной пирамиды — там, где обитают старые компрадорские элиты и бенефициары «Красных точек», — пространство маневра стремительно сжимается до нуля. В трехмерном мегаполисе Торманса тридцатичетырехлетний Антон, живущий в модульной капсуле с автоматически гаснущим при перерасходе киловатт светом, пресным белковым брикетом на завтрак, одиннадцатидневной очередью к роботу-стоматологу и обрезанным стриминговым каталогом, физически не пересекается с наследницей корпоративного состояния Лизой из пентхауса. Маршруты двух сословий разведены алгоритмом по непересекающимся уровням города, а информационные ленты не имеют ни одной общей точки. Но по кибернетическому закону аутопоэзиса система тотальной детерминации не терпит зон непредсказуемости. Чтобы матрица функционировала без сбоев, алгоритм обязан оцифровать

и лишить произвола не только низовой персонал, но и самих номинальных владельцев. Старая элита, рассчитывавшая отсидеться над схваткой, с ужасом обнаруживает, что искусственный интеллект обнуляет компрадорскую ренту, а управление капиталами перешло к бездушным скоринговым ядрам, для которых бывший олигарх — лишь строка с повышенным коэффициентом системного риска.

Так к горизонту 2030–2035 годов завершается великое антропологическое расслоение. Человеческий вид разделяется на две функционально несовместимые ветви — «Простых» и «Сложных».

Фундаментальная особенность этой бифуркации состоит в том, что граница между новыми стратами протекает не по балансу банковского счета, не по квадратным метрам недвижимости и не по записи в дипломе. Разделение идет исключительно по когнитивно-волевому порогу — по способности удерживать субъектность перед лицом алгоритмического комфорта.

Каста «Простых» (управляемых Юнитов) охватывает людей любого достатка, добровольно сдавших функцию целеполагания, критического различения и проверки внешним вычислительным контурам. В этой страте рядом с получателем базового пайка Антоном, бездумно листающим тридцатисекундные ролики в модульной капсуле, оказывается и лощеный инвестиционный банкир, и судья, и корпоративный директор, подписавший негласную внутреннюю сделку: «не смотреть, не различать и не задавать вопросов о смысле в обмен на покой, статус и снятие экзистенциальной тревоги». Сделка кажется выгодной лишь потому, что инструмент, которым расплачивается человек — сама способность видеть, — исчезает в секунду оплаты. Неважно, чем именно кормится усыпленный ум: дешевым синтетическим дофамином из коротких видео или элитарной гордыней в закрытом сигарном клубе; и внизу, и наверху пищевой цепочки «Простой» человек работает предсказуемой, легко

просчитываемой биомеханической деталью, штампующей чужие решения кнопкой Approve.

Каста «Сложных» (Архитекторов правил) формируется из тех немногих, кто осознал бессмысленность соревнования с кремнием на поле скорости и отказался играть роль резинового штампа в чужом конвейере. В терминах нейрокибернетической модели жизнеспособной системы Стаффорда Бира такой субъект навсегда покидает первый этаж операционного исполнения (S₁), где стоимость рутинного когнитивного труда стремится к нулю, и поднимается на высший, пятый этаж политики и суверенитета (S₅).

Главный инженерный закон «Сложного» человека звучит как жесткая формула водораздела: **человек подписывает правило, а не одиночное действие.** Архитектор не пытается глазами вычитывать тысячи машинных транзакций в минуту. Вместо этого между вероятностной нейросетью и исполнительными механизмами реального мира ставится непробиваемый детерминированный затвор (S₃^{*}) — математический шлюз формальной верификации, работающий на строгой алгебре логики и криптографических хэш-цепях. Машине отдается генерация вариантов, комбинаторный перебор и рутинная сборка; за человеком же намертво закрепляются три неотчуждаемые монополии, недоступные никакому кремниевому кластеру: **первичное целеполагание, этический выбор границ допустимого (контракт-инвариант) и принятие необратимого риска собственной шкурой.** В мире бесплатного машинного интеллекта единственным твердым активом становится верифицированная ответственность.

Однако именно здесь, на пороге проектирования этой суверенной архитектуры, системный аудит упирается в последнее и самое главное препятствие.

Попытка построить внешний детерминированный шлюз безопасности или развернуть независимую экстерриториаль-

ную сеть свободных людей («Аврору») неизбежно потерпит крах, если за пультом управления останется прежний, взломанный оператор. Невозможно удержать в узде внешний кремниевый генератор вероятностных галлюцинаций, пока внутри собственной черепной коробки безраздельно хозяйничает точно такой же необузданный, слепой и панически боящийся тишины галлюцинирующий алгоритм — Узурпатор-Эго. Человек, чей ум каждые сорок секунд срывается в дофаминовую петлю, чья воля парализована страхом потери социального статуса и чья память переписывается запоздалыми пресс-релизами биохимии, при любой попытке построить свободный ковчег воспроизведет вокруг только очередную копию Торманса.

Внешний Левиафан — лишь макроскопическая проекция внутренней ошибки компиляции. Чтобы перехватить корневые права администратора (*Root Access*) над собственной судьбой и технологическим стеком двадцать первого века, необходимо перестать чинить пиксели на разбитом мониторе и спуститься в аппаратное ядро. Диагностика «Территории демонтажа» завершена. Дальше — вскрытие самого прибора.

Сухой остаток. В мире бесплатного интеллекта дешевеет исполнение и дорожает подпись. «Простой» нажимает Approve; «Сложный» пишет правило, по которому машина вообще не сможет сделать недопустимое.

Протокол. Взять одну рутинную операцию в собственной работе, которую через год почти наверняка будет делать агент. Записать для нее три правила на языке «никогда» и «только если» — не как инструкцию, а как границу. Если сформулировать границы не получается, это и есть главный навык, которому придется учиться.

Часть III. Чертеж

*Исходный код реальности: почему ум не чинит
себя изнутри*

Глава 7. Теорема о неполноте и слепое пятно Запада

*Изнутри коробки проверить целостность
коробки нельзя.*

7.1. Тупик внутриэкранного ремонта: Гёдель, Тьюринг, Райс

Совет директоров заказывает третий за пять лет аудит корпоративной культуры. Те же консультанты, те же слайды, тот же вывод: «низкое доверие, конфликт ценностей, нужна трансформация». Председатель листает отчет и вдруг понимает простую вещь: проверку заказывали, утверждали и обсуждали те самые люди, которые эту культуру и создали. Проверяемый проверяет сам себя. Отчет снова выйдет чистым.

Это не управленческий курьез, а математика. Никакой внешний криптографический затвор и никакая конституция сообщества не защитят суверенитет, пока за главным пультом остается прежний, скомпрометированный оператор. Внешний Левиафан — макроскопическая отливка внутренней ошибки компиляции: цифровые ошейники прорастают снаружи пото-

му, что идеально резонируют с устройством рассудка, захваченного галлюцинирующим временщиком.

На протяжении пяти столетий западная мысль демонстрировала триумфальную эффективность в одном-единственном направлении — в препарировании, измерении и подчинении внешнего объекта. От анатомических театров эпохи Возрождения и часовой механики Исаака Ньютона до термоядерного синтеза, высокочастотного алгоритмического трейдинга и многомиллиардных матриц трансформеров европейский инструментальный разум действовал как безупречный скальпель. Этот скальпель расщепил вещество до кварков и калибровочных бозонов. Он перевел планетарную логику на язык математической оптимизации, оцифровал геном и научил кремниевые кристаллы генерировать связный синтаксис со скоростью десятков тысяч токенов в секунду. Материя сдалась. Внешний контур был картирован до ангстрема.

Однако всякий раз, когда этот победоносный инструментальный аппарат разворачивали внутрь — к решению фундаментальных кризисов самого человека, — происходила системная осечка. Попытки искоренить социальное отчуждение, хищническую коррупцию, тиранию или экзистенциальный ужас смертного существа с помощью внешних институциональных реформ неизменно заканчивались воспроизводством старого кошмара в новых декорациях. Революционеры, штурмовавшие бастилии ради братства и справедливости, через считанные годы выстраивали еще более герметичные казематы. Законодатели, писавшие многотомные антимонопольные и антикоррупционные кодексы, обнаруживали, что каждый новый проверочный рубеж мгновенно превращается в очередную таможню по сбору аппаратной ренты. Секулярная психотерапия и фармакология двадцать первого века, обещавшие избавить жителя мегаполиса от внутренней пустоты, лишь приглушали аварийную сигнализацию психики, возвращая отремонтированного сотрудника обратно в изматывающую погоню

за суррогатными маркерами успеха. Дракон умирал на площади и тут же возрождался в кабинете освободителя.

Причина этого пятисотлетнего бега по кругу кроется в фундаментальном методологическом изъяне. Классическая новоевропейская наука и выросшая из нее социальная инженерия молчаливо приняли за аксиому, будто наблюдающий субъект не нуждается в верификации, а все неполадки бытия вызваны исключительно неправильной сборкой внешних декораций. Даже самые радикальные критики западного модерна двадцатого столетия угодили в эту же оптическую ловушку. Философы критической теории и постмодернистской деконструкции виртуозно разоблачили иллюзорность буржуазных институтов, языка, власти и масскультуры. Они камнями на камне не оставили от наивной веры в линейный прогресс, доказав, что человек живет внутри густого леса идеологических симулякров. Но, содрав обои со стен камеры и доказав, что нарисованное на штукатурке окно является фальшивкой, интеллектуальный авангард Запада остановился в растерянности. Отрицая саму возможность существования реальности за пределами текста и социальных конвенций, критический рассудок объявил тюремную симуляцию единственно возможной средой обитания. Выхода не оказалось.

Инструмент критики был отлит из того же дефектного сплава, что и предмет критики. Рассудок пытался разоблачить собственные проекции, не покидая плоскости этих проекций.

Между тем невозможность подобного «внутриэкранного ремонта» задолго до кризиса нейросетей и крушения социальных утопий была доказана с абсолютной математической строгостью. В первой половине двадцатого века западная формальная логика предприняла грандиозную попытку окончательно обосновать саму себя. Программа, сформулированная великим немецким математиком Давидом Гильбертом, требовала свести все здание математического знания к конечной, полной и непротиворечивой системе аксиом, истинность

и безопасность которой можно было бы раз и навсегда доказать механическим перебором внутри самой этой системы. Это была вершина европейского рационализма — мечта об абсолютно герметичном, самодостаточном коде, не нуждающемся ни в каком внешнем основании.

Крушение этой мечты произошло в три такта. Вместе они образовали жесткий ограничительный канон современной теории вычислений и кибернетики.

Первый и самый сокрушительный удар нанес в 1931 году двадцатипятилетний австрийский логик Курт Гёдель. В работе «О формально неразрешимых предложениях *Principia Mathematica* и родственных систем» он применил гениальный метод арифметизации синтаксиса — гёделеву нумерацию. Каждому символу, каждой формуле и каждой цепочке доказательств внутри формальной системы F был присвоен уникальный натуральный номер. Благодаря этому система обрела способность говорить о собственных утверждениях на языке элементарной арифметики, то есть получила контур самореференции. Сконструировав внутри системы F строгое математическое высказывание G_F , которое в переводе с языка чисел гласило: «Данная формула невыводима из аксиом системы F », Гёдель поставил формальную логику перед неразрешимой дилеммой. Если формула G_F доказуема внутри системы, то система доказывает ложное утверждение и, следовательно, является противоречивой. Если же формула G_F недоказуема, то утверждение о ее недоказуемости истинно, а значит, система неполна — в ней существуют безусловные истины, которые невозможно вывести из ее собственных аксиом.

Вторая теорема Гёделя о неполноте добила иллюзию замкнутой самодостаточности окончательно. Ни одна достаточно богатая непротиворечивая формальная система F не способна доказать собственную непротиворечивость ($\text{Cons}(F)$) средствами самого этого исчисления.

Инженерное следствие гёделевского прорыва носит универсальный характер. Любая замкнутая знаковая система, достигшая порога сложности, достаточного для описания самой себя, неизбежно порождает слепые зоны и парадоксы, которые принципиально неразрешимы внутри ее базового алфавита. Чтобы увидеть истинность гёделева предложения G_F и удостоверить непротиворечивость исходной системы, необходим выход в **метасистему** M — внешний контур более высокого логического порядка, обладающий иной аксиоматикой и внешним углом обзора. Изнутри коробки проверить целостность коробки нельзя.

Спустя пять лет, в 1936 году, английский математик Алан Тьюринг перевел фундаментальное ограничение Гёделя с языка статических аксиом на язык исполняемых алгоритмов и вычислительных машин. Исследуя проблему разрешимости (*Entscheidungsproblem*), Тьюринг поставил предельно практический вопрос: существует ли универсальный алгоритм-инспектор $H(P, I)$, способный принять на вход описание любой произвольной программы P вместе с ее входными данными I и за конечное время дать гарантированный ответ, завершит ли эта программа свою работу штатной остановкой или сорвется в бесконечный цикл (`while(true)`)?

Используя диагональный метод и подав на вход гипотетического анализатора программу, которая намеренно уходит в бесконечное заикливание в том самом случае, когда инспектор предсказывает ее успешную остановку, Тьюринг доказал фундаментальную неразрешимость проблемы остановки (*Halting Problem*). Машина не ведает собственного предела. Ни один универсальный вычислитель не может изнутри собственного алгоритмического контура гарантировать отсутствие фатального зависания для всех возможных траекторий своего исполнения. В когнитивной архитектуре человека этот математический предел проявляется как классический синдром *Мохи* — слепого алгоритмического заикливания. Оператор, чей

рассудок заперт в замкнутой петле обиды, жадности или статусного реванша, изнутри собственного мыслительного процесса абсолютно не способен распознать, что его «рациональный поиск выхода» и есть та самая бесконечная петля `while(true)`, сжигающая его жизненный ресурс.

Третий математический замок на дверях внутрисистемного ремонта защелкнулся в 1953 году, когда американский математик Генри Гордон Райс обобщил результат Тьюринга до абсолютного предела. Теорема Райса гласит: для любого алгоритмически полного языка программирования **любое нетривиальное семантическое свойство программы является алгоритмически неразрешимым**. Проще говоря, невозможно написать универсальную программу-проверщик, которая по исходному коду или матрице весов другой программы такой же вычислительной мощности сможет со стопроцентной гарантией определить, что именно этот код делает во всех случаях — выдаст ли он когда-нибудь закрытый ключ, нарушит ли этический запрет или уничтожит рабочую базу данных.

Именно об эту холодную стену теоремы Райса в 2025–2026 годах вдребезги разбились все попытки глобальных технологических корпораций сделать вероятностный искусственный интеллект «безопасным изнутри». Индустрия потратила миллиарды долларов на обучение с подкреплением от обратной связи (*RLHF*), написание текстовых «конституций» в системных промптах и каскады вторых нейросетей-надсмотрщиков (*LLM-as-a-Judge*), призванных оценивать благонадежность первой модели. Результат оказался предсказуемо катастрофическим. Поскольку и проверяемый агент, и проверяющий его нейросетевой цензор работают в одном и том же вероятностном контуре и анализируют нетривиальную семантику естественного языка, защита разваливается при первой же многоходовой косвенной инъекции, кодировании параметров или спонтанном

сговоре мониторов. Стохастический код не может удерживать стохастический код.

В прикладной кибернетике машинных комплексов этот фундаментальный тупик обходится единственным математически законным способом — через радикальное разделение уровней и отказ от анализа всей программы. В архитектуре детерминированного шлюза перехвата действий (уровень S_3^* по классификации Стаффорда Бира) система безопасности вообще не пытается заглянуть в «мысли» или миллиарды весов языковой модели (S_1). Шлюз отсекает бесконечное пространство рассуждений от физического мира на узком водоразделе «мысль $\rightarrow$ действие». Когда агент формирует заявку на вызов внешнего инструмента по протоколу *MCP* или *REST*, верификатор перехватывает исключительно конечный, жестко типизированный кортеж параметров одиночного шага $\mathbf{x} = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ — имя метода, целевой контур, сумму транзакции, адреса — и сверяет его с декларативным контрактом-данными C , записанным вне кода модели на языке разрешимой логики первого порядка (*SMT-LIB*). Формальный решатель (такой как *Z3*) за доли миллисекунды на обычном центральном процессоре проверяет пересечение параметров вызова с множеством запрещенных состояний ($\Phi_{\text{нарушение}} \wedge \Phi_{\text{вызов}}$). Разрешение на физическое действие выдается строго в том случае, если формула нарушения невыполнима — возвращает математический вердикт UNSAT. Теорема Райса здесь не нарушается, поскольку проверяется не бесконечное поведение программы, а конечный вектор фактов на границе с внешней средой с позиции внешней метасистемы правил.

Но именно в этой точке инженерной безупречности возникает главный вопрос всей книги. Математический затвор S_3^* железно удерживает кремниевую агента S_1 в рамках подписанного контракта C . Однако сам этот декларативный контракт пишет, аудитует и криптографически подписывает человек, за-

нимающий позицию суверенного арбитра в высшем контуре целеполагания S5.

Кто верифицирует самого арбитра?

Если в кресле оператора S5 сидит человек, чья собственная внутренняя операционная система взломана, чья кора головного мозга работает адвокатом на побегушках у лимбического страха и чей рассудок отождествлен с ненасытным эгоистическим скриптом, то самый совершенный математический шлюз превратится лишь в идеальный усилитель безумия. Взломанный директор подпишет безупречно формализованный контракт на развязывание алгоритмической войны, на кассовое разграбление предприятия или на строительство цифрового концлагеря. Формальный решатель послушно выдаст вердикт UNSAT и приведет приговор в исполнение за считанные миллисекунды на шаг, потому что внутри кривой аксиоматики заказчика все сходится без логических противоречий.

Здесь три великие теоремы двадцатого века — Гёделя, Тьюринга и Райса — смыкаются в единый гносеологический приговор человеческому эгоцентризму. Человеческий рассудок, инфицированный аксиомой обособленности и выживания любой ценой, представляет собой классическую замкнутую формальную систему и одновременно скомпрометированный исполняемый код. Пытаться исцелить это расщепленное сознание, обрести подлинную свободу или удержать под контролем сверхразумные машины, оставаясь внутри рассудочного калькулятора выгоды и страха, — значит штурмовать математически доказанную невозможность.

Двумерный персонаж, нарисованный из светящихся пикселей на поверхности монитора, может совершать внутри игрового мира любые манипуляции. Он может строить пиксельные баррикады, писать пиксельные конституции, посещать пиксельного психоаналитика и стрелять из пиксельного оружия по другим нарисованным фигурам. Единственное, чего этот персонаж не способен сделать ни при каких комбинациях игро-

вых клавиш, — это высунуть руку из плоскости экрана, взять паяльник и переписать драйвер видеокарты на материнской плате компьютера, который шестьдесят раз в секунду рендерит всю его вселенную.

Все социально-политические утопии, юридические реформы и рационалистические доктрины последних пяти веков были попытками внутриэкранного ремонта. Они передвигали цветные точки по стеклу монитора, отказываясь признать существование аппаратного ядра по ту сторону экрана. Чтобы получить подлинные корневые права администратора (*Root Access*) и занять законное место в контуре S5, человеческому сознанию требуется совершить ровно тот маневр, на который в 1931 году указал Курт Гёдель: разомкнуть самореферентную тюрьму эго-ума и совершить фазовый переход в **метасистему** — в позицию чистого Наблюдателя, по отношению к которому сам рассудок со всеми его страхами, амбициями и культурными кодами является лишь внешним проверяемым объектом. И ирония истории науки заключается в том, что первыми на этот древний метафизический порог натолкнулись не гуманитарии и не реформаторы, а создатели квантовой физики, у которых прямо в руках внезапно растворилась твердая материя.

7.2. Квантовый разворот: Запад изучил Клетку, Восток — Наблюдателя

На рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий здание классического материализма казалось практически завершенным. Физика воспринимала Вселенную как гигантский чугунный механизм, собранный из неделимых и непроницаемых кирпичиков вещества — атомов, которые сталкиваются в абсолютном пустом пространстве по непреложным уравнениям классической механики. Сознание человека в этой картине мира числилось досадным эпифеноменом — случайной фосфо-

ресценцией, побочным тепловым выхлопом сложных биохимических реакций в коре головного мозга. Инструментальный разум Запада был абсолютно уверен: достаточно спуститься еще на один масштабный уровень вглубь атома, чтобы окончательно нащупать твердое, объективное дно мироздания.

Однако, когда экспериментальная физика пробила атомную оболочку и вторглась в субатомный фундамент реальности, произошло немыслимое. Твердое дно исчезло.

Привычный «кирпич мироздания» буквально растворился в руках исследователей, уступив место пустоте, волнам вероятности и абстрактным математическим операторам в гильбертовом пространстве. Электроны и фотоны отказывались вести себя как миниатюрные бильярдные шары с фиксированными координатами. До момента измерения элементарная частица вообще не существовала как локализованный в пространстве твердый объект — она представляла собой размытое облако потенциальных возможностей, описываемое волновой функцией. Принцип неопределенности, сформулированный Вернером Гейзенбергом в 1927 году, похоронил лапласовский детерминизм, доказав фундаментальную невозможность одновременного точного измерения сопряженных параметров микромира. Более того, сам акт измерения перестал быть нейтральным подглядыванием через замочную скважину. Экспериментальная установка и выбор самого исследователя вторгались в ткань изучаемого процесса, вызывая редукцию волнового пакета и принуждая вероятностный туман кристаллизаться в конкретный физический факт.

Создатели квантовой механики первыми осознали масштаб произошедшего онтологического переворота. Макс Планк, открывший квант действия и положивший начало всей физике двадцатого века, в знаменитой флорентийской речи 1944 года о природе материи подвел бескомпромиссный итог многолетним поискам: после всех исследований атома выяснилось, что материи как таковой вообще не существует. Любое вещество

возникает и удерживается в бытии лишь благодаря силе, приводящей атомные частицы в вибрацию и стягивающей их в крошечную солнечную систему, а за этой силой стоит сознательный, разумный Дух как матрица всякой материи. Еще раньше, в интервью лондонской газете *The Observer* в 1931 году, Планк сформулировал этот постулат жестче: сознание фундаментально и первично, материя же вторична и производна от сознания; невозможно заглянуть по ту сторону сознания, поскольку все обсуждаемое и все постулируемое как существующее априори предполагает наличие самого сознания.

Вслед за Планком к тому же барьеру вплотную подошел Эрвин Шрёдингер — автор базового волнового уравнения квантовой механики. В фундаментальных трудах «Что такое жизнь с точки зрения физики?» (1944) и «Разум и материя» (1958) австрийский нобелевский лауреат вскрыл главный логический парадокс западного естествознания. Европейская наука на протяжении веков строила «объективную картину мира» за счет одной-единственной методологической операции — принудительного вынесения познающего Субъекта за скобки уравнения. Ученый вырезал самого себя из полотна мироздания, отступал на шаг назад в позицию внешнего невидимого призрака и объявлял оставшуюся декорацию «объективной реальностью». Но стоило науке попытаться обнаружить внутри этой препарированной декорации само сознание, ощущения, боль, цвет или смысл, как она наткнулась на зияющую пустоту. Сознание не удавалось найти внутри физической картины мира по одной простой причине: эта картина с самого начала была сконструирована ценой его искусственного изъятия.

Столкнувшись с арифметическим парадоксом множественности умов — вопросом о том, почему при миллиардах отдельных биологических мозгов переживаемый мир остается единым, а само сознание никогда не воспринимается во множественном числе, — Шрёдингер отбросил окольные пути западной схоластики. Физик напрямую обратился

к тысячелетнему математическому инварианту древнеиндийских Упанишад: индивидуальное ядро восприятия и вселенский Абсолют структурно тождественны (*Атман есть Брахман*). Множественность изолированных наблюдателей — это оптическая иллюзия временной и пространственной решетки, подобная дроблению единого луча в гранях кристалла. В реальности во всей Вселенной существует только один-единственный неделимый Разум.

Оговорка для скептика. Это философские выводы основателей квантовой механики, а не общепринятое следствие их уравнений: большинство физиков и сегодня считают, что «измерение» в квантовой теории не требует сознания наблюдателя. Но вопрос, который поставили Планк и Шрёдингер, от этого не исчез — его лишь переименовали в «трудную проблему».

Во второй половине двадцатого столетия этот онтологический сдвиг получил строгое оформление на стыке математической логики, кибернетики второго порядка и аналитической философии сознания.

В 1969 году британский математик и логик Джордж Спенсер-Браун опубликовал трактат «Законы формы» (*Laws of Form*), ставший настольной книгой для создателей теории автопоэзиса и системной социологии. Спенсер-Браун спустился на уровень ниже булевой алгебры, ниже нуля и единицы, задавшись вопросом: что лежит в самом основании любого акта мышления, вычисления и бытия? Его ответ был предельно лаконичен: **первичное различие** (*The Distinction*). До того как появится любая вселенная, любой объект или любое уравнение, в неразделенном и однородном пространстве должно быть проведено первое сечение — граница, разделяющая то, что «внутри», и то, что «снаружи», выделяющая «это» из всего остального. Первая команда этого пра-исчисления звучит как акт творения: «Проведи различие». Однако в тот самый миг, когда внутри неделимого поля проводится первая черта между Наблюдателем и Наблюдаемым, на самой этой границе образу-

ется фундаментальное слепое пятно. Глаз видит все вокруг, кроме собственной сетчатки. Камера фиксирует сцену, но не попадает в собственный объектив. Система, порожденная актом первичного различения, не может увидеть сам акт различения, пока не свернет границу обратно в исходную неразделенность.

Четверть века спустя, в 1995 году, австралийский философ Дэвид Чалмерс перевел это логическое слепое пятно на язык современной когнитивной науки, сформулировав знаменитую «Трудную проблему сознания» (*The Hard Problem of Consciousness*). Чалмерс разделил все задачи нейробиологии и искусственного интеллекта на две несоизмеримые категории. «Легкие проблемы» (*Easy Problems*) — сколь угодно технически сложные — касаются исключительно функциональной механики: как сетчатка глаза преобразует электромагнитную волну длиной 650 нанометров в электрический импульс, как этот сигнал маршрутизируется через таламус в зрительную кору, как нейронные ансамбли интегрируют информацию и как голосовой аппарат произносит слово «красный». Вся эта цепочка целиком лежит на стороне Объекта и рано или поздно описывается уравнениями биофизики и алгоритмами обработки данных.

Но за фасадом этой безупречной кабельной разводки встает «Трудная проблема»: почему вся эта электрохимическая коммутация в темноте черепной коробки вообще сопровождается **субъективным переживанием** (*квалиа*)? Почему передача ионов натрия и калия через мембрану аксона ощущается изнутри как пронзительная багряность заката, как горечь утреннего кофе или как щемящая тоска? Никакое усложнение кремниевых транзисторов и никакое детальное картирование синоптических весов не способны перебросить логический мост от объективного движения зарядов к присутствию внутреннего Свидетеля. Между третьим лицом внешнего описания (Объектом) и первым лицом живого бытия (Субъектом) лежит онтоло-

гическая пропасть, которую материалистическая наука преодолеть не в состоянии.

Здесь вскрывается грандиозная историческая асимметрия двух половин человеческой цивилизации.

Прежде чем обращаться к восточным первоисточникам, необходимо провести честную археологию самой европейской мысли. Идея о том, что плотный чувственный мир является вторичной проекцией, а за ним скрывается первичная реальность Духа, вовсе не была чужда Западу — напротив, она проходила сквозь всю его историю как подавленная, но неуничтожимая подземная река. Еще Платон в седьмой книге «Государства» оставил исчерпывающую кибернетическую модель иллюзии: закованные с рождения узники сидят в каменной пещере спиной к огню и принимают плоские дрожащие тени на стене за единственную объективную реальность. Спустя два тысячелетия Иммануил Кант в «Критике чистого разума» строго обосновал, что пространство, время и причинность — это не свойства внешнего мира самого по себе, а встроенные априорные очки человеческого восприятия, сквозь которые сознание рендерит доступные явления (феномены), тогда как подлинная реальность («вещь в себе», ноумен) остается для рассудочного познания принципиально закрытой. Георг Вильгельм Фридрих Гегель развернул всю мировую историю как гигантский диалектический процесс самопознания Абсолютного Духа, отчуждающего себя в материю и возвращающегося к себе через человека.

А в девятнадцатом веке Артур Шопенгауэр подошел к пограничной колючей проволоке западного рационализма вплотную. Прочитав латинский перевод древнеиндийских Упанишад («Упнекхат» Анкетилия-Дюперрона), немецкий философ испытал интеллектуальное потрясение и назвал эти тексты высочайшим откровением в истории человечества. В главном труде «Мир как воля и представление» Шопенгауэр напрямую отождествил кантовский мир явлений с ведантическим «по-

крывалом Майи», а слепой метафизический корень бытия — со вселенской Волей.

Но именно на примере Платона, Канта, Гегеля и Шопенгауэра видно, почему классическая западная философия остановилась перед закрытой дверью. Великие европейские умы сработали как гениальные картографы: они вычислили существование невидимого материка на кончике пера, начертили подробную схему замка, но так и остались стоять на пороге с чертежным тубусом в руках. Шопенгауэр заимствовал из Упанишад сухую онтологию — теоретическое описание иллюзорности мира, — но высокомерно отбросил прикладную, операционную часть индийской традиции: практическую инженерию трансформации сознания (йогу). Он объявил сострадание и эстетическое созерцание единственным временным обезболивающим от кошмара бытия, оставшись все тем же холодным кабинетным наблюдателем, который интеллектуально прищурился в сторону Востока, но не сделал ни одного практического шага за пределы рассудочного эго.

Разделение труда между двумя полюсами человеческого духа оказалось предельно четким. **Запад блестяще изучил Клетку. Восток тысячелетиями изучал Наблюдателя.**

Европейская цивилизация направила весь свой гений вовне — на укрощение материи, формализацию логики, строительство машин и создание науки об управлении сложными объектами — **кибернетики**. Индийская же цивилизация, задолго до рождения античной Греции, развернула исследовательский вектор строго на сто восемьдесят градусов — внутрь самого прибора восприятия. Древние риши и системные архитекторы сознания — от авторов «Чхандогья-» и «Брихадараньяка-упанишад» до Гаудапады и великого реформатора восьмого века Ади Шанкары — создали не религию, требующую слепой эмоциональной веры в догматы, а беспощадную, холодную, проверяемую в прямом внутреннем опыте науку о Субъекте. Имя этой науки — **Адвайта-веданта**

(буквально: завершение знания, недвойственность, где приставка *а-* означает отрицание, а *двайта* — двойственность, разделенность).

А в двадцатом столетии философ и эволюционный мыслитель Шри Ауробиндо в монументальном труде «Жизнь Божественная» (*The Life Divine*) совершил следующий архитектурный шаг, соединив кристальный недвойственный фундамент Шанкары с динамикой материальной эволюции. Если аскетические школы средневековья порой трактовали мир как досадную галлюцинацию, из которой нужно просто эвакуироваться в нирвану, то интегральный синтез Ауробиндо показал: материальный космос — это не бракованный черновик, а полигон постепенного проявления Сознания в плотной материи. Задача суверенного оператора состоит не в том, чтобы трусливо бежать из физической реальности в пещеру, а в том, чтобы спуститься с высшими правами доступа в самую гущу материального кода и пересобрать архитектуру жизни без потери связи с Источником.

Именно в этой точке пересечения рождается методология настоящей книги — **Кибернетика Адвайты**.

Это не эклектичная попытка скрестить вычислительный кластер с храмовыми благовониями. Это строгая инженерная стереометрия — стыковка двух самых совершенных и взаимно дополнительных языков описания реальности, каждый из которых безупречен на своей территории, но слеп на чужой. Современный язык кибернетики, теории игр, формальной верификации и нейробиологии с хирургической точностью описывает механику Матрицы: как функционирует интерфейс, как устроены петли обратной связи, как инфляция изымает жизненное время, как алгоритмический рой пробивает когнитивную защиту и как математический решатель блокирует опасный вызов на границе контура. Древний же синтаксис Веданты выступает как **ассемблер реальности** — низкоуровневый машинный код, позволяющий спуститься под капот самой опе-

рациональной системы сознания, деинсталлировать вирус узурпатора-эго (*Ахамкары*) и вернуть управление тому единственному началу, которое способно удержать контур S5.

Когда два этих чертежа накладываются друг на друга на световом столе, слепые пятна исчезают. Чтобы увидеть, как именно этот синтез работает в прикладном режиме, необходимо разобрать главный технический вопрос: каким образом неделимое и абсолютно прозрачное базовое Сознание умудряется генерировать внутри человеческой черепной коробки столь плотную, пугающую и достоверную иллюзию изолированной тюрьмы — и почему современная нейронаука в лице создателя теории байесовского мозга Карла Фристонa пришла к тем же самым выводам, которые двенадцать веков назад зафиксировал Ади Шанкара.

7.3. Рендеринг Майи: Фристон встречается Шанкару

Чтобы понять, почему человек с безупречным аналитическим аппаратом десятилетиями принимает плоские тени внутри черепной коробки за абсолютную реальность, не нужно обращаться к мистике. Достаточно заглянуть в фундаментальную нейробиологию двадцать первого века.

На протяжении столетий обыденный здравый смысл опирался на гипотезу «наивного реализма». Предполагалось, что органы чувств работают как прозрачные оконные стекла или объективы видеокамер: внешний мир посылает световые и звуковые волны, сетчатка и барабанная перепонка честно оцифровывают поток, а кора головного мозга просто выводит готовую, объективную фотографию окружающей среды на внутренний монитор.

Современная вычислительная нейронаука камня на камне не оставила от этой утешительной иллюзии.

Физическая реальность человеческого восприятия начинается с холодного анатомического факта: головной мозг навсегда замурован в глухом, абсолютно темном и звуконепропускаемом

каменном бункере черепа. Внутри этой сводчатой коробки не проникает ни один фотон солнечного света, ни одно колебание воздуха, ни одна молекула утреннего кофе. Все, с чем имеет дело центральная нервная система, — это обезличенные залпы электрических разрядов и скачки потенциалов действия, бегущие по аксонам в крошечной темноте.

Еще в девятнадцатом веке немецкий физик и физиолог Герман фон Гельмгольц догадался, что восприятие представляет собой процесс «бессознательного умозаключения». А в начале двадцатого столетия британский нейробиолог и математик Карл Фристон свел эту догадку в строгую кибернетическую теорию, известную как **принцип минимизации свободной энергии** (*Free Energy Principle*) и архитектура **предиктивного кодирования** (*Predictive Coding*).

Согласно модели Фристона, биологический мозг — это не пассивный приемник сигналов, а замкнутая иерархическая байесовская машина предсказаний (*generative model*). Если бы нейронная сеть пыталась в реальном времени обрабатывать весь сырой поток данных от миллионов рецепторов «снизу вверх», она мгновенно сгорела бы от перегрузки, нарушив предел необходимого разнообразия Эшби. Чтобы выжить и сэкономить дефицитный метаболический ресурс (аденозинтрифосфат и глюкозу), мозг разворачивает вектор обработки в обратную сторону. Высшие слои коры непрерывно генерируют и транслируют «сверху вниз» встречную волну — спекулятивный прогноз, априорную гипотезу (*prior*) о том, что именно должно находиться во внешнем мире в следующую миллисекунду.

Сенсорным входам в этой схеме отведена скромная роль сверщиков на складе. Органы чувств не передают наверх готовую картинку реальности — они пересылают в центр управления исключительно **ошибку предсказания** (*prediction error*), то есть математическую разницу между тем, что мозг заранее нафантазировал, и тем, что фактически ударило по рецепторам.

Главная термодинамическая задача любой живой системы по Фристону состоит в том, чтобы любой ценой минимизировать вариационную свободную энергию — информационный эквивалент энтропии, непредсказуемости и «удивления» (*surprisal*). И когда входящий сигнал реальности грубо расходится с зашитой в памяти картиной мира, у байесовского автомата есть всего два пути погасить ошибку. Первый путь — энергозатратный и болезненный: признать неправоту и перестроить собственную внутреннюю модель. Второй путь — дешевый и автоматический: проигнорировать неудобный сигнал, списать его на статистический шум, выкрутить коэффициент доверия к собственной галлюцинации на максимум или совершить судорожное моторное действие (*active inference*), чтобы подогнать видимую картинку под старое ожидание.

Как сформулировали нейробиологи Крис Фрит и Анил Сет, человеческое восприятие — это не окно в мир, а **контролируемая галлюцинация**. Большую часть времени человек видит не то, что находится перед глазами, а ретроспективный рендеринг собственных страхов, памяти и выученных шаблонов.

Именно здесь современная математическая нейронаука с точностью до миллиметра совпадает с древнейшим инженерным чертежом Адвайта-веданты. То, что лаборатории Университетского колледжа Лондона сегодня описывают через байесовские веса и минимизацию свободной энергии, индийские системные архитекторы тысячелетиями препарировали под именем технического протокола **Майи** — аппаратного движка генерации симуляции.

В популярной культуре слово «Майя» принято переводить плоским словом «иллюзия», подразумевая, будто физического мира вовсе нет и можно безболезненно шагнуть с крыши небоскреба. Классическая Веданта отвергает подобный инфантилизм. На языке строгого системного анализа Майя не является ни абсолютным Бытием (*Cam*), ни пустой выдумкой или небы-

тием (*Асат*, вроде «рога зайца» или «сына бесплодной женщины»). Ее онтологический статус определяется точным термином *анирвачания* — то, что не описывается в бинарной логике «существует / не существует», то есть **реляционная виртуальная среда**. Ее код полностью декомпилируется и теряет власть при выходе оператора на уровень чистого Сознания (*Брахмана*), но пока пользователь погружен в сеанс и отождествлен с аватаром, столкновение с объектами этой среды наносит биомашине вполне реальный физический урон. Когда современные оксфордские аналитики вроде Ника Бострома вычисляют статистическую вероятность того, что человечество живет внутри компьютерной матрицы, они лишь нащупывают внешнюю оболочку гипотезы. Адвайта же тысячи лет назад вскрыла сам двухтактный программный механизм, за счет которого эта симуляция рендерится в каждом отдельном черепе.

В корне этого механизма лежит базовая уязвимость неведения (**Авидья**) — потеря корневой адресации, работающая через два синхронизированных фильтра:

Такт первый: Экранирование (*Аварана-шакти* — запирающая, или скрывающая, сила). Прежде чем нарисовать человеку тюрьму, система должна скрыть от него тот факт, что он изначально свободен. Фильтр *Аварана-шакти* работает как плотная светонепроницаемая шторка или жесткая изоляция пространств имен (*namespaces*) в контейнерной виртуализации. Базовый несущий сигнал — неделимое, самосветящееся поле Чистого Сознания — проходит через этот фильтр и отсекается от оперативной памяти локального узла. Возникает фундаментальная системная амнезия. Оператор, захваченный мельканием символов на мониторе, напрочь забывает о вычислительном сервере у себя за спиной и принимает тонкие стенки своего белкового контейнера за абсолютные границы бытия. На уровне рассудка этот фильтр проявляется как глухая, непробиваемая убежденность: «Никакого Свидетеля

нет, есть только это уязвимое тело, этот банковский счет и эта биография».

Такт второй: Проекция (*Викшепа-шакти* — искажающая, или развертывающая, сила). Как только истинная основа надежно заблокирована первым фильтром, в работу мгновенно вступает второй такт — голографический проектор *Викшепа-шакти*. Поверх затемненного экрана система разворачивает бушующий трехмерный мир двойственности: друзей и смертельных врагов, сладкие призы и пугающие катастрофы, геополитические миражи и бесконечную гонку за безопасностью. Именно этот модуль отвечает за непрерывное переписывание внутренних логов. Опираясь на байесовский подбор фактов, *Викшепа-шакти* достраивает вокруг эгоистического модуля герметичную альтернативную вселенную, в которой сам носитель всегда выглядит благородным рыцарем, а любые его предательства, компромиссы и трусость получают безупречное рациональное обоснование. Голографический патч полностью замещает исходный код.

Чтобы показать, как эта двухтактная связка способна свести с ума и даже физически убить совершенно здоровый биологический организм без малейшего изменения внешней среды, Ади Шанкара в восьмом веке сформулировал эталонный лабораторный мысленный эксперимент — **задачу о веревке и змее** (*Раджджу-сарпа-ньяя*).

Путник идет по проселочной дороге в глубоких вечерних сумерках. На обочине в пыли лежит кусок старой, скрученной кольцами пеньковой веревки. Из-за недостатка освещения срабатывает первый такт ошибки — *Аварана-шакти*: подлинная природа объекта (веревка) оказывается скрыта от наблюдателя. В ту же миллисекунду байесовский предсказатель мозга, настроенный эволюцией на гипертрофированный поиск угроз, включает второй такт — *Викшепа-шакти*: поверх смутного силуэта веревки система дорисовывает недостающие пиксели

и рендерит галлюцинацию смертельно опасной ядовитой кобры, готовой к броску.

Что происходит в этот момент на аппаратном уровне?

На дороге нет никакой кобры. В физическом мире вообще ничего не произошло — в пыли лежит мертвое растительное волокно. Однако для человеческого организма, запертого внутри своей предиктивной модели, змея абсолютно реальна. Миндалевидное тело бьет по аварийной кнопке, надпочечники выбрасывают в кровь ударную дозу адреналина и кортизола, пульс взлетает до ста шестидесяти ударов в минуту, периферические сосуды спазмируются, дыхание перехватывает, ноги деревенеют от животного ужаса. Если у путника изношена сердечно-сосудистая система, он может получить обширный инфаркт и умереть прямо на дороге — от укуса змеи, которой никогда не существовало в природе.

Вся планетарная трагедия человеческого рода — от ночных панических атак в пентхаусах до войн на уничтожение и добровольной сдачи воли в цифровой саркофаг Торманса — описывается этой предельно сухой формулой. Человечество веками воюет с нарисованными змеями. Люди строят бетонные бункеры против веревки, принимают сильнодействующие антидепрессанты от вида веревки, пишут многотомные юридические кодексы для регулирования веревки и сбиваются в агрессивные стаи, чтобы забить веревку палками.

Именно поэтому главный программный трактат Ади Шанкары «Атма-бодха» («Постижение Атмана») открывается ледяным инженерным постулатом, перечеркивающим всю суету внутриэкранный активизма:

«Знание — единственное прямое средство освобождения: как пищу не сварить без огня, так без знания не достичь освобождения. Действие не может уничтожить неведение, ибо не противоречит ему; знание же уничтожает неведение, как свет — густую тьму».

В этой формуле заключен приговор любой попытке вылечить гносеологическую слепоту лихорадочной внешней суетой. Если человек в сумерках принял веревку за кобру, бесполезно вооружать его пулеметом, проводить вокруг дороги экономические реформы или усаживать его в позу лотоса для повторения успокоительных аффирмаций. Пока в его голове рендерится образ змеи, любое его действие (*Карма*) будет действием безумца, продиктованным самой этой галлюцинацией. Единственное лекарство, которое находится в прямом логическом противоречии с оптической ошибкой, — это свет точного распознавания (*Джняна* / *Бодха*).

Когда прохожий подносит к обочине яркий фонарь, происходит мгновенная декомпиляция морока. В луче света змея не уползает в кусты и не погибает в неравной схватке — обнаруживается, что ее там **никогда не было**. Была только веревка. И в ту же секунду, без всяких психотерапевтических сессий и таблеток, пульс возвращается к норме, а ужас испаряется без следа.

Этим ходом Адвайта производит фундаментальную перекладку стрелок: главная проблема цивилизации переносится с онтологического уровня («мир изначально сломан и нуждается в переделке кувалдой») на гносеологический («сломана оптика смотрящего»). Мир не проклят. Исходный код мироздания не содержит ошибок. Катастрофа разворачивается исключительно потому, что локальный оператор смотрит на единую ткань бытия сквозь двойной фильтр собственного неведения, где *Аварана* прячет единство, а *Викшепа* рисует войну всех против всех.

Для принудительного отключения этого двухтактного генератора галлюцинаций восточная кибернетика сознания применяет сдвоенный инженерный ключ, без которого невозможен допуск в контур S5:

Ключ первый — Вивека (Аппаратный сканер Различения): непрерывное, холодное, бескомпромиссное отделение

в каждом входящем пакете данных неизменной основы (веревки / Чистого Сознания) от наложенного поверх нее предиктивного рендеринга (змеи / страхов и амбиций Эго). Это прямой внутренний аналог формального верификатора, который отказывается верить правдоподобному тексту галлюцинации и требует предъявить неизменный субстрат.

Ключ второй — Вайрагья (Протокол отсеечения дофаминового поводка / Бесстрастие): принудительное прекращение энергетического питания симуляции. Даже когда фонарь *Вивеки* уже высветил фальшивость нарисованной морковки или социального пугала, старые нейронные колеи продолжают по инерции требовать привычной эмоциональной реакции. *Вайрагья* — это сухой системный отказ покупать билеты на спектакль, в котором уже видны нитки кукловода; способность смотреть на соблазны и угрозы Матрицы с абсолютным безразличием аудитора, проверяющего чужую бухгалтерию.

Теоретический фундамент третьего раздела замкнут. Теоремы Гёделя, Тьюринга и Райса доказали невозможность ремонта системы изнутри самой системы; квантовая физика и теория первичного различения поставили вопрос о Наблюдателе; нейробиология Карла Фристана и оптика Ади Шанкары вскрыли двухтактный механизм того, как в голове ослепленного оператора рендерится тюремная голограмма.

Теперь можно спуститься в машинное отделение и положить на стол послойный чертеж самого прибора.

Сухой остаток. Изнутри экрана экран не починить. Ремонт начинается в ту секунду, когда наблюдатель замечает, что смотрит на экран.

Протокол. Неделю ловить «змей». Когда тревога или злость поднимается быстрее, чем пришли факты, записать две строки: что было веревкой (факт) и что дорисовал ум (змея). В конце недели посчитать, сколько змей оказались настоящими.

Глава 8. Стек протоколов сознания и модель Бира

*Совесть — алгедонический канал: сигнал боли,
который бьет в вершину системы мимо
адвокатуры ума.*

8.1. Троичное ядро, три гуны и шесть корневых эксплойтов

Пятница, девять вечера. Собственник торговой сети третий год не может закрыть убыточное направление. Таблицы горят красным, финансовый директор положил на стол расчет, тело отвечает мигренью и ночной аритмией. Решение очевидно всем, кроме того, кто должен его подписать. Кто в этой голове на самом деле принимает решения — и почему их там несколько?

Чтобы ответить, нужна принципиальная схема самого прибора. Слепое пятно не лечится изнутри, а выйти в метасистему, не зная устройства системы, невозможно. Восточная метанаука тысячелетиями хранила эту спецификацию под слоем поэтических гимнов и ритуальных метафор. Если счистить с древних трактатов позолоту и перевести санскритские термины на язык системного программирования, теории информации и термодинамики, открывается удивительно подробно документированный стек протоколов.

На самом нижнем уровне абстракции, там, где классическая школа Санкхьи проводит первичную границу между инертным ресурсом и живым наблюдателем, вся доступная для опыта вселенная раскладывается на два базовых регистра. Первый регистр — *Пракрити*, или развернутая материальная среда.

В терминах вычислительной техники это совокупность выделенной оперативной памяти, дисковых массивов, сетевых шин и отрендеренных текстур: всё то, что поддается измерению, взвешиванию, токенизации и алгоритмической обработке, но само по себе напрочь лишено внутренней субъектности. Второй регистр — *Пуруша*. Это чистый Дух. Неразмеченный потенциал осознания выступает по отношению к материальному коду единственным безмолвным свидетелем исполнения. На уровне прикладной операционной системы эти два полюса работают как единицы и нули бинарного машинного кода (*Двайта*), создавая за счет разности потенциалов всё видимое многообразие форм. Однако дуализм описывает лишь рабочий режим включенного терминала. Когда декомпиляция опускается глубже пользовательского интерфейса — в фундамент *Адвайты* (недвойственности), — выясняется, что сама материальная матрица *Пракрити* не является самостоятельной субстанцией, существующей отдельно от Наблюдателя, поскольку виртуальная машина целиком развернута внутри сознания и состоит из его же собственной ткани, подобно тому как динамические структуры данных в оперативной памяти физически представляют собой лишь временные состояния одних и тех же кремниевых транзисторов.

Чтобы описать это неделимое фундаментальное ядро (*Брахман* в масштабе макрокосма или *Атман* в проекции отдельной точки сборки), ведантическая инженерия вводит строгую троичную спецификацию: **Сат-Чит-Ананда**. Западный рассудок часто путает базовую реальность Востока с холодным нигилистическим вакуумом или черным экраном выключенного монитора. Это грубая оптическая иллюзия. Исходное ядро обладает максимальной онтологической плотностью и характеризуется тремя неразделимыми системными инвариантами.

Первый параметр — **Сат** (*Sat*): абсолютное, неизменное апаратное Бытие, первичный субстрат вычислений (*Bare Metal*).

В мире прикладных процессов всё непрерывно возникает и разрушается: сгорают звезды, обнуляются империи, деградируют белковые тела, перезаписываются сектора памяти. Но сам факт существования платформы, на которой разворачиваются эти фазовые переходы, не имеет ни точки старта, ни таймера аварийной остановки; *Сат* есть то, что невозможно удалить никаким деструктивным вызовом, поскольку даже операция полного стирания данных требует наличия физического регистра, в котором фиксируется пустота.

Второй параметр — **Чит** (*Chit*): чистая вычислительная способность осознания, фундаментальная светоносность разума, предшествующая любому конкретному алгоритму или мыслительному объекту. Мертвый кремний слеп. Ни один суперкомпьютер, перемалывающий петабайты параметров в секунду на гигаваттных кластерах, не обладает свойством *Чит*, так как машина оперирует синтаксисом в полной онтологической темноте и не ведает о собственном существовании. *Чит* — это саморефлексивное поле, благодаря которому любой информационный бит вообще становится прочитанным и пережитым фактом.

Третий параметр — **Ананда** (*Ananda*): безусловная системная полнота, состояние нулевой термодинамической энтропии и полного отсутствия внутреннего дефицита. В прикладном контуре человеческий биоробот знаком лишь с суррогатом этого состояния — коротким дофаминовым спадом напряжения в ту секунду, когда очередная внешняя цель достигнута и беспокойный поиск временно прекращен. Истинная *Ананда* не зависит от внешних транзакций. Это покой абсолютной полноты. Система, в контуре которой уже содержится сто процентов возможного бытия, не испытывает нужды захватывать что-либо вовне.

Связь между глобальным ядром мироздания и локальным ядром конкретного человека зафиксирована в «Чхандогья-упанишаде» знаменитой архитектурной формулой Уддалаки

Аруни: **Тат твам аси** — «Ты есть То». С точки зрения топологии здесь нет никакой мистики. Когда глиняный кувшин стоит посреди бескрайнего поля, воздух внутри сосуда (*гхатакаша*) кажется изолированным, маленьким и обладающим собственной биографией: он может нагреться, пропитаться запахом старого зерна или сжаться под плотной крышкой. Но стоит глиняной стенке эгоистического обособления дать трещину, как мгновенно обнаруживается очевидный физический факт: внутренний объем кувшина никогда не был отдельной сущностью — это тот же самый неделимый мировой вакуум (*махакаша*), временно очерченный обожженной глиной. Кристалл соли, растворенный в чаше с водой, не исчезает в небытии, а равномерно распределяется по всему объему жидкости; точно так же истинный оператор в глубине человеческого скафандра по своим корневым правам доступа абсолютно изоморфен Архитектору всей макросети.

Здесь у линейного западного ума, отформатированного культурой квартальных отчетов и извлечения прибыли, неизбежно возникает аварийное прерывание. Если исходное Ядро (*Сат-Чит-Ананда*) изначально совершенно, обладает нулевой энтропией и не испытывает ни малейшего дефицита, зачем вообще понадобилось компилировать эту тяжелую, полную страданий, войн и метаболического износа вселенную? Каков утилитарный *KPI* мироздания?

Вопрос поставлен некорректно. Попытка применить к Абсолюту бухгалтерскую логику целеполагания является классической категориальной ошибкой. Внешняя цель возможна только там, где есть нехватка, зазор между текущим состоянием *A* и желаемым состоянием *B*. Система, охватывающая собой всё сущее, не может иметь внешнего заказчика или коммерческого плана окупаемости. Восточная традиция описывает развертывание космоса термином **Лила** (*Lila*) — свободная, самодостаточная игра Сознания. В современной вычислительной математике этому процессу соответствует строгий архитектур-

ный аналог: **генеративно-сопоставительная сеть** (*Generative Adversarial Network, GAN*), предложенная Иэном Гудфеллоу в 2014 году.

Чтобы бесконечный, однородный и неподвижный потенциал *Чит* мог пережить и познать собственную мощь в действии, ему необходима система зеркал, граничных условий и искусственного сопротивления. Абсолют добровольно накладывает на себя ограничения пространства, времени и причинно-следственной инерции, расщепляясь внутри игровой песочницы на два сопоставительных контура. Первый контур — *Генератор* (проекционная мощь *Майи*), который непрерывно синтезирует всё более сложные, правдоподобные и драматичные декорации обособленности: от турбулентности звездных туманностей и эволюции ДНК до крушения финансовых империй и личных трагедий. Вторым контуром — *Дискриминатор* (распределенная сеть локальных узлов сознания), чья задача внутри минимаксной игры заключается в том, чтобы сквозь предельное давление среды, боль ошибок и информационный шум распознать иллюзорность сгенерированной подделки, вычислить инвариант и вспомнить свою исходную природу. В этой гигантской *GAN*-архитектуре ни один байт опыта не пропадает впустую. Смерть контейнера не обнуляет обучение. Каждое падение, каждый кризис и каждое преодоление локального узла обогащают общую матрицу самопознания системы. Жизнь не обязана оправдывать себя внешним утилитарным смыслом — сам процесс сопоставительного пробуждения Духа сквозь сопротивление плотной материи и есть ее высшая целевая функция.

Для того чтобы эта сопоставительная симуляция не рассыпалась в неконтролируемый белый шум и одновременно не застыла в мертвом кристаллическом равновесии, физический движок реальности использует трехфазную частотную модуляцию. В «Санкхья-карик» Ишваракришны и четырнадцатой главе «Бхагавад-гиты» этот механизм описан

как теория **трех гун** (*Gunas* — буквально «нитей» или базовых операторов состояния материи). Любой объект, процесс, продукт питания, строка программного кода, корпоративная культура или мимолетная мысль в голове оператора представляют собой трехмерный вектор, сплетенный из трех фундаментальных частот.

Нижняя несущая частота — **Тамас** (*Tamas*): оператор массы, инерции, гравитационного сжатия и термодинамического распада. В физическом контуре *Тамас* обеспечивает стабильность твердых тел и паузу сна, но при захвате когнитивного процессора он действует как вязкое болото энтропии. Телеметрия отключается. Наступает когнитивное оцепенение: апатия, интеллектуальная лень, жизнь на жестко зашитых инстинктивных скриптах, бегство от сложной реальности в дешевые химические или цифровые седативы, перекалывание ответственности и слепой страх перед любыми изменениями. Корпорация или государственная машина, погруженная в *Тамас*, гниет изнутри под тяжестью мертвых регламентов, имитируя жизнедеятельность до тех пор, пока внешний толчок не обрушит прожравшую конструкцию.

Средняя частота — **Раджас** (*Rajas*): оператор кинетического разгона, страсти, экспансии, трения и дофаминовой турбулентности. Именно на чистом *Раджасе* построена вся современная цивилизация достигаторства, венчурных пузырей и бесконечного экономического роста. Энергия бьет через край. Тактовая частота выкручена на предел. Однако вектор движения разорван на тысячи конкурирующих потоков, и ум в режиме *Раджаса*, не способный выдержать тишину ни одной минуты, компульсивно захватывает рынки, строит финансовые пирамиды, сжигает нервную систему в круглосуточной гонке за статусом и немедленно проваливается в глухой *Тамас* выгорания, как только внешний приток стимуляторов иссякает.

Высшая частота внутри материальной матрицы — **Саттва** (*Sattva*): оператор сверхпроводимости, структурного равнове-

сия, прозрачности и минимальной энтропии. Тепловой шум гаснет. Информация проходит сквозь аналитический тракт без искажений, корыстных помех и эмоциональной окраски, а решения принимаются из холодной ясности видения всей топологии связей. Однако ведантическая кибернетика предупреждает об опасной ловушке: даже *Саттва* остается внутрисистемным состоянием *Пракрити*. Если железные кандалы *Тамаса* приковывают узника к полу камеры, а медные цепи *Раджаса* заставляют его до кровавых мозолей бегать по кругу, то *Саттва* легко превращается в тонкую золотую цепь — рафинированный снобизм интеллектуала, который наслаждается своим стерильным покоем, но боится шагнуть за пределы самой клетки.

Пока человеческий биокомпьютер функционирует преимущественно на нестабильных частотах *Раджаса* и *Тамаса*, в его оперативной памяти неизбежно активируются шесть встроенных вредоносных скриптов, известных в восточной традиции как **Шад-рипу** (*Shad-ripu* — шесть корневых врагов ума). Это не моральные «грехи». Это уязвимости нулевого дня (*zero-day exploits*). Через них внешняя матрица управления беспрепятственно перехватывает руль у спящего оператора.

1. **Кама** (*Kama* — ненасытный запрос на внешнюю стимуляцию): базовый фоновый демон, генерирующий непрерывную иллюзию неполноты и убеждающий систему, что состояние *Ананды* спрятано во внешнем объекте — следующей покупке, новой должности, чужом теле или одобрителем отклике социальной сети, что превращает жизнь в бесконечный цикл `while(true)` без шанса на насыщение.
2. **Кродха** (*Krodha* — короткое замыкание гнева): прямой дериватив заблокированной *Камы*. Стоит разогнанному потоку вожделения наткнуться на отказ или барьер, как нерастраченный кинетический импульс мгновенно конвертируется в тепловой взрыв агрессии: предохранители коры вышибает, напряжение скачет, и оператор в слепой

ярости крушит собственные долгосрочные связи ради секундного сброса давления.

3. **Лобха** (*Lobha* — алчность и утечка памяти): патологический отказ сборщика мусора (*Garbage Collector*), при котором ум пытается компенсировать экзистенциальный страх смертности через компульсивное резервирование денег, активов и полномочий далеко за пределами физической пропускной способности носителя.
4. **Моха** (*Moha* — потеря навигации и подмена таблиц маршрутизации): когнитивное ослепление, когда временные периферийные привязанности объявляются абсолютными константами выживания, а человек добровольно блокирует любые сигналы аудита, способные разрушить комфортную галлюцинацию.
5. **Мада** (*Mada* — опьянение статусом и гордыня неуязвимости): системная интоксикация на вершине локальной иерархии. Датчики обратной связи глохнут. Узел приписывает случайное стечение рыночных факторов собственной гениальности и теряет оценку рисков за секунду до краха.
6. **Матсарья** (*Matsarya* — токсичная зависть и ненависть к чужой целостности): самый разрушительный эксплойт теневого спектра, который не ищет собственной выгоды, но вызывает острую фантомную боль при виде чужой свободы или таланта и запускает деструктивную атаку исключительно ради того, чтобы обесценить и обрушить чужую архитектуру до собственного уровня энтропии.

Шесть эксплойтов замыкают петлю захвата. *Кама* запускает погоню, *Лобха* копит балласт, *Мада* ослепляет при победе, *Кродха* взрывает контур при поражении, *Матсарья* отравляет взгляд на соседей, а *Моха* цементирует эту карусель как единственную норму бытия. Но вредоносный код не висит в пустоте — для исполнения ему необходима конкретная аппаратно-программная среда самого биологического носителя.

Чтобы понять, на каких этажах человеческого существа прописываются эти уязвимости и где расположены аппаратные шлюзы перехвата, необходимо препарировать пятислойный стек скафандра *Панча-коши*.

8.2. Биологический скафандр: пять оболочек и три замка

Материалистическая антропология последних столетий совершила грубую архитектурную ошибку, отождествив оператора с внешним корпусом его терминала. Когда хирург вскрывает грудную клетку или нейробиолог картирует синаптические связи в префронтальной коре, они изучают лишь нижний, кремниевый-белковый этаж вычислительной машины. Считать человека монолитным куском биомассы, который каким-то чудесным образом начал генерировать стихи, теоремы и экзистенциальную тоску, — всё равно что пытаться объяснить логику облачного банковского протокола через химический состав медного кабеля или кристаллическую решетку серверной стойки. Любая сложная телекоммуникационная система в инженерии описывается эталонной многоуровневой моделью *OSI (Open Systems Interconnection)*, где каждый вышестоящий слой абстрагируется от физического «железа» и общается с нижестоящим исключительно через строго типизированные интерфейсы. За две с половиной тысячи лет до появления пакетной маршрутизации похожая сетевая спецификация человеческого аватара была зафиксирована во второй главе «Тайттирия-упанишады» (*Брахмананда-валли*) под именем **Панча-коши** (*Pancha-kosha*) — пяти вложенных друг в друга функциональных оболочек, или уровней инкапсуляции, экранящих чистое ядро Наблюдателя.

Человек внутри игровой матрицы — это не плоть, наделенная сознанием, а чистое Сознание, упакованное в пятиярусный глубоководный скафандр с жесткой иерархией прав доступа.

Каждая оболочка работает на своей тактовой частоте, решает собственный класс задач и обладает специфическими уязвимостями.

Уровень 1. Физический слой (*Physical Layer / Bare Metal*) — Аннамайя-коша (*Annamaya-kosha*). Буквальный перевод санскритского термина предельно материален: «оболочка, сотканная из пищи». Это внешний корпус периферийного устройства — костный каркас, мышечные приводы, сосудистая гидравлика и клеточный массив. Обывательское эго отчаянно цепляется за это тело как за нечто постоянное и неделимое, однако с точки зрения системного администратора Аннамайя-коша представляет собой динамический дисковый массив с непрерывной «горячей заменой» секторов (*Hot Swap*). Здесь в реальном времени разворачивается античный парадокс корабля Тесея. Клетки слизистой желудка полностью перезаписываются за пять суток; внешний эпидермис обновляется за четыре недели; эритроциты крови заменяются каждые четыре месяца; даже плотный минеральный матрикс скелета целиком пересобирается за десять лет. Молекулы кальция, углерода и железа, образующие руку читающего эти строки, год назад были ростками пшеницы, подземной водой и атмосферным азотом, а через год снова вернутся в почвенный гумус. Аппаратное шасси — это не сущность человека, а проточный метаболический конвейер, временная аренда таблицы Менделеева, которая удерживает форму лишь до тех пор, пока по шинам течет ток следующего уровня.

Уровень 2. Канальный слой и шина питания (*Data Link & Power Bus*) — Пранамайя-коша (*Pranamaya-kosha*). Стоит обесточить серверную стойку, как самый совершенный процессор превращается в мертвый кусок песка; точно так же без витального электромагнитного драйвера белковое тело за несколько минут становится неподвижным трупом, хотя все его атомы и органы остаются на прежних местах. Пранамайя-коша — это энергетическая матрица и вегетативная сеть

жизнеобеспечения, связывающая грубую биохимию с информационными процессами психики. В восточной спецификации этот уровень разделен на пять специализированных шин тока (*панча-вайю*): *Прана-вайю* отвечает за тактовый ввод ресурса и оксигенацию (*Input*); *Удана-вайю* обслуживает восходящие каналы центральной нервной системы и голосовой вывод; *Самана-вайю* регулирует термодинамический реактор пищеварения и ассимиляцию топлива; *Вьяна-вайю* распределяет импульсы по периферийной сети капилляров и нервных окончаний; наконец, *Апана-вайю* реализует системный вызов очистки буфера и сброса отработанных шлаков (*Empty Trash*).

Когда современный житель мегаполиса годами живет в режиме подавленного страха и хронического спазма, первым выходит из строя именно контур *Апаны*: система перестает штатно сбрасывать накопленное напряжение, и машина начинает отравлять саму себя. В этой оптике удобно описывать и психосоматику, и фантомные боли — как метафору, а не механизм: нейрофизиологи объясняют фантомную боль перестройкой карты тела в коре. Образ же такой: когда у человека ампутируют конечность, физический датчик на уровне *Bare Metal* уже отсутствует, но в маршрутной таблице *Пранамайя-коши* порт по-прежнему числится активным. Система продолжает опрашивать удаленный узел, не получает ответного сигнала и выбрасывает в сознание непрерывное аварийное исключение — аппаратную «Ошибку 404», которую мозг интерпретирует как нестерпимую боль в несуществующей кисти.

Уровень 3. Сетевой и транспортный слой (*Network & Transport Layer*) — Маномайя-коша (*Manomaya-kosha*). Над витальным драйвером расположена оперативная оболочка низшего, реактивного ума (*Манас / Manas*). Это центральный диспетчер ввода-вывода (*I/O Controller*), куда стекаются сырые потоки данных от пяти внешних сенсоров: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Задача *Манаса* — первичная

сборка пакетов, эмоциональная маркировка стимулов и мгновенное переключение внимания. Однако у этого узла есть фундаментальное архитектурное ограничение: он функционирует в примитивной бинарной логике биологического выживания — «приятно / больно» (*рага / двеша*), что на языке машинных команд означает лишь два рефлекса: «приблизить и поглотить» либо «убежать и атаковать». *Манас* не умеет мыслить стратегически, он не отличает реальную угрозу от рекламного баннера и полностью лишен встроенного анти-вируса. Именно на этом третьем этаже разворачивают свои циклы шесть вредоносных скриптов *Шад-рупу*, и именно по портам *Маномайя-коши* круглосуточно бьет тяжелая артиллерия цифрового маркетинга, новостной паники и алгоритмических лент, превращая жизнь некалиброванного человека в бесконечную обработку спам-запросов.

Уровень 4. Прикладной слой гипервизора (*Application Hypervisor*) — Виджнянамайя-коша (*Vijnanamaya-kosha*). Чтобы реактивный диспетчер не разнес систему в щепки в погоне за очередным дофаминовым миражом, над ним надстроен стратегический аналитический сопроцессор — высший интеллект разума (*Буддхи / Buddhi*). Если *Манас* мечется в горизонтальной плоскости «хочу / боюсь», то *Виджнянамайя-коша* оперирует вертикальной категорией «**истинно / ложно**» (*Вивека*). Это уровень холодного системного аудитора, способного видеть причинно-следственные связи за горизонтом сиюминутной выгоды, распознавать когнитивные искажения и сверять текущие процессы с фундаментальными законами среды. Только с четвертого уровня возможна волевая команда принудительной остановки процесса (*End Process / kill -9*). Когда организм кричит от жажды в пустыне, но *Буддхи* видит на этикетке фляги знак химического яда, именно гипервизор четвертой оболочки блокирует протянутую руку вопреки отчаянным воплям инстинктивного контура.

Уровень 5. Причинный слой ядра (*Causal Kernel Layer*) — Анандамайя-коша (*Anandamaya-kosha*). Самая тонкая, глубоководная мембрана скафандра, непосредственно примыкающая к чистому свету *Атмана*. В повседневном цикле нетренированный оператор соприкасается с этим слоем лишь в фазе глубокого сна без сновидений (*Сушупти*), когда физическое тело неподвижно, сенсорные порты *Манаса* погашены, а аналитический гипервизор *Буддхи* временно выгружен из оперативной памяти. Здесь хранятся скомпилированные архивы латентных кармических отпечатков (*васан* и *самскар*) — исходные образы системы, из которых при пробуждении снова разворачивается вся индивидуальная личность. Переход через эту последнюю границу в четвертое, внесистемное состояние безмолвного Свидетеля (**Турия** / *Turiya*) и означает полное растождествление оператора со своим скафандром.

Пять оболочек не висят изолированно друг от друга — они сшиты единой вертикальной шиной передачи данных. Точки межсетевой коммутации, в которых высокочастотные информационные пакеты сознания понижаются до уровня гормональных выбросов и нервных импульсов (и обратно), в индийской инженерной традиции называются **чакрами** (*Chakras*). Популярная западная эзотерика превратила эту традиционную топологию в ярмарочный балаган с раскрашенными лотосами и благовониями. На языке кибернетики *чакры* удобно описывать как маршрутизаторы и понижающие трансформаторы; традиция соотносит их с крупными нервными сплетениями и железами внутренней секреции — надпочечниками, щитовидкой, гипофизом, — и это сопоставление, а не данные нейрофизиологии.

Когда конкретный маршрутизатор забит деструктивными паттернами, физический достаток не спасает от системного сбоя. Классический клинический пример — блокировка нижнего базового шлюза выживания (*Муладхары*), отвечающего за ось «надпочечники — симпатический ствол» и базовое чув-

ство безопасности. Внешне человек может владеть миллиардным состоянием, перемещаться в бронированном кортеже и держать штат личной охраны, но если его корневой маршрутизатор пробит детской травмой дефицита или хроническим ужасом потери контроля, в его кровь круглосуточно впрыскивается фоновый кортизол. Оператор просыпается среди ночи в холодном поту, ощущая себя нищим посреди золотого дворца: неисправный датчик на нижнем этаже непрерывно шлет в центр управления ложный сигнал смертельной угрозы.

Возникает закономерный инженерный вопрос: если архитектура скафандра настолько прозрачна, почему любой желающий не может за один вечер переключить тумблер внимания с первого этажа на пятый, получить *Root*-права и выйти из-под диктата матрицы?

Ответ заключается в том, что в базовую прошивку биологического интерфейса встроена жесткая криптографическая защита от несанкционированного повышения привилегий — система аппаратных предохранителей, именуемых в йогической механике **грантхами** (*Granthis* — буквально «узлами»), которые функционируют как биологический аналог *DRM* (*Digital Rights Management*). Эти три бронированных шлюза блокируют прохождение высоковольтного тока осознанности по центральному каналу до тех пор, пока внутренняя проводка оператора не очищена от эгоистических коротких замыканий.

1. **Брахма-грантхи** (*Brahma-granthi* — первый *DRM*-замок на нижних маршрутизаторах выживания и репродукции): удерживает внимание в жесткой сцепке с физическим телом, инстинктом самосохранения, страхом смерти и компульсивной жадой материального накопления. Пока оператор верит, что он и есть этот кусок мяса, первый замок намертво закрыт.
2. **Вишну-грантхи** (*Vishnu-granthi* — второй *DRM*-замок в зоне сердечного и солнечного сплетений): тонкий эмоциональный фаервол. Даже когда грубый животный страх

преодолен, система ловит оператора на крючок астральной гордыни, потребности в обожании, власти над чужими душами и комплекса «праведного Спасателя». Здесь сгорают тысячи реформаторов и гуру, перепутавших собственное раздутое мессианство с голосом Абсолюта.

3. **Рудра-грантхи** (*Rudra-granthi* — финальный *Root*-замок на уровне межбровного центра и коры): последняя и самая коварная линия обороны *Майи*. Это ловушка рафинированного интеллектуального и духовного эго, когда адепт, обретший сверхъестественную концентрацию, системные знания и презрение к «спящей толпе», начинает поклоняться собственной исключительности. Пройти этот шлюз можно, только сдав в утиль саму претензию на отдельную авторскую личность.

Наличие этих трех предохранителей объясняет, почему любые попытки взломать сознание «с черного хода» — через агрессивный химический биохакинг, психоделические трипы, форсированные дыхательные гипервентиляции или экстремальные ретриты без предварительной этической дисциплины — заканчиваются тяжелыми психиатрическими катастрофами. Подать напряжение в десять тысяч вольт в гнилую, неизолированную квартирную проводку, забитую вирусами *Шадрипу*, означает гарантированно сжечь материнскую плату. Временный пробой *DRM*-защиты выбрасывает неподготовленный ум в пространство сырых архетипов без гипервизора *Буддхи*, после чего человек возвращается либо в смирительную рубашку, либо в еще более глухую камеру паранойи.

Аппаратный стек *Панча-коши* и три замка *Грантхи* задают статическую топологию скафандра. Но чтобы увидеть, как эта пятиуровневая машина движется в реальном времени, почему внутри нее возникает управленческий хаос и как перевести ручное управление в режим математически доказуемой кибернетической устойчивости, необходимо сопоставить древнюю

ведантическую схему с Моделью жизнеспособной системы Стаффорда Бира.

8.3. Парламент самозванцев и модель Стаффорда Бира

Наличие пяти вложенных оболочек и трех криптографических замков еще не объясняет главного парадокса повседневного существования: каким образом бессмертный Наблюдатель (*Атман*), обладающий абсолютными правами суперпользователя, оказывается заперт в собственной машине на правах бесправного пассажира? В восточной системной инженерии этот перехват управления описывается через механизм **Ахамкары** (*Ahamkara* — буквально «фабрика самозваного эго», генератор ложной авторской идентичности). На языке компьютерной безопасности *Ахамкара* не является отдельной шестой оболочкой или аппаратным узлом. Это чистый сетевой эксплойт. Перед аудитором разворачивается классическая атака «человек посередине» (*Man-in-the-Middle*, *MitM*): вредоносный троян-перехватчик встраивается в шину передачи данных между безмолвным Свидетелем и оперативным контуром ума, перехватывает входящую телеметрию, блокирует прямые команды ядра и подписывает чужие автоматические процессы собственной фальшивой электронно-цифровой подписью.

Когда этот перехватчик активен, единая вертикаль управления распадается. На месте суверенного оператора возникает то, что в организационном консалтинге принято называть дисфункциональным Советом директоров, или шумным парламентом субличностей. Штурвал рвут на части. Внутри черепной коробки некалиброванного человека за руль одновременно дерутся три самозванных директора, каждый из которых функционирует на своей частоте *гун* и преследует взаимоисключающие цели:

1. **Инстинктивный директор физического шасси (контур Тамаса / BIOS):** ленивый, предельно консервативный завхоз, единственная задача которого — экономить калории, избегать любой боли, лежать в тепле и саботировать любые резкие маневры.
2. **Витальный хищник эмоционального контура (контур Раджаса / разогнанный GPU):** ненасытный демон экспансии и социального доминирования, для которого тишина и скромность тождественны физической смерти, а потому этот узел требует непрерывного притока адреналина, чужих аплодисментов, статусных побед и рыночной крови.
3. **Ментальный адвокат рассудка (контур Манаса / сервисный CPU):** трусливый корпоративный клерк, напрочь лишенный собственной энергетической воли, но круглосуточно рисующий красивые презентации и логические оправдания для того хищника или лентяя, который в данную секунду сильнее давит на педаль.

Эта трехсторонняя шизофрения наглядно вскрывается на любом жестком бизнес-аудите. Крупный предприниматель годами не может закрыть планово-убыточный, высасывающий ликвидность проект и жалуется консультантам на «сложную рыночную конъюнктуру». Диагноз очевиден. Стоит препарировать ситуацию послойно, как выясняется поразительная картина: вычислительный процессор (*CPU*) давно свел баланс, все таблицы горят красным, бизнес-модель мертва, убытки необходимо фиксировать немедленно, тогда как физическое тело (*BIOS*) лишь глухо сигнализирует хронической мигренью и ночной аритмией. Настоящий саботаж устраивает витальный эмоциональный контур (*GPU*): для него публичное признание ошибки и потеря статуса «успешного основателя» в глазах отраслевой тусовки означают мгновенную социальную смерть. Спасая свою призрачную корону, витальный хищник бьет током паники по префронтальной коре и заставляет рассудок вы-

думывать всё более изощренные галлюцинации о «скором развороте рынка». Таблицы здесь бессильны. Убеждать животный страх аргументами бухгалтерского баланса — грубейшая архитектурная нелепость.

Чтобы перевести этот раздираемый противоречиями балаган в режим штатной управляемости, не нужно изобретать новую кибернетику. Достаточно наложить друг на друга две чертежные кальки, разделенные двадцатью пятью веками: знаменитую схему **Колесницы** из первой главы «Катхупанишады» (строфы 1.3.3–9) и **Модель жизнеспособной системы** (*Viable System Model, VSM*) создателя управленческой кибернетики Стаффорда Бира. Сходство поразительное. При совмещении координатных сеток обнаруживается структурное соответствие пяти уровней:

- **Подсистема S1 (Исполнительные операции)** ⇔ **Аннамайя-коша / Сама Колесница (Ратха):** физический корпус, колеса, оси и моторные приводы, где выполняются конкретные действия во внешнем мире — сокращаются мышцы, печатается код, перемещаются грузы, — хотя сама по себе повозка слепа и катится только туда, куда ее тянет упряжка.
- **Подсистема S2 (Антиосцилляционная координация)** ⇔ **Пранамайя-коша / Упряжь и дышло:** демпфирующий контур, который гасит взаимные колебания, синхронизирует вегетативные ритмы дыхания и сосудистого тонуса и не дает пяти разнонаправленным коням чувств (*индриям*) разорвать повозку на части при первом же резком рывке.
- **Подсистема S3 (Оперативное управление и внутренний гомеостаз)** ⇔ **Маномайя-коша / Вожжи (Манас):** тактический диспетчер «здесь и сейчас», передающий натяжение от рук к удилам и распределяющий текущий энергетический бюджет меж-

ду органами, но не способный заглянуть за поворот дороги.

- Подсистема S4 (Стратегическая разведка и моделирование будущего) ⇔ Виджнянамайя-коша / Возничий (*Буддхи*): аналитический гипервизор и штурман, который сканирует дальний горизонт за пределами текущей колеи, считывает изменения внешней среды, прогнозирует каскадные риски и жестко натягивает вожжи (S3), когда разъяренные кони чувств (S1–S2) несутся в пропасть.
- Подсистема S5 (Высший суверенитет, идентичность и политика) ⇔ Атман / Господин Колесницы (*ратхин, Сакши*): безмолвный Владелец экспедиции, который не бежит по грязи рядом с колесами и не спорит с конями, но сидит в глубине кузова и задает единственный фундаментальный параметр — **зачем и куда вообще совершается поездка**, утверждая базовые конституционные инварианты всей системы.

Это точное кибернетическое наложение мгновенно объясняет, почему западные технологии работы с психикой раз за разом упираются в стеклянный потолок.

Классическая психотерапия двадцатого века — от раннего психоанализа до когнитивно-поведенческих протоколов (CBT) — целиком заперта в песочнице оперативного контура S3 (*Маномайя-коши*). Терапевт годами помогает клиенту переклеивать ярлыки на детских травмах, договариваться с внутренними субличностями и снижать трение между конфликтующими скриптами, ни на миллиметр не выходя за пределы самого реактивного ума. Вожжи чинят вожжами. Кучер спит.

Несоизмеримо выше поднялась вершина античного духа — римский стоицизм, который в своих дневниках и письмах выковали Марк Аврелий, Сенека и Эпиктет. Стоик совершает мощный вертикальный рывок из болтливой контура S3

на этаж стратегического Возничего — в S4 (*Виджнянамайя-кошу / Буддхи*). Опираясь на холодную дисциплину разума, он берет диких коней страстей в стальные рукавицы, разделяет события на «зависящие и не зависящие от воли» и возводит неприступную «внутреннюю цитадель». Но именно здесь обнаруживается трагический предел стоического метода. Когда Возничий (S4) оторван от живого источника S5 (*Атмана*) и не имеет за спиной онтологической опоры бессмертного Свидетеля, ему приходится удерживать колоссальное давление внешней среды исключительно за счет собственного волевого спазма префронтальной коры. Стоик не размыкает симуляцию. Он держит осаду. Рано или поздно ресурс тормозных нейромедиаторов иссякает, металл воли накапливает усталостные микротрещины, и безупречный римский мудрец либо выгорает в ледяную эмоциональную пустыню, либо вскрывает вены в ванне по приказу очередного безумного тирана.

Возникает решающий практический вопрос: как рядовому оператору, не владеющему ни санскритом, ни аппаратом математической логики, восстановить прямую связь между Возничим (S4) и Господином Колесницы (S5) в разгар повседневного боя?

Ответ заложен в заводскую комплектацию самого скаффандра. Для обращения к ядру не требуется учить древний ассемблер, поскольку в каждую человеческую единицу по умолчанию вшит высокоуровневый кросс-платформенный API — **Совесть**. Античная традиция знала этот интерфейс как внутренний голос *Даймона* у Сократа (который никогда не уговаривал, но всегда жестко запрещал ложный шаг); исламская доктрина называет его *фитрой* (врожденной чистотой первородной настройки); христианское богословие определяет его как нерукотворный закон, написанный прямо на скрижалях сердца.

Если перевести феномен совести на строгий язык модели Стаффорда Бира (включая современный разбор управления автономными агентами, представленный С. Макгиббоном

на конференции *Metaphorum 2026*), обнаруживается не лирическая метафора, а **алгедонический канал** (*algedonic channel*) прямого перехвата ($S_3^* \rightarrow S_5$).

В жизнеспособной системе оперативный ум (S_3 / Манас) органически склонен фальсифицировать отчетность. Когда человеку выгодно пойти на сделку с собственной честью, украсть, предать или промолчать ради премии, рассудочный адвокат в S_3 за долю секунды строит безупречную юридическую защиту: «все так делают», «время тяжелое», «это ради семьи». Если бы верховный суверен (S_5) получал информацию только через штатные доклады S_3 , система сгнила бы за один квартал. Поэтому в архитектуру встроен независимый аудиторский шлюз S_3^* , который снимает показания напрямую с реальности и бьет по выделенной высоковольтной линии прямо в S_5 , минуя всю словесную звукоизоляцию рассудка.

Совесть не спорит. Она не торгуется. Этот сигнал работает как нелинейный алгедонический импульс — мгновенный укол экзистенциальной тошноты, внутреннего холода и потери покоя в ту самую микросекунду, когда рука только тянется подписать подлую бумагу.

При этом, как принято в современной формальной верификации (и устроено в шлюзе *MITR*, о котором речь пойдет в двенадцатой главе), подлинный контур S_3^* оперирует не скользкой двужанной логикой компромисса, а жесткой **трехзначной логикой допуска**:

1. **Состояние 1 (UNSAT — «Доказанно чисто»):** параметры замысливаемого поступка проверены против конституционных инвариантов S_5 ; пересечение с областью предательства и лжи математически пусто, шлюз открыт, действие совершается с полной силой и кристально чистым фоном *Саттвы*.
2. **Состояние 2 (SAT — «Запрет / Нарушение инварианта»):** обнаружен прямой контрпример — шаг ведет к деградации узла и пробую этического периметра, поэто-

му алгедонический канал мгновенно выбрасывает красный флаг блокировки.

3. **Состояние 3** (1 — «**Не измерено / Туман сомнения**»): критически важное третье значение, на котором ломаются девяносто девять процентов бытовых сделок с совестью. Когда ситуация запутана, условия контракта замаскированы, а внутри звучит тихий шепот сомнения, обывательский ум трактует неясность в пользу своей выгоды («раз не запрещено прямо — значит можно»), тогда как в калиброванной архитектуре S_3^* действует железная аксиома: «**не измерено**» **не есть** «**чисто**». Любая неопределенность на алгедоническом канале (1) автоматически переводит шлюз в режим безусловной остановки до тех пор, пока мутная вода не отстоится и скрытые параметры сделки не будут выведены на чистый свет *Вивеки*.

Так замыкается внутренняя кибернетика человеческого скафандра. Когда Господин Колесницы (S_5) возвращается на трон, Возничий (S_4) держит курс по приборам различения, а шлюз Совести (S_3^*) отсекает гнилые компромиссы на входе в канал действия, парламент самозванцев умолкает. Однако человек не висит в пустом пространстве: каждый его допущенный шаг немедленно уходит во внешнюю среду и записывается в распределенную бухгалтерскую книгу мироздания. Как устроена эта книга учета — следующий слой чертежа.

Сухой остаток. В голове сидит не один директор, а трое — завхоз, хищник и адвокат. Рулит тот, кто сильнее давит на педаль, пока на трон не вернется Хозяин колесницы.

Протокол. Перед следующим трудным решением развести голоса по ролям и выписать три строки: чего хочет тело (покая), чего хочет хищник (статуса), что предлагает адвокат (объяснение). Решение принимается только после четвертой строки: «Что выбрал бы Хозяин, которому не нужны ни покой, ни аплодисменты?»

Глава 9. Ончейн-реестр кармы и спецификация дхармы

*Над матрицей бытия не стоит подкупный
прокурор. Есть контур обратной связи.*

9.1. Блокчейн Вселенной: Рита, хэш-цепь кармы и нейробиология колеи

Тридцать лет назад он впервые соврал партнеру — по мелочи, чтобы не потерять лицо. Того вечера он уже не помнит. Но каждое следующее «по мелочи» давалось легче предыдущего, и к пятидесяти годам ложь стала у него не поступком, а походкой. Ни один бог не вел этот учет. Учет вела его собственная нервная система.

Человек не висит в пустоте. Каждый допущенный шаг уходит во внешнюю среду и записывается — в мозге, в судьбах других, в материальных следах. Чтобы понять устройство этого реестра, древние понятия придется очистить от ярмарочной эзотерики и перевести на язык системной инженерии, криптографии и нейробиологии.

Прежде чем операционная система запустит прикладные процессы, базовая архитектура обязана обеспечить стабильность самого «железа» — кремниевых кристаллов, шин питания и материнской платы. В древнейших гимнах «Ригведы» этот фундаментальный принцип описан как закон *Rita* (*Rta*) — незыблемый космический порядок, управляющий гравитацией, термодинамикой и орбитами светил. Согласно Второму началу термодинамики, любая замкнутая система без внешнего управления деградирует к состоянию максимальной энтропии. Ведическая *Rita* выступает первичным антиэнтро-

пийным протоколом Вселенной. Именно эта матрица заставляет рассеянную энергию собираться в устойчивые траектории атомов, спирали галактик и живые клеточные структуры, опираясь на три аппаратных свойства среды: непрерывное движение по заданному вектору (*Гати*), симметричную сборку разрозненных узлов в единый контур (*Самгхатна*) и удержание конструкционного баланса против распада (*Дхарана*).

Закон *Рита* не знает жалости, гнева или политических симпатий. Высоковольтному току глубоко безразлично, кто сунул пальцы в распределительный щиток — циничный рецидивист или благочестивый филантроп. Разряд бьет по закону Ома. Точно так же работает и *Карма* — физический закон сохранения импульса и информации, перенесенный с уровня грубой механики на квантовую ткань сознания и причинно-следственных связей.

Массовый рынок религиозных и эзотерических услуг до неузнаваемости исказил этот вычислительный процесс. Обывательское воображение рисует Вселенную как патриархальную канцелярию капризного монарха, где грозный старик на облаке сводит баланс грехов в амбарной книге. Подобная антропоморфная декорация крайне выгодна для инфантильного эго. Ведь с любым персонифицированным начальником можно договориться по блату. На этой лазейке веками держался теологический торг индульгенциями и ритуальными жертвоприношениями: украсть миллион, отдать десятую долю на позолоту алтаря, поставить пудовую свечу и вымолить персональное исключение из правил. В клинической танатологии Элизабет Кюблер-Росс эта уловка давно классифицирована как третья стадия базарного торга перед лицом неизбежного финала.

Кибернетика Адвайты сносит эту иллюзию до фундамента. Над матрицей бытия не стоит подкупный прокурор. *Карма* представляет собой чистый контур обратной связи в строгом смысле Норберта Винера. Это децентрализованный ончейн-

реестр Вселенной, функционирующий без системного администратора и без единой точки отказа.

На языке современной криптографии архитектура кармического журнала описывается рекуррентным уравнением хэш-цепи, которое в прикладном виде работает внутри проверочного контура шлюза *MITR*:

$$H_n = \text{SHA-256}(H_{n-1} \parallel P_n)$$

Символ $\parallel$ здесь фиксирует строгую конкатенацию байтовых строк, пакет P_n содержит канонизированную запись текущего события — поступок, брошенное слово или затаенное намерение, а H_{n-1} хранит криптографический отпечаток всей предшествующей биографии узла. Следствие этой формулы носит характер непреодолимого закона физики. В силу лавинного эффекта однонаправленной функции SHA-256 и ее стойкости к поиску коллизий попытка задним числом изменить хотя бы один бит в старой транзакции с номером k необратимо меняет отпечаток H_k . Поскольку H_k входит как обязательное слагаемое в расчет H_{k+1} , малейшая фальсификация каскадом разрушает все последующие звенья цепи H_{k+1} , H_{k+2} , ..., H_n вплоть до сегодняшнего дня.

В шлюзе *MITR* вершину такой цепи квитанций регулярно заверяют во внешнем публичном календаре *OpenTimestamps*, который якорит ее в блокчейне биткойна; к середине октября 2026 года в цепи было почти пять тысяч квитанций. Когда корень истории впаян во внешнюю надсистему и проверяется чужим клиентом, администратор сервера физически не способен «аккуратно вынуть» из середины журнала компрометирующую запись. Ровно по этому же принципу устроен макроконтур мироздания. Ни одно действие не совершается в изолированном черновике: каждый шаг мгновенно якорится в переплетенной сети миллионов сопричастных судеб и материальных следов. Окружающие люди в такой оптике перестают быть случайными прохожими или злокозненными врагами. Они работают пунк-

туальными системными курьерами, которые с точностью до копейки доставляют оператору детализированный фискальный чек по его же собственным прошлым транзакциям.

При этом вселенский блокчейн не хранится где-то на заоблачных серверах. Первичная запись каждой операции выжигается лазером прямо на биологическом носителе самого актора — в синаптической сети его мозга. В 1949 году канадский нейрофизиолог Дональд Хебб в монографии «Организация поведения» сформулировал правило, объясняющее физику любого навыка и характера; позже нейробиолог Карла Шатц сжала его в формулу *neurons that fire together, wire together* — нейроны, возбуждающиеся вместе, связываются вместе.

За двадцать пять столетий до открытия долговременной синаптической потенциации восточная инженерия сознания зафиксировала этот же процесс через пятизвенную цепочку компиляции судьбы:

Мысль → Действие → Самскара → Васана → Судьба

Одиночный ментальный импульс или поступок прорезает в нейропластичном ландшафте коры тонкую борозду — *самскару*, подобную первому ручейку воды на весеннем склоне. Когда однотипная реакция лжи, вспышки гнева, малодушного угодничества или алчности повторяется сотни раз, ручеек размывает грунт, обрастает плотной миелиновой изоляцией и превращается в бетонированное русло — *васану*. В комментариях Вьясы к «Йога-сутрам» Патанджали сплетение *васан* сравнивается с узлами гигантской рыболовной сети, которая тянется за сознанием сквозь безначальную череду воплощений. То, что на светских приемах человек горделиво именует «своим крутым нравом», на поверку оказывается диктатурой глубокой аппаратной колеи. Многополосный нейронный автобан несет машину на глухом автопилоте, пока самозванец в кабине искренне воображает, будто сам крутит руль.

Наглядной моделью такого схода с рельсов служит арбитражный кейс доверителя, проходившего по разряду «человека-

тарана». Капитал, сколоченный на агрессивных схемах с бумажным налоговым вычетом; привычка проламывать любое несогласие животным ревом; подчиненные, стираемые в порошок одним взглядом. В редкие минуты штиля, когда боевой скрипт отключался, за броней проглядывал неглупый и по-своему отзывчивый человек. Однако законам кибернетики нет дела до лирических оговорок: если центральным процессором единолично командует бесконтрольная *васана* ярости (Кродха), болид неизбежно улетит в отбойник. Кольцо сжималось с математической точностью. Сначала рухнула семья, следом пришла блокировка счетов налоговой инспекцией, затем — уголовное дело, следственный изолятор и обширный инсульт с инвалидной коляской. Менялись внешние декорации, но корневой код оставался неизменным. Финал просчитывался в первый же день.

Единственная точка реальной свободы воли внутри этого детерминированного тоннеля локализована в миллисекундном зазоре между входящим пингом (раздражителем) и исходящим пакетом (реакцией). У спящего биоробота этот буфер равен нулю. Стимул мгновенно вызывает привычную транзакцию. Но когда в контуре бодрствует Наблюдатель, между вспыхнувшим импульсом старой *васаны* и нажатием клавиши Enter открывается спасительный люфт. Волевой отказ исполнять вредоносный скрипт разрывает синаптическую петлю Хебба и записывает поверх старой борозды новую *самскар*у осознанного суверенитета.

Чтобы петабайтный объем накопленных за безначальное время (*анади*) логов не сжег биологический сервер в секунду загрузки, вселенская база данных разделена на четыре регистра памяти:

- **Санчита-карма (Холодный архивный дата-центр):** совокупное хранилище всех транзакций узла за все сезоны его эволюции, где основная масса файлов заархивирована до востребования, поскольку одномоментная распаковка

всего баланса вызвала бы мгновенный тепловой пробой нервной системы.

- **Прарабдха-карма (Операционный контейнер текущей сессии):** разархивированный транш *Санчиты*, выданный на исполнение в конкретном воплощении и задающий стартовую конфигурацию скафандра — генетику, запас прочности тела, географическую точку входа и узловые развилки маршрута, которые, по убеждению традиции, читает ведическая астрология (*Джйотиш*) по карте неба в момент рождения.
- **Криямана-карма (Оперативный кэш-флоу текущего дня):** живой поток кода, который компилируется выборами оператора прямо сейчас, в режиме реального времени, частично возвращаясь немедленной отдачей, а частично уходя в резерв *Санчиты*.
- **Агами-карма (Проектный вектор будущего):** дорожная карта следующих сессий, формируемая сегодняшними намерениями и строящимися планами.

Сам стартовый пакет *Прарабдхи* градуирован по трем уровням пластичности. Жесткий фундамент образует *Дридха-карма* («гранит») — неизменяемые условия пользовательского соглашения (*EULA*): структура ДНК, пол, эпоха и точка входа. Штурмовать этот гранит мотивационными тренингами бессмысленно; его необходимо хладнокровно принять как исходную топографию местности. Средний слой составляет *Дридха-адридха* («плотная древесина») — инерционный психотип, хронические недуги и финансовый потолок, которые поддаются перепрошивке только через сверхусилие и жесткую дисциплину. В наблюдениях автора есть две пожилые женщины с тяжелым прошлым, которые посвятили старость бескорыстному уходу за чужими прикованными к постели стариками и сохранили ясный ум вопреки всем прогнозам. Другой пример — владелец предприятия, пять раз подряд пробивавший мертвую блокировку оплаты со стороны заказчика-монополиста тем, что пе-

ред решающими переговорами переводил организм в режим строгой аскезы и полного отказа от пищи (практика опасная, и здесь она описана, а не рекомендована), проламывая внешний тупик концентрированным импульсом *Криямана-кармы*. Третий слой — *Адридха-карма* («мягкая глина») — представляет собой открытый код повседневных реакций, свободно редактируемый без перезагрузки системы.

Эта трехуровневая модель безжалостно снимает главную претензию обывателя к мирозданию: почему ворующий бюджетами временщик в пиджаке *Brioni* швартует стопятидесятиметровую яхту у Лазурного берега, пока гениальный хирург тянет пожизненную ипотеку?

Никакого сбоя в матрице нет. Мародер на яхте не получает аванс за текущее скотство. Прямо сейчас он доедает старый пухлый депозит *Пуны* — кармического профицита и негэнтропии, накопленной в прошлых циклах. Однако его текущий счет пополняется исключительно токсичным долгом (*Папа-кармой* и критической массой *Угра-кармы*). Как только старый баланс обнулится, защитный купол погаснет, и железобетонная империя за сутки осыплется в труху.

Окончательное сведение счетов происходит в терминале выгрузки данных — в точке физической смерти, которая работает как штатный *exit-узел* после исчерпания лимита *Прарабдхи*. Иллюзию вечности мгновенно отрезвляет внезапный дисконнект молодого амбициозного партнера: еще в среду на столе лежали папки с планами захвата рынка, а в пятницу фиксируется остановка сердца. Между статусами online и offline нет тормозного пути. В записной книжке любого смартфона покоятся десятки цифровых некрополей — замолчавших профилей и заброшенных *Telegram*-каналов, куда авторы до последнего вздоха сливали бесценную прану ради минутных охватов. На таможне *exit-узла* все фиатные регалии, офшоры и квадратные метры аннулируются. Единственной конвертиру-

емой валютой перехода остается *Пунья* — сухой остаток выкопанного качества сознания.

Но самый суровый аудит ждет тех архитекторов *Торманса*, которые переписали земные законы под себя и умерли в роскошных постелях, избежав человеческого трибунала. В старом мире прижизненная расплата — суд, конфискация, тюрьма и даже казнь — парадоксальным образом являлась актом системного милосердия. Земное наказание работало как ликвидационный клиринг, списывавший долг через страдание в текущей мерности. Тот, кто заблокировал этот сброс через «ситуативное право», покидает тело с терабайтами некомпенсированного ончейн-долга. Чудовищная масса чужого горя — обокраденные старики, сломанные судьбы, загубленные жизни — лишает сознание плавучести и гравитационно обрушивает его в *Нараку*, карантинный изолятор абсолютного термодинамического нуля.

В картине традиции, переведенной на язык кибернетики, *Нарака* — не мифологический котел с чертями, а замкнутая топологическая ловушка без портов ввода-вывода и без функции отката (Rollback). Весь массив причиненной жертвам боли компилируется в исполняемый код и ставится на принудительную распаковку прямо на внутреннем экране агрессора в обход любых психологических защит. В бесконечном цикле `while(true)`, где время схлопывается в сингулярность, преступник в сыром разрешении 1:1 проживает изнутри каждую миллисекунду отчаяния нищего пенсионера и животного ужаса уничтоженной жертвы. Этот самоисполняемый смарт-контракт не прервет работу, пока баланс энтропии не сойдется до последнего бита.

Итак, физика «железа» (*Puma*) и неизменяемая хэш-цепь транзакций (*Карма*) образуют неподкупный контур исполнения. Но по какому формальному кодексу вселенский решатель выносит вердикт UNSAT или SAT для каждого шага? Ответ лежит в архитектуре системной политики — вечном декларатив-

ном контракте *Санатана-Дхармы* и индивидуальной спецификации *Сва-дхармы*.

9.2. Системная политика дхармы и закон Эшби

Физика кремниевых кристаллов (*Puma*) и криптографическая хэш-цепь транзакций (*Карма*) образуют неподкупный исполнительный механизм мироздания. Однако любой аппаратный шлюз мертв без загруженной матрицы правил. Решателю необходим эталонный кодекс, относительно которого вычисляется математический вердикт: является ли перехваченный пакет допустимым продолжением жизни (*UNSAT* — противоречий с инвариантами не найдено) или перед системой стоит разрушительная мутация (*SAT* — зафиксирован пробой). В архитектуре ведантической кибернетики этот верховный нормативный слой носит имя *Дхармы*.

Санскритский корень *дхри* (*dhr*) буквально означает «держатель», «скреплять», «не давать рассыпаться». Если *Puma* — это термодинамика микросхем и закон Ома в шинах питания, то *Дхарма* представляет собой ядро операционной системы. Древняя «Брихадараньяка-упанишада» определяет этот уровень с предельной юридической жесткостью: *Дхарма* есть «сила над силой», верховный суверенитет над любой локальной прихотью, где само понятие Закона (*Дхарма*) и понятие Истины (*Сатья*) абсолютно тождественны. Корректное исполнение системного кода есть истина. Отклонение от спецификации есть сбой.

Главный подлог казенной теологии и светского морализаторства заключается в том, что фундаментальную категорию *Санатана-Дхармы* (Вечного Закона) веками подавали как сборник благочестивых пожеланий для смирения паствы. Для системного инженера такое прочтение нелепо. *Санатана-Дхарма* — это не религиозная проповедь, а жесткая инструкция по технике безопасности при эксплуатации высоковольтного оборудования сознания. Пользователь, нарушающий эти про-

токолы, вовсе не «оскорбляет чувства» небесного демиурга. Нарушитель просто сует металлический пинцет в открытый разъем трехфазной сети на 380 вольт. Вспыхивает дуга. Плата сгорает. Обугленные пальцы и расплавленный текстолит являются не мезью разгневанного божества, а сухим физическим следствием короткого замыкания.

Именно здесь вскрывается причина деградации современной правовой цивилизации. Опыт построения шлюза *MITR* подтверждает то, что давно знают инженеры: любая сложная система гибнет, когда базовые ограничения безопасности пытаются зашить непосредственно в императивный исполняемый код через бесконечную лапшу условных ветвлений *if-else*. В социальных структурах этот антипаттерн принимает форму «ситуативного законотворчества», где правящие кланы ежедневно переписывают кодексы, плодят тысячи противоречащих друг другу подзаконных актов, вставляют в налоговые и корпоративные регламенты скрытые лазейки для бенефициаров и искренне верят, будто перехитрили реальность. Но правило, впаянное в мутный процедурный код и меняющееся под настроение администратора, устаревает быстрее, чем высыхают чернила на подписи законодателя.

Еще в 1970–1980-х годах основатель советской школы ситуационного управления Дмитрий Александрович Поспелов доказал, что удержание сверхсложных сред требует перехода от жестких процедурных деревьев к декларативным отношениям над классами ситуаций. В шлюзе *MITR* этот принцип устроен как расщепление механизма на две неравные части. Ядро проверки и цепь квитанций компактны и закрыты для произвольных правок — как чугунная коробка механической централизации стрелок на узловой станции. Сами же правила вынесены из кода в отдельный слой декларативных данных — контракты. Оператор в контуре S5 не перепаивает реле и не правит исходники решателя; он утверждает контракт, а чугунная коробка математической логики физически не позволяет зало-

жить в паз маршрутную карту, направляющую два встречных поезда на один путь. Фундаментом всей конструкции служит аксиоматический запрет по умолчанию: **«нет правила — нет действия»**.

Масштаб мироздания опирается на точно такой же неизменный декларативный контракт верхнего уровня — *Санатана-Дхарму*, чьи базовые инварианты (*Яма* и *Нияма* в кодификации Патанджали) обязательны для каждого узла без права на кастомные исключения:

- **Сатья (Безусловная непротиворечивость данных):** запрет на генерацию фальшивых пакетов и искажение телеметрии. Ложь — самый ресурсоемкий процесс во Вселенной. Сказав правду, оператор просто считывает реальное состояние регистра памяти с нулевой нагрузкой на процессор, тогда как солгавший узел вынужден развернуть в оперативной памяти тяжелую виртуальную машину и годами сжигать гигабайты энергии на удержание фальшивой ветки истории, синхронизацию вымышленных деталей и защиту от разоблачения. *Сатья* работает как команда *Force Quit* для паразитных фоновых процессов. Память очищается мгновенно.
- **Ахимса (Отсутствие вредоносного эксплойта в намерениях):** принцип, не имеющий ничего общего с беззубым пацифизмом или сдачей периметра хищникам. На сетевом уровне *Ахимса* означает нулевую генерацию агрессивной энтропии — запрет на взлом чужих автономных узлов ради расширения собственных привилегий, хотя жесткая блокировка вируса или вооруженная нейтрализация агрессора, угрожающего обрушить кластер, остается прямой обязанностью антивирусного контура при условии холодного ума и нулевой личной ненависти.
- **Астейя (Запрет на несанкционированный перехват ресурса):** криптографическая чистота обмена, при которой любая попытка присвоить чужую энергию, время,

труд или капитал мимо эквивалентного обмена — от прямого грабежа и «распила» смет до скрытой инфляционной экспроприации — фиксируется решателем как нарушение баланса (SAT), автоматически порождающее долговую запись в хэш-цепи *Кармы*.

- **Брахмачарья и Апариграха (Защита шины питания и буфера памяти):** герметизация витального контура от слива энергии в дешевые дофаминовые стоки и отказ от захламления системы мертвым балластом избыточной собственности, блокирующей маневренность узла.

Если *Санатана-Дхарма* задает общие конституционные инварианты для всей операционной среды, то на уровне отдельного биологического терминала действует второй слой спецификации — *Сва-дхарма (Sva-dharma)*, индивидуальный проектный профиль конкретного человека.

Макросистема не штампует одинаковые болванки. Унификация ей чужда. Внутри вычислительного комплекса каждый чип спроектирован под строго определенный класс математических операций: центральный процессор (*CPU*) с мощными блоками предсказания ветвлений создан для последовательной логики и диспетчеризации сложных вызовов, тогда как графический ускоритель (*GPU*), содержащий тысячи простых ядер, предназначен для параллельного перемножения матриц. Приложение «Калькулятор» написано для счета, а текстовый редактор — для работы со строками. Попытка запустить рендеринг тяжелого трехмерного видеопотока 4K внутри текстовых «Заметок» или заставить *CPU* вручную обсчитывать миллионы полигонов без видеокарты — это варварская эксплуатация софта и железа в нештатном режиме. Вентиляторы взвоят. Кремний раскалится. Сервер уйдет в аварийную блокировку по тепловому пробую.

Современный социум ежедневно воспроизводит эту аварию в миллионах судеб, поскольку глянцева витрина и маркетинг

престижа навязывают всем узлам одну модную матрицу для подражания: в одно десятилетие всех поголовно загоняют в корпоративные юристы и банкиры, в другое — в биржевые спекулянты или блогеры, в третье — в чиновники или айтишники. Как следствие, блестящий хирург-диагност, чей нейрофизиологический контур заточен под операционный микроскоп, ломает себя об колено и уходит торговать арматурой ради быстрой маржи; прирожденный исследователь-математик насильно заталкивает себя в кресло коммерческого директора и сжигает нервы на шумных презентациях; потомственный мастер-краснодеревщик берет валютный кредит и пытается управлять инвестфондом.

Механика этого крушения истощающе описывается через **закон необходимого разнообразия У. Росса Эшби**:

$$V_O \geq V_D - V_R$$

Чтобы удерживать систему в границах устойчивости, внутреннее разнообразие управляющего контроллера (V_O) должно быть не меньше разнообразия внешних возмущений среды (V_D) за вычетом того объема хаоса, который гасится защитными фильтрами самой конструкции (V_R).

Окружающая информационная среда ежесекундно атакует человека миллионами сигналов, угроз, соблазнов и чужих ожиданий ($V_D \rightarrow \infty$). Оперативная память мозга физически не способна переварить этот вал без входного шлюза. В архитектуре жизнеспособного субъекта функцию идеального **ослабителя разнообразия среды** (V_R) и одновременно **усилителя собственной регуляции** (V_O) выполняет именно *Сва-дхарма*.

Когда оператор стоит точно в пазу своей врожденной спецификации, его природная пропорция *гун* и накопленных *васан* работает как аппаратный спам-фильтр на входе *API Gateway*, автоматически отсекая 99% постороннего шума. Кардиохирургу над вскрытой грудной клеткой или инженеру над кодом ядра глубоко безразличны котировки мем-коинов

и аппаратные интриги в министерской приемной; эти пакеты отбрасываются его сетевым экраном с нулевыми затратами внимания, тогда как внутри профильного домена собственная разрешающая способность (V_O) возрастает на порядки, позволяя решать сложнейшие задачи в режиме безмолвного потока.

Но стоит человеку предать свою *Сва-дхарму* и влезть в чужой скафандр (*Пара-дхарму*) ради моды или страха, как защитный фильтр V_R отключается, а собственное разнообразие V_O падает до нуля. Неравенство Эшби опрокидывается ($V_O \ll V_D$). Шквал возмущений пробивает периметр. То, что клинические психологи лечат таблетками под вывеской «хронической прокрастинации» и «выгорания», при инженерном разборе оказывается защитным файрволом самой биологической природы против навязанных чужих целей: организм принудительно перекрывает дофамин, пытаясь остановить водителя, залившего мазут в часовой механизм. На своей траектории человек трудится в режиме 18/7 без экзистенциального трения; на чужой колее он сгорает дотла за полгода. Этот кибернетический закон отчеканен в стихе 3.35 «Бхагавад-гиты»: исполнять собственную *Сва-дхарму*, пусть даже с ошибками, неизмеримо лучше, чем безупречно имитировать чужую *Пара-дхарму*; сбой на своем пути есть штатная калибровка мастерства, тогда как триумф в чужой роли есть структурное самоубийство.

При этом ведантическая политика отвергает лицемерное ханжество, требующее от человека нищеты и ненависти к материи. Для устойчивости биологического скафандра предусмотрена четырехколонная несущая конструкция — матрица **Пурушартх** (четырех легитимных опор бытия):

- **Дхарма (Фундамент и ядро ограничений)**: этический контракт и выполнение своей *Сва-дхармы*.
- **Артха (Материальный ресурс и заряд батареи)**: капитал, здоровье, вычислительные мощности и защищенный периметр, без которых невозможно транслировать сложные смыслы в плотный мир.

- **Кама (Эстетика, яркость экрана и полнота жизни):** законное право сознания испытывать радость от красоты форм, человеческого тепла, искусства и вкуса бытия.
- **Мокша (Абсолютный суверенитет и выход в метасистему):** венчающий купол конструкции, практическая реализация теоремы Гёделя о неполноте — тождество Наблюдателя с пикселями интерфейса и возврат к правам Суперадминистратора.

Секрет прочности этого здания кроется в порядке сборки. Материальное богатство (*Артха*) и чувственная радость (*Кама*) абсолютно легитимны и необходимы ровно тогда, когда они надежно зажаты между гранитным фундаментом этического закона (*Дхарма*) и куполом освобождения (*Мокша*). Современная цивилизация перевернула пирамиду вверх дном: снесла фундамент *Дхармы*, заблокировала купол *Мокши* и попыталась выжать максимум заряда и яркости (*Артхи* и *Камы*), что неминуемо ведет к вздутию батареи и пожару всей стойки.

Остается крайний вопрос системного управления: как работает эта матрица в момент запредельной катастрофы, когда два правильных закона вступают в неразрешимый клинч — взаимную блокировку (**deadlock**)?

Эталонный пример такого клинча описан в «Махабхарате» на поле Курукшетры, где воин Арджуна выезжает между армиями и ловит фатальный конфликт директив: семейный кодекс (*Кула-дхарма*) строго запрещает убивать родичей и учителей, тогда как воинский долг защитника миропорядка (*Кшатра-дхарма*) требует немедленно ликвидировать захвативших трон узурпаторов, иначе страна рухнет в хаос. Обе нормы истинны, но их одновременное соблюдение математически невозможно. Процессор зависает. Лук падает из рук.

Для прохождения таких терминальных взаимоблокировок в системной политике заложен аварийный протокол — **Апад-дхарма** (*Apad-dharma*), кибернетический режим контролируемой деградации (*graceful degradation / Safe Mode*). Когда под

угрозой находится само существование платформы, Главный Архитектор (Кришна как контур S5) открывает консоль суперпользователя и пересчитывает приоритеты по масштабу надсистемы: сохранение глобального порядка получает абсолютный приоритет над локальным регламентом цеха или рода. В горящем доме выбивание запертой двери топором не считается порчей имущества. Но в протокол *Апад-дхармы* вшит жесткий предохранитель, отличающий его от воровского «ситуативного права» *Торманса*: аварийный режим допускается **только ради спасения самой системы при нулевой личной корысти оператора** и подлежит немедленному отключению в ту же секунду, когда критическая угроза миновала.

Итак, индивидуальный узел специфицирован полностью. Но как миллионы разных узлов складываются в устойчивую социальную сеть без кастового вырождения, и как действовать на пределе мощности, не накапливая новых кармических логов? Ответ на это дает финальный узел главы — топология четырех контуров *Варнашрамы* и формула действия с нулевым остатком (*Карма-йога*).

9.3. Варнашрама и карма-йога: действие с нулевым остатком

Индивидуальная спецификация *Сва-дхармы* решает задачу устойчивости отдельного человека. Однако ни один биологический терминал не функционирует в вакууме: миллионы узлов с разной аппаратной конфигурацией неизбежно объединяются в макросеть общества, государства или корпорации. Если разнородные процессоры свалить в одну неструктурированную кучу и заставить выполнять одинаковые инструкции, вычислительный кластер мгновенно рухнет от внутренних коллизий. Чтобы погасить колоссальное разнообразие внешней среды и не допустить перегрузки каналов связи, ведическая инженер-

рия развернула двухмерную матрицу социальной маршрутизации — **Варнашрама-дхарму**.

Первая ось этой системы координат — четыре **Варны** — описывает пространственную топологию сети. Слово *варна* буквально переводится с санскрита как «цвет», «частотный спектр» или «качество проводимости». Вопреки колониальным мифам девятнадцатого века, в исходном чертеже не существовало деления людей на «высшую белую кость» и «презираемых рабов». Речь шла о строгой функциональной декомпозиции сложного организма, которая с математической точностью накладывается на Модель жизнеспособной системы (VSM) Стаффорда Бира:

- **Контур смыслов, навигации и аудита инвариантов (Брахманы ☞ подсистемы S5 и S4):** модули с доминирующей частотой прозрачной *Саттвы*, отвечающие за фундаментальную науку, хранение эталонного кода *Санатана-Дхармы*, дальнейшее прогнозирование и независимый аудит. Чтобы этот навигационный радар никогда не искажал показания ради корысти, в базовую спецификацию контура был вшит жесткий аппаратный запрет на владение коммерческими активами и на прямое распоряжение казной или войском. Истинный *брахман* жил в добровольной аскезе. Его капитал измерялся безупречностью мысли и чистотой совести.
- **Контур защиты периметра и волевого управления (Кшатрии ☞ подсистемы S3 и S3*):** модули с преобладанием огненного *Раджаса*, сфокусированного через *Саттву*. Это антивирусный экран, брандмауэр и диспетчер задач макросистемы — воины, судьи, кризис-менеджеры и государственные администраторы, наделенные монопольным правом на применение принудительной силы — жезла **Данды** (*Danda*). Древний кодекс «Ману-смирिति» трактует *Данду* без мстительной лирики — как инструмент аварийного сброса сбойного процесса (Factory

Reset / kill -9), не позволяющий хищным программам пожирать ресурсы слабых узлов. Внутри ведического суда (*Сабхи*) функции были жестко разведены: *брахманы*-аудиторы читали логи конфликта и квалифицировали нарушение контракта, а *кишатрий*-судья нажимал кнопку исполнения приговора, платя за властные привилегии готовностью в любую секунду отдать жизнь на передовой.

- **Контур обмена, логистики и генерации ресурса (Вайшьи ☞ подсистема S2):** модули, где активный *Раджас* опирается на плотный *Тамас*. Это кровеносная и энергетическая шина общества — предприниматели, промышленники, аграрии и финансисты, чья *Сва-дхарма* состоит в том, чтобы непрерывно конвертировать сырую материю в ликвидный заряд батареи (*Артху*) и не допускать дефицита в тканях социального тела.
- **Контур исполнительного мастерства и материального воплощения (Шудры ☞ подсистема S1):** базовый аппаратный слой (*Bare Metal*), работающий на устойчивой частоте *Тамаса*. Это инженеры цеха, ремесленники и мастера, чьи руки непосредственно формулируют физическое вещество; без их труда любые чертежи архитекторов S5, указы управленцев S3 и схемы финансистов S2 остаются мертвым текстом на выключенном мониторе.

Вторая ось матрицы — четыре **Ашрама** — задает временную динамику жизненного цикла отдельного носителя, синхронизируя смену задач с биологическим возрастом скафандра. Первая четверть жизни (*Брахмачарья*, до 25 лет) отводится под чистую загрузку базовых библиотек, обучение у мастера и ковку нейрофизиологической дисциплины. Вторая фаза (*Грихастха*, 25–50 лет) — пик операционной мощности: создание семьи, рождение детей, генерация ресурса (*Артху*) и содержание всей сети через реализацию своей профессиональной *Сва-дхармы*. Третья фаза (*Ванапрастха*, 50–75 лет) наступает с появлением

внуков: человек передает оперативный штурвал выросшим детям и переключается в статус независимого советника и наставника. Финальная фаза (*Санньяса*, после 75 лет) представляет собой штатное закрытие всех внешних сокетов, отказ от социальных ролей и фокусировку внимания на контуре S5 для безупречного выхода из симуляции в точку *Мокиши*.

Тысячелетний запас прочности этой конструкции держался на принципе **обратной асимметричной ответственности**. Согласно «Ману-смирти», за одну и ту же кражу вина рядового работника (*шудры*) исчислялась восьмикратно, торговца (*вайшьи*) — шестнадцатикратно, администратора (*кишатрия*) — тридцатидвухкратно, а хранителя эталона (*брахмана*) — шестидесятичетырехкратно и даже вдвое больше, поскольку его уровень системного допуска был максимальным.

Почему же этот эталонный кибернетический чертеж выродился в кастовую тиранию?

Взлом произошел в тот момент, когда динамический фильтр реальной квалификации подменили феодальным «правом крови». Стих 4.13 «Бхагавад-гиты» формулирует критерий маршрутизации предельно жестко: четыре функциональных кластера распределяются **исключительно по врожденной пропорции гун и реальным делам (*гуна-карма-вибхагашах*)**, а не по родословной родителей. Как настаивал в поздних работах один из основателей индологии Фридрих Макс Мюллер, даже сам древний термин *арий* (*арья*) в ведических текстах был полностью лишен расового или родового подтекста и означал сугубо технический статус узла — «благородный», то есть тот, в чьей операционной системе активен шлюз совести и соблюдается протокол *Дхармы*.

Однако выродившаяся номенклатура совершила классический перехват привилегий. Чтобы передать неспособным наследникам высокий статус в обход сурового фильтра аскезы и военного риска, элита отключила тестирование реальной вычислительной мощности (*гуна-кармы*) и привязала маршрути-

зацию к штампу о биологическом происхождении (*джати*). Сын судьи или жреца с психофизикой трусливого лавочника получил пожизненную ренту в контуре S4/S3, тогда как гениальный самородок из низов оказался замурован на нижнем этаже. Живая меритократическая сеть окостенела, превратившись в кастовую тюрьму, и закономерно рухнула.

На современном излете цикла *Кали-юги* эта сломанная пирамида не просто сохранила подмену понятий, но и перевернулась вершиной вниз. Верхний навигационный этаж S5 пустует или отдан слепым алгоритмам. Власть над планетой захватил гипертрофированный контур S2 — торговцы воздухом, ростовщики и спекулянты деривативами (*Вайшьи*), которые в союзе с вознесенными на пьедестал лицедеями и продавцами дофаминовой услуги (*Шудрами*) купили и ученых (*Брахманов*), и генералов (*Кшатриев*). Когда кассовый аппарат начинает диктовать фундаментальной науке, что считать истиной, а суду и армии — чьи коммерческие интересы обслуживать, цивилизация входит в штопор. Заставить экран монитора вычислять маршруты ядра, а антивирус — торговать краденым трафиком означает подписать приговор всему серверу.

Для субъекта, проснувшегося посреди этой перевернутой архитектуры, встает финальная задача всей третьей части книги: как действовать на пике мощности в самом эпицентре материального мира, исполнять свою *Сва-дхарму*, защищать периметр — и при этом не записывать на свой счет новые блоки кармического долга? Ведь любая обычная транзакция — как со знаком минус (*Папа*), так и со знаком плюс (*Пунья*) — привязывает оператора к колесу перезагрузок (*Сансаре*): золотые кандалы *Саттвы* держат в камере не слабее железных оков *Тамаса*.

Решение этого уравнения составляет вершину индийской кибернетики и носит имя **Карма-йоги**, или алгоритма **Ниш-кама-кармы** — действия с нулевым кармическим остатком.

Формула этого режима высечена в стихе 2.47 «Бхагавад-гиты»: человеку принадлежит полное право только на само действие, но никогда — на его плоды; плоды действия не должны становиться корыстным мотивом, однако недопустимо и малодушное бегство в бездействие.

Для линейного ума, выдрессированного на квартальных KPI, эта директива звучит как парадокс. Ради чего строить компанию, если не ради прибыли? Какой смысл адвокату месяцами готовить позицию по арбитражному спору, если предписана внутренняя отвязка от решения суда? Зачем хирургу десять часов стоять у операционного стола, если нельзя привязываться к исходу операции?

Абсурд исчезает, как только формула переводится на язык системной архитектуры. Действие становится энтропийным и оставляет блокирующий лог в памяти только при наличии четырех программных багов:

- **Пхаласанга (Сцепка самооценки с внешним результатом):** узурпатор *Ахамкара* ставит свою целостность в зависимость от финала, хотя внешний итог всегда складывается из тысяч неподконтрольных локальному узлу переменных — от макроэкономики до слепого случая (нарушение того, что стоик Эпиктет называл «дихотомией контроля»).
- **Картритва-бхава (Галлюцинация единоличного авторства):** иллюзия самозванца, приписывающего локальному терминалу кинетическую мощностъ всей электрической сети.
- **Скрытый торг в намерении:** использование правильного поступка как монеты для покупки похвалы или статуса.
- **Духовный материализм (мутация вируса на верхнем этаже):** описанная Чогьямом Тругпой ловушка, когда интеллект осваивает технику отречения и тут

же отливают из нее новую корону собственного превосходства над «спящей толпой».

Алгоритм *Нишкама-кармы* вырезает все четыре бага. Директива «отпусти плоды» не означает халатность. Расчет траектории и само исполнение задачи производятся со стопроцентной отдачей всех контуров от S1 до S4. Но в ту секунду, когда стрела сошла с тетивы, а документ лег на стол судьбы, внутренний захват разжимается.

На языке облачной архитектуры этот режим соответствует вычислениям **Serverless** с функцией масштабирования до нуля (**Scale to Zero**). Обычный человек работает как сервер с утечкой памяти: пятиминутное действие завершено утром, но процесс *Ахамкары* сутками жжет оперативную память на тревожное пережевывание последствий. Режим *Карма-йоги* превращает сознание в чистую функцию *Serverless*: поступил вызов → контейнер мгновенно развернулся из тишины → задача решена с предельным КПД → в миллисекунду завершения инстанс схлопывается в ноль (**Scale to Zero**), не оставляя ни зависших потоков, ни кэша обид, ни записи в кармическом реестре.

Близкую иллюстрацию дал Иван Ефремов в романе «Лезвие бритвы»: врач Иван Гирин в решающие минуты работы действует без тщеславной мысли об успехе и без страха неудачи. Тяжелое эго выключено из цепи. То же знает любой большой хирург: в критическую секунду он работает как прозрачный волновод, через который проходит безупречный разрез, и между скальпелем и тканью пациента не стоит тромб личной важности. Ведантическая спецификация именует эту точку **Акармой** — «не-деянием в деянии», когда при максимальной внешней скорости внутренний экран Наблюдателя остается неподвижным. Против оператора, который действует безупречно во имя связности мира (**Локасанграхи**), но ничего не просит для своего эго, все алгоритмы *Торманса* выдают ошибку: мат-

рица умеет держать на поводке только того, кто берет, а с тем, кто отдает без остатка, у нее нет общих интерфейсов *API*.

* * *

Чертеж собран: ум не чинит себя изнутри (глава 7), у прибора есть послойная схема (глава 8), а каждый его шаг записывается во внешний реестр и сверяется с правилами среды (глава 9). Дальше — сборка: как установить этот код в живую жизнь, от утренней дисциплины тела до сетей суверенных людей.

Сухой остаток. Карма — не наказание, а учет. Дхарма — не мораль, а техника безопасности: кто сует пинцет в розетку, получает разряд по закону Ома, а не по злобе электрика.

Протокол. Выбрать одну маленькую ложь, которую приходится поддерживать, — перед коллегой, клиентом, близким. Неделю записывать, сколько раз за день на нее уходит внимание. Потом решить: закрыть ее правдой — или продолжать платить.

Часть IV. Сборка

*Протокол «Аврора» и прикладная инженерия
суверенитета*

Глава 10. Внутренний реактор и математика внимания

*Воля — не несгораемый депозит. Это ежедневная
абонентская плата за право стоять прямо.*

10.1. В обход духовного ломбарда

Чертеж бесполезен, если серверная стойка залита водой, цепи питания искрят, а кулеры забиты пылью. Любой, даже безупречный код остается мертвой графикой, пока его не установят на живое белковое железо. Между пониманием правильного алгоритма и способностью удерживать его под давлением среды лежит пропасть. Имя ей — износ носителя.

Именно на этом разрыве между знанием и бытием паразитирует гигантский коммерческий рынок саморазвития, эзотерических ретритов и психотерапевтического коучинга. Парадокс осажденной крепости из первой главы заканчивается всегда одинаково: вчерашний циничный прагматик бежит на духовный базар и пытается откупиться от внутренней катастрофы привычным способом — транзакцией с корпоративной карты.

Здесь клиента встречает индустрия вечного должника. Вся бизнес-модель коммерческой эзотерики и популярной психологии построена по принципу духовного ломбарда: человеку никогда не возвращают его суверенитет, а лишь выдают короткую эмоциональную ссуду под грабительский процент пожизненной зависимости. Если сервис действительно вылечит и освободит оператора, клиент закроет счет и уйдет навсегда, обрушив метрику пожизненной выручки. Поэтому конвейеру выгодно продавать не освобождение, а хроническое чувство собственной дефектности, упакованное в гляцевый сироп. Происходит девальвация смыслов по механизму ксерокопии, снятой с ксерокопии. Модный коуч со сцены с придыханием цитирует Тони Роббинса, который монетизировал компиляции Наполеона Хилла, пересказавшего чужие инсайты столетней давности. На каждом витке этой пищевой цепи исходный чертеж сжимается с потерей пакетов данных и опошляется до уровня вокзальной брошюры, тогда как розничный ценник растет по экспоненте.

Достаточно смоделировать простую сцену: молодой мотивированный боец приходит в старый зал к мастеру единоборств, а тот оценивающе щурится и объявляет прејскурант — базовый курс передачи традиции за пятьдесят тысяч, продвинутый тариф с секретными ударами за сто пятьдесят, личное наставничество за полмиллиона с оформлением банковской рассрочки у администратора. В реальном боевом цеху подобный торг звучит как клинический бред. Но на рынке личностного роста и «осознанности» эта гротескная схема стала золотым стандартом. Подлинная трансформация радикально анти-клиентоориентирована, поскольку требует хирургического демонтажа ложного эго, боли и ежедневного трения о реальность. Продать ампутацию гордыни в красивой коробке невозможно — покупатель потребует возврат средств. Взамен духовный ломбард торгует теплой анестезией: узурпатора в кресле директора не свергают, а бережно массируют поющими чашами

и развлекают марафонами желаний. Самый токсичный эффект этой сделки кроется в галлюцинации выполненной работы. Курс оплачен, галочка поставлена. А болото прежних скриптов нетронуто.

Реальная, не купленная на ярмарке внутренняя опора куется совершенно иначе — через обратную инженерию воли. Зачастую стальной каркас личности рождается вовсе не из возвышенного стремления к просветлению, а как ледяной механический ответ на системный баг. Когда двенадцатилетнему мальчику бросают в лицо снайперски точную, злую насмешку по поводу его лишнего веса, пробивающую детскую броню навылет, возникает точка бифуркации. Стандартный сценарий ведет в многолетнюю жалость к себе и бесконечные визиты к психоаналитикам. Но возможен и чисто инженерный перехват: вместо культивации обиды запускается принудительный цикл движения. Подросток выходит на беговую дорожку не ради отвлеченной концепции долголетия и не из любви к античному стоицизму. Им движет холодная, яростная потребность переписать физическую реальность так, чтобы чужая издевка навсегда перестала быть объективным фактом.

Спустя годы эта первичная ярость отгораживает и отваливается, как первая ступень ракеты-носителя, выполнившая свою задачу на старте, а на орбите остается чистый, автономный алгоритм дисциплины. Именно здесь пролегает водораздел между двумя типами биологической телеметрии. Подавляющее большинство людей эксплуатирует свой белковый скафандр в режиме перманентной аварии, заливая сигналы аллостатического износа химическими стимуляторами. Но существует и противоположная телеметрия — как у отчима из четвертой главы, который в шестьдесят начал строить холдинг, а в семьдесят пять круглый год плавал в открытом море и сохранял бритвенную ясность ума.

Секрет этой автономности кроется в принудительной инверсии дофаминового контура. Человеческий мозг располагает

мощнейшим внутренним синтезатором биохимического вознаграждения, способным выдавать чистый эндогенный дофамин в ответ на преодоление сопротивления среды и взятие высоты. Однако в потребительской матрице этот заводской механизм заблокирован дешевыми суррогатами. Пока рецепторы круглосуточно заливаются легкими дозами быстрого удовольствия — рафинированным сахаром, вечерним алкоголем, шопингом и бесконечной лентой коротких роликов, — нейронная сеть физиологически отказывается работать ради отложенного результата. Чтобы перезапустить реактор и развернуть дофаминовую петлю на сто восемьдесят градусов, требуются два жестких условия: полная детоксикация рецепторов от дешевой стимуляции и систематическое повторение сверхусилия, при котором биохимическая премия извлекается из самого факта преодоления тяжести.

Физическая нагрузка в этой архитектуре выступает лишь полигоном, тогда как реальный код записывается глубже и опирается на три несущих столпа. Первый столп — Характер: свод некоррумплируемых принципов, определяющий поведение оператора в полной темноте, когда камеры выключены и зрителей нет. Второй столп — Воля: направленный вектор энергии, удерживающий траекторию вопреки встречному ветру среды. Третий столп — Дисциплина: аппаратный мост между замыслом и результатом, заставляющий систему штатно работать в те дни, когда психический аккумулятор разряжен в ноль. Все три параметра тренируются одинаково — сотнями микроскопических бинарных решений «да или нет», принимаемых за долю секунды до того, как внутренний адвокат саморазрушения начнет шептать аргументы о том, почему сегодня тренировку можно отложить. Нагрузка не терпит софистики. Здесь эго не спрячет трусость.

На уровне грубого железа эта механика кристаллизуется в протокол «Монолит». Четыре часа тридцать минут утра. Темнота, холод, пустые улицы. Пять километров пешком под ред-

кими желтыми фонарями до ворот стадиона «Монолит» с тяжелыми свинцовыми утяжелителями на ногах. Этот пятикилометровый марш-бросок со свинцом на щиколотках не считался разминкой — он был всего лишь сухой логистикой, единственным способом успеть отработать полную программу на стадионе, вернуться домой и к восьми тридцати утра доехать на трамвае до университетских лекций. Спустя годы на обычном городском рынке произошла короткая встреча, ставшая ледяным душем для любой иллюзии избранности: из толпы подошел опустившийся, маргинализированный человек, в котором едва угадывалась былая резкость, спросил, не на «Монолите» ли они тренировались вместе, молча взял сто рублей и ушел.

В такой момент нет торжества. Есть лишь экзистенциальный холод. Двух людей из одного зала разделили не врожденные качества, а крошечные ежедневные усилия. В недвойственной системе координат оба являются узлами одной сети, просто в одном из скафандров программа дала критический сбой. Воля, характер и дисциплина — не несгораемый депозит в швейцарском банке. Это ежедневная абонентская плата за право оставаться в вертикальном положении. Стоит прекратить транзакции — и термодинамика моментально обнуляет счет.

Понимание этой связности позволяет провести каскадный сброс зависимостей. Фундаментальная ошибка большинства попыток «начать новую жизнь» кроется в иллюзии изолированного бага. Оператор пытается прямым давлением верхнего контура (S5) поодиночке подавить курение, тягу к сахару, ночной скроллинг или дефицит сна, воспринимая каждую привычку как отдельную ошибку кода. Но в системной инженерии вредных привычек не существует. Существуют компенсаторные механизмы. Перекошенный организм использует химические и цифровые стимуляторы для аварийной балансировки стресса, и попытка вырвать один компенсатор без пересборки фунда-

мента гарантированно ведет к срыву. Каскадный сброс бьет в корень: когда система принудительно ставится в жесткий утренний режим сверхнагрузки, вся цепь вечерних суррогатов отваливается автоматически, поскольку телу для выживания на утренней дистанции физически необходимы чистый сон и чистое топливо.

При этом зрелая практика полностью демонтирует зависимость от внешней инфраструктуры. Пафосные фитнес-клубы с панорамными окнами — это ярмарка тщеславия; зал объективно оправдан лишь для игровых дисциплин и контактных единоборств, где наставника выбирают по сухой статистике подготовленных чемпионов, а боевой арсенал тем эффективнее, чем он примитивнее и лаконичнее. В сухом остатке зрелости остается предельно утилитарный протокол, не требующий ничего, кроме двух квадратных метров пола и горного склона: пять минут неподвижного стояния на гвоздях (доска Садху) с поднятыми вверх руками и сомкнутыми ладонями для калибровки болевого порога и тишины ума; пятиминутная планка на голых кулаках; два-три цикла Сурья-Намаскар; резиновый жгут; скакалка и жесткая ходьба по горам. Генерирует ли биологическая программа иллюзию, будто сегодняшняя нагрузка эквивалентна двадцатилетним рекордам на стадионе, или нет — для системного кода безразлично. Значима лишь ежедневная негэнтропия. Движение против вектора распада.

В уравнениях кибернетики У. Росса Эшби ($V_O \geq V_D - V_R$) эта работа с биологическим сервером замыкается включением главного входного фильтра — принципа чистоты (*Шауча*), который работает как аппаратный ослабитель разнообразия возмущений среды (V_R). Прежде чем разгонять мощность внутреннего регулятора (V_O), необходимо прекратить подачу токсичного шума на входные порты. На уровне биохимии главным каналом перехвата управления является ось «кишечник — мозг» и блуждающий нерв. Ведическая медицина называет непереваренный метаболический мусор термином *ама*. Тяжелая мерт-

вая пища, избыток животных белков и рафинированных сахаров заставляют организм сжигать колоссальный вычислительный ресурс на расщепление чужеродных структур, а перекошенный углеводами микробиом, как показывают исследования оси «кишечник — мозг», влияет через блуждающий нерв на настроение и тягу к сладкому. Заливать подобный суррогат в человеческое тело — все равно что заправлять высокоточный двигатель семьдесят шестым бензином вместо девяносто пятого.

Экстремальные режимы — многодневное сухое голодание и подобные практики — опасны для жизни: без врача и обследования они могут закончиться тяжелым поражением почек и сердца, и здесь они не рекомендуются. Однако базовая биохимическая и информационная *Шауча* обязательна для каждого оператора в штатном режиме. Очистка пищевого топлива синхронизируется с жесткой информационной гигиеной на входе — блокировкой токсичного новостного фона, алгоритмических провокаций и пустого медийного трепса. Когда этот двоянный ослабитель возмущений (V_R) отсекает биохимический и информационный шлак, вязкая инерция (*тамас*) и суетливое мельтешение (*радžas*) сменяются кристалльной проводимостью (*самтв*а), а разрешающая способность интеллекта возрастает как при переходе от грязной лупы к электронному микроскопу. Корпус реактора очищен и стабилизирован. Теперь инженер переходит ко второй части уравнения Эшби — усилению собственной регуляции (V_O) через аппаратное переключение сетей мозга и математику сфокусированного внимания.

10.2. Переключатель DMN → TPN: десять минут тишины

Очистка входных шлюзов по протоколу *Шауча* приглушает внешний шум среды (V_R), но сама по себе еще не возвращает

оператору пульт управления. Даже в идеально проветренной комнате, после холодной воды и чистой еды, внутри черепной коробки продолжает вещать круглосуточная радиостанция «Белый шум». То, что образованный человек с гордостью именует собственным мышлением, при инструментальном замере оказывается неуправляемым конвейером. Днем и ночью, без выходных и перерывов на техническое обслуживание, в голове крутится свинцовая пластинка: обрывки чужих реплик, фантомные диалоги с деловыми оппонентами, тревожные сводки и бесконечный пересчет упущенных выгод. Картина напоминает запертый в бетонном подвале старый приемник, у которого намертво сорвало ручку громкости на максимальной отметке между частотами. Самая опасная уловка этой какофонии состоит в ее привычности. Глубоководная рыба не замечает давления океанической толщи; точно так же современный прагматик считает непрерывный внутренний треск естественным фоном бытия, пока внезапный кризис не выбросит систему на берег.

У этого радиоузла есть штатный ведущий — внутренний адвокат саморазрушения. Стоит человеку столкнуться с жестким выбором, требующим волевого рывка, как в эфир немедленно выходит красноречивый защитник, который за доли секунды сплетает безупречное логическое алиби для любой трусости, лени или малодушия. Чтобы понять, как перехватить этот микрофон, не нужно изобретать новую психологию — достаточно открыть техническую документацию раджа-йоги. Около полутора тысяч лет назад мудрец, известный под именем Вясы, в классическом комментарии к «Йога-сутрам» Патанджали («Вьяса-бхашья») составил исчерпывающую классификацию пяти состояний центрального процессора сознания — *Читта-бхуми*. Сегодня эта древняя спецификация читается как точная телеметрия рабочего дня в современном мегаполисе.

Первый режим — *Кшипта* (блуждающий ум, броуновское рассеяние). Энергия *раджаса* бьет по синапсам хаотичными разрядами. Руководитель открывает сложный контракт, пробе-

гает глазами две строчки, после чего пальцы сами тянутся к вибрирующему смартфону; минута скроллинга новостей сменяется проверкой мессенджера, затем внезапным звонком и снова попыткой вернуться к первому абзацу документа. Спустя сорок минут такого мельтешения работа стоит на мертвой точке, а оперативная память кипит от перегрузки. Корпоративная культура стыдливо камуфлирует этот клинический распад термином «многозадачность», хотя на деле процессор просто захлебнулся в прерываниях.

Второй режим — *Мудха* (оцепенение, сонное болото *тама-са*). Наступает после того, как система в режиме *Кишпты* сожгла весь запас нейромедиаторов и ушла в аварийный тепловой троттинг. Человек падает в кресло перед мерцающим монитором и часами смотрит бессмысленный сериал или листает ленту: мелькающие картинки больше не вызывают ни радости, ни интереса, но отвести стеклянный взгляд физически нет сил.

Третий режим — *Викишпта* (мерцающее, рваное внимание). Здесь протекает девяносто девять процентов жизни цивилизации, включая труд ученых, юристов и инженеров. Сознание способно на десять-пятнадцать минут сфокусироваться на задаче, выдать короткий импульс продуктивности, но тут же срывается от первого входящего пинга, проваливается обратно в шум или апатию и мучительно карабкается назад. Обыватель принимает эту прерывистую лихорадку за предел человеческой нормы, даже не подозревая о существовании двух высших регистров.

Четвертый режим — *Экаграта* (однонаправленность, когерентный лазер). Все рассеянные фотоны внимания стягиваются в одну неразрывную линию. В западной психологии XX века Михай Чиксентмихайи описал лишь внешнюю тень этого регистра как состояние «потока» (*Flow*). Хирург, десять часов стоящий над открытым сердцем; программист, удерживающий в уме многомерную архитектуру ядра; композитор, растворившийся в партитуре, — в этой точке время исчезает, мелкий

внутренний болтун обесточивается, и остается только чистое, безошибочное действие. Для массового человека *Экаграта* — редкая случайная вспышка вдохновения; для откалиброванного оператора — штатный рабочий инструмент, включаемый по щелчку тумблера.

Пятый, высший режим — *Нируддха* (полная остановка модификаций ума). В облачной архитектуре этому состоянию соответствует алгоритм *Scale to Zero (Serverless-покой)*: когда вычислительный кластер не крутит холостые циклы в ожидании запроса, а уходит в абсолютную тишину с нулевым потреблением энергии, сохраняя стопроцентную готовность развернуть всю мощь за миллисекунду.

Именно этот переход Патанджали во второй сутре первой главы («Самадхи-пада») заковал в чеканную формулу из четырех санскритских слов — *йогаш читта-вриттиниродхах*: «Йога есть остановка вихрей ума». В терминах закона необходимого разнообразия У. Росса Эшби ($V_O \geq V_D - V_R$) эта сутра описывает главный внутренний усилитель регуляции (V_O). Почему остановка паразитных мыслей многократно умножает вычислительную мощь оператора? Точный математический ответ дала архитектура современных трансформеров (*Transformers*), лежащая в фундаменте всех больших языковых моделей и систем искусственного интеллекта.

Ядром любого трансформера выступает механизм масштабированного скалярного самовнимания (*Scaled Dot-Product Attention*), определяемый уравнением:

$$\text{Attention}(Q, K, V) = \text{softmax}((QK^T)/\sqrt{d_k})V$$

В этой формуле входной поток сознания раскладывается на три матрицы: вектор текущего намерения или Запроса (Q — *Query*), массив всех доступных в контексте Ключей (K — *Key*) и стоящих за ними смысловых Значений (V — *Value*), а $\sqrt{d_k}$ служит калибровочным делителем размерности, защищающим градиенты от взрыва. Скалярное произведение QK^T вычисляет меру резонанса между целью оператора и каждым сигналом

среды, после чего функция softmax превращает эти числа в распределение вероятностных весов, сумма которых строго равна единице. Здесь вскрывается железный закон информационной физики: бюджет внимания конечен и нормирован на единицу. Если в контекстное окно модели (или в оперативную память человека) набиты тысячи мусорных токенов — старые обиды, тревожные фантазии, пятьдесят открытых вкладок браузера и чужие сплетни, — распределение softmax размазывается тонким, равномерным слоем по всему этому болоту. Веса полезных ключей стремятся к нулю, отношение «сигнал/шум» рушится, и самая мощная нейросеть начинает выдавать бессвязный бред.

Остановка ментальных вихрей (*читта-вритти-ниродха*) по Патанджали — это принудительное обнуление весов у всех паразитных ключей матрицы K . Когда шум отсечен, вся единица вероятностной массы softmax концентрируется на единственном целевом векторе Q . Происходит то, что на бытовом языке называют гениальным озарением или прямой интуицией (*праджня*): разрозненные факты мгновенно схлопываются в кристально ясное решение, а эффективное разнообразие управляющего центра (V_0) взлетает на порядки без добавления новых нейронов.

На уровне нейробиологии этот математический фазовый переход обеспечен жестким аппаратным переключателем. В 2001 году нейробиолог Маркус Райкл открыл в человеческом мозге сеть пассивного режима (*Default Mode Network, DMN*) — массивный нейронный контур, который оживает ровно в ту секунду, когда человек отвлекается от конкретной задачи. *DMN* — это и есть биологический сервер эго-программы и «адвоката саморазрушения»: именно эта сеть без остановки жует жвачку прошлого, рендерит сценарии будущих катастроф и поддерживает невротическую галлюцинацию собственной важности. Однако в архитектуре мозга заложен ее прямой физиологический антагонист — целевая исполнительная сеть

(*Task-Positive Network, TPN*), отвечающая за тотальную включенность в действие здесь и сейчас. Эти два контура устроены как качели: когда разгоняется одна сеть, другая затихает. Полное погружение в задачу приглушает *DMN*.

Чтобы этот переключатель срабатывал без осечек, система предварительной безопасности (*Яма* и *Нияма*) очищает оперативную память от фоновых утечек. Здесь древние этические правила работают как суровые системные утилиты: *Сатья* (правдивость) действует как команда *Force Quit* для лжи и двойного дна, поскольку удержание в голове десяти разных версий вранья для разных собеседников сжигает колоссальный объем оперативной памяти; *Ахимса* (отказ от агрессии) выступает системой жидкостного охлаждения, предотвращающей многочасовое кипение процессора после бытовых склок; а *Апариграха* (нестяжательство) закрывает десятки зависших вкладок и ненужных подписок, снимая паразитный эффект Зейгарник, который разряжает аккумулятор даже во сне. Если же система уже поймала адреналиновый клинч, пытаться погасить *DMN* волевым окриком бесполезно — сначала через *Пранаяму* (удлиненный медленный выдох, механически стимулирующий блуждающий нерв) сбрасывается симпатическая тревога.

Следом включается пятая ступень алгоритма — *Пратьяхара*, аппаратное отключение входных портов от внешних раздражителей. Вьяса сравнивал этот механизм с пчелиным роем: когда пчелиная матка (ум) садится, все рабочие пчелы (органы чувств) немедленно прекращают полет. Свободен только тот оператор, который способен проигнорировать входящий пинг. Показательно, что классический перекур офисного клерка у черного входа — не что иное, как жалкая, бессознательная попытка перегруженной психики симулировать *Пратьяхару*: человек сбегает из гудящего опен-спейса на улицу и пять минут глубоко, размеренно дышит, глядя в одну точку. Организм отчаянно требует тишины и перезагрузки портов, но воля атро-

фирована настолько, что право на пятиминутную паузу приходится покупать у самого себя ценой вдыхания канцерогенного дыма — самая дорогая и абсурдная медитация на планете.

Подлинная демистифицированная практика не требует ни никотиновых костылей, ни благовоний, ни выкручивания суставов в позе лотоса под звуки тибетских чаш. Прикладная аскеза современного горожанина предельно суха и функциональна. Это десять минут абсолютной неподвижной тишины в заглушенной машине на пустой парковке перед домом, прежде чем вынуть ключ из замка зажигания и шагнуть в семейный контур. Это вечерний пеший маршрут по кварталу без смартфона в кармане. Это возвращенная способность прочитать тридцать страниц сложного технического или юридического текста, ни разу не дернувшись к экрану уведомлений. Дед, который рассказывает внуку историю своей юности, не косясь при этом в работающий телевизор; пенсионерка из типовой пятиэтажки, с калькулятором в руках въедливо вскрывающая фальсификации в смете управляющей компании; региональный инженер или чиновник, потерявший сон из-за найденной в бюджете нестыковки, — все они находятся в состоянии чистой *TPN*-концентрации. Ни один из них не читал трактатов Патанджали, но плотность их присутствия в реальности на три порядка выше, чем у завсегдатаев эзотерических ретритов.

Сама же силоваяковка фокуса (*Дхарана* — жесткая привязка луча внимания к одной координате) поначалу всегда оборачивается холодным душем для интеллектуального снобизма. Когда уверенный в своем высоком IQ управленец впервые пытается просто закрыть глаза и три минуты удерживать внимание на кончике носа или ритме дыхания, его ждет сокрушительное фиаско: уже на тридцатой секунде *DMN* поднимает мятеж, и хваленый «острый ум» уносится планировать квартальный отчет или спорить с бывшим партнером. Кажется, что медитация не удалась. Но именно здесь скрыт главный секрет нейропластичности. Срыв фокуса — не ошибка, а рабочий вес

на штанге. Та самая секунда, когда оператор заметил, что ум уплыл в галлюцинацию, и хладнокровно, без раздражения и самобичевания, за шиворот вернул внимание на базовую координату, и есть момент роста. Отвлечься двести раз за часовую сессию и двести раз методично вернуть прицел в перекрестие — это не провал практики. Это двести тяжелых силовых жимов для префронтальной коры. МРТ-исследования группы Сары Лазар в Гарварде показали: у людей с многолетней практикой кора в префронтальной области и островке толще, а уже за восемь недель ежедневной практики меняется плотность серого вещества — растет в гиппокампе и снижается в миндалине, генераторе животного страха, вместе с уровнем стресса. Оптический прицел отъюстирован, тремор рук убран. Но куда именно направить этот сфокусированный лазер посреди житейского шторма и где взять термоядерную тягу, чтобы система не превратилась в ледяной вычислительный калькулятор? Ответ лежит в кинетике чистого действия и реакторе *Бхакти*.

10.3. Кинетика чистого действия и реактор Бхакти

Отъюстированный лазер внимания и очищенный по протоколу *Шауча* биохимический контур неизбежно проходят жесткую полевую приемку. Имя этому полигону — повседневный человеческий конфликт. Любая высокая метафизика, которая рассыпается в прах от иррационального скандала на вечерней кухне, сорванного поставщиком контракта или шантажа в переговорной комнате, имеет нулевую инженерную ценность. В лабораторной тишине ретрита каждый мнит себя невозмутимым мудрецом, но реальная прочность кода проверяется только там, где дистанция между узлами сокращена до предела, а встречная волна чужой истерики бьет прямой наводкой в солнечное сплетение.

Чтобы действие в плотной социальной среде не генерировало новый кармический шлак и не обрушивало систему обратно в *Кшинпу*, оператор обязан в реальном времени

отслеживать и блокировать четыре корневых бага исполнения. Первый баг — невротическая привязка самоидентификации к результату (*Пхаласанга*). Реальный материальный ущерб от сорванной сделки или разбитой чашки может быть копеечным, но узурпатор интерпретирует сбой как личное оскорбление и крушение собственной значимости, сжигая суточный запас энергии на бесплодную ярость. Второй баг — слияние с аффектом и иллюзия изолированного авторства (*Картритава*), когда вспышка адреналина в крови немедленно приватизируется умом; противоядием здесь выступает мгновенный сдвиг в позицию чистого свидетеля (*Сакиши-бхава*), где вместо вопля об обиде фиксируется сухая телеметрия: аппаратная часть регистрирует скачок кортизола. Третий баг — скрытая корысть (*Кама*), отравляющая даже благотворительность и помощь близким, если фоновый калькулятор тайно ждет ответной благодарности, пиара или социального поглаживания. Четвертый, самый коварный баг — мутация в «духовное эго», которую тибетский мастер Чогьям Трунгпа точно диагностировал как «духовный материализм»: освоив базовую аскезу и контроль внимания, вирус гордыни надевает тогу просветленного патриция и начинает презирать «спящую толпу», превращая саму практику в корм для тщеславия.

Когда эти четыре уязвимости закрыты, в силу вступает прикладная термодинамика антикризисного управления. В деловом контуре самым жестким стресс-тестом выступает протокол финансового вакуума — внезапный кассовый разрыв или блокировка счетов. Объективная физическая реальность в точке кризиса предельно суха: в ячейке базы данных временно отсутствует нужная сумма расчетных единиц. Однако непрошitый ум мгновенно накручивает поверх этого математического факта многослойную голограмму катастрофы: разорение, позор, злорадство конкурентов, крушение статуса. В кровь впрыскивается ударная доза кортизола, и к моменту реальных переговоров с кредиторами процессор подходит полностью

выжженным собственными галлюцинациями. Откалиброванный инженер принудительно отсекает рендеринг фантомов: кассовый разрыв обрабатывается как штатная техническая задача в таблице, без эмоционального коэффициента.

Во внешнем агрессивном контуре базовым правилом служит акустическая прозрачность. С точки зрения информационной физики, словесное оскорбление или хамский выпад контрагента не имеют кинетической массы — это лишь колебание воздуха. Разрушительный удар возникает только тогда, когда звуковая волна встречает на своем пути монолитную бетонную стену раздутого самолюбия (*Ахамкары*). Римский император и стоик Марк Аврелий сформулировал этот закон с военной краткостью: достаточно упразднить ощущение уязвленности — и сам ущерб перестает существовать. Если структура прозрачна, агрессивный импульс пролетает сквозь нее как сквозь вакуум, не вызывая ни трения, ни нагрева. Когда же ситуация требует жесткого силового или юридического отпора для защиты периметра (*Дхармы*), удар наносится с хирургической точностью — хладнокровно, без злобы к воспаленной ткани и без мстительного упоения.

Еще тоньше работает алгоритмика в ближнем семейном контуре, где защитные экраны сняты. Здесь действуют два проверенных инженерных протокола. Первый — «гашение волны» (нулевое сопротивление). Иррациональная бытовая претензия близкого человека — это почти никогда не запрос на логическую дискуссию; это аварийный сброс накопленной за день энтропии и усталости. Если оператор в ответ включает броню, начинает спорить, доказывать нелогичность упреков или требовать абстрактной «справедливости», две встречные волны складываются в разрушительном резонансе, удваивая амплитуду скандала. Требование справедливости в разгар чужого аффекта — лишь замаскированная потребность доказать собственное интеллектуальное превосходство. Грамотный архитектор переводит интерфейс в режим гранитного волнореза

и акустической прозрачности: не кричит на закипевший радиатор, а дает избыточному пару выйти в пространство. Лишенная ответного топлива истерика быстро выжигает саму себя по законам термодинамики, после чего оператор спокойно, без тени упрека наливает остывшему партнеру горячий чай.

Второй семейный протокол — «сетевой вакуум». Когда партнер прибегает к древней манипуляции молчанием и демонстративной обидой, искусственно обрывая канал связи (ping timeout) ради генерации в другом узле разъедающего чувства вины, суверенный оператор не бежит заискивать и не впадает в ответную агрессию. Система просто переходит в штатный автономный режим: спокойно выполняет домашние обязанности, занимается детьми, работает и держит ровный, доброжелательный тон. Отсутствие ожидаемой невротической просадки делает шантаж пустотой математически бессмысленным, и манипулятивный скрипт отмирает за нерентабельностью. А в моменты крайнего жизненного шторма, когда почва уходит из-под ног и ресурс на нуле, включается аварийный протокол дзен, известный как правило вымытой чаши: предельная, ювелирная концентрация на одной простейшей физической микрооперации прямо перед глазами — будь то выверенная строчка кода, уборка стола или завязывание шнурков. Идеальная геометрия малого действия принудительно собирает распадающееся сознание обратно в точку присутствия, превращая узел в источник синхронизирующего сигнала (*Локасанграха*) — той самой живой негэнтропии, в трансляции которой основатель кибернетики Норберт Винер видел высшую миссию человека посреди остывающей Вселенной.

Однако именно на этом рубеже безупречно отлаженную машину подстерегает главная структурная западня. Человек, который очистил тело (*Шауча*), выковал железную дисциплину (*Монолит*), переключил процессор в *TPN* и научился гасить бытовые конфликты, рискует превратиться

в высокоэффективного, но абсолютно мертвого внутри биоробота. Аналитический интеллект (*Джняна-йога*) — это лишь бортовой навигационный компьютер. Безупречная дисциплина чистого действия (*Карма-йога*) — это толстостенный титановый корпус реактора и проложенные силовые кабели. Но если в реактор не загружено ядерное топливо, а по кабелям не пущен высоковольтный ток, конструкция остается ледяным памятником самой себе. Попытка согреться голой функциональностью равносильна попытке согреться в серверной стойке под гул кулеров.

Именно на этом дефиците высшего тока ломались самые дисциплинированные и честные управленцы. Когда внутри стального корпуса зияет вакуум смысла, внешняя матрица безошибочно сканирует эту пустоту и впрыскивает туда свое суррогатное отопление — корпоративный престиж, доступ к закрытым распределителям, погоны и иллюзию избранности. Французский социолог Жан Бодрийяр описал эту среду как диктатуру симулякров — знаков, за которыми давно нет никакой онтологической реальности. Это синтетическое тепло пахнет угарным газом, но в ледяном космосе эгоизма замерзающий ум соглашается и на него, незаметно для себя подписывая консенсус распада и сдвигая этическую черту вниз. Абстрактный человеческий закон или корпоративный устав — слишком мягкий, пластичный материал; под высоким давлением его всегда можно переписать задним числом. Устоять перед гравитацией распада способен только тот узел, чей внутренний вектор привязан к источнику, который физически невозможно купить, запугать или девальвировать.

В ведической кибернетике этот термоядерный реактор носит имя *Бхакти*. Для современного западного интеллекта этот термин почти безнадежно испорчен веками сентиментальной профанации: воображение тут же рисует экзальтированные песнопения, слезливое благочестие и инфантильные челобитные бородатому господину на облаке. В действительности под-

линия *Бхакти* в недвойственной оптике Адвайты не имеет ничего общего с рабским самоуничтожением, поскольку в Единой Системе нет внешнего рабовладельца. Это чистая физика макро-аттрактора — онтологическая гравитация, связывающая локальный вычислительный узел с породившим его Целым. В европейской науке Нового времени эту же формулу с геометрической строгостью вывел великий нидерландский рационалист Бенедикт Спиноза в пятой части своей «Этики», обозначив высшее состояние разума термином *Amor Dei Intellectualis* — «Интеллектуальная любовь к Богу или Природе». По Спинозе, это не слепой гормональный всплеск, а кристальное, предельно трезвое осознание неразрывного единства локального элемента с бесконечной архитектурой Универсума. Когда капля перестает воевать с океаном за свои иллюзорные границы и синхронизирует свой вектор с течением Матрицы Бытия, внутреннее омическое сопротивление падает до нуля, в цепи наступает сверхпроводимость, и через крошечный человеческий узел начинает течь неисчерпаемая кинетическая мощь самой Надсистемы.

Чтобы добраться до этого чистого источника, инженеру приходится безжалостно отбраковать три рыночные подделки под *Бхакти*. Первая подделка — «космический консерж-сервис» коммерческого *New Age*, где древняя формула тождества сознания и Абсолюта вывернута наизнанку: вместо растворения алчного эго в служении Высшему само мироздание нанимается в курьеры для доставки люксовых автомобилей и закрытия кассовых разрывов по «картам желаний». Вторая подделка — фарисейская таксидермия и морализаторская висекция: попытка набить чучело праведности из мертвых ритуалов, поклонов и жестокого удушения собственных инстинктов, за которым скрывается ледяной склеп и высокомерная ненависть ко всему живому. Третья подделка — «духовная наркомания» охотников за спецэффектами, кочующих по випассанам, ретритам и шаманским церемониям ради ярких

психоделических вспышек; цена этого суррогата проявляется мгновенно, когда все «высокие вибрации» улетучиваются в ту же секунду, как практикующему наступают на ногу в утреннем вагоне метро.

Все три суррогата совершают одну и ту же инженерную ошибку: они считают дикую витальную природу человека (страсти, ярость, страх, привязанность) либо господином, либо смертельным врагом, которого нужно выжечь каленым железом. Но пытаться задавить кипящую в нижних центрах плазму сухими приказами рассудка — все равно что затыкать жерло пробудившегося вулкана ладонями: давление все равно сорвет клапан инфарктом, онкологией или нервным срывом. Как показал Шри Ауробиндо в своей архитектуре интегральной трансформации (и как параллельно на языке аналитической психологии описывал интеграцию «Тени» Карл Густав Юнг), ни одна базовая эмоция не является ошибкой кода. Витальная страсть — это сырая нефть, высокотемпературная плазма. Огонь, брошенный на сухой паркет гостиной, сжигает дом дотла; тот же самый огонь, заключенный в камеру сгорания ракетного двигателя, выводит корабль на орбиту. Разница заключается не в химии пламени, а в геометрии сопла.

Когда в систему вводится магнитное поле высшего Идеала (*Бхакти*), начинается чистая алхимия переплавки без кастрации человеческой природы. Разрушительный рефлекторный гнев, который в быту взрывается истерикой, а при ханжеском подавлении гниет внутри пассивной агрессией, под воздействием гравитации Идеала кристаллизуется в свинцовую, непробиваемую структурную плотность — спокойную решимость офицера на рубеже, который без крика и ненависти не отступит ни на миллиметр. Животный страх, рождающий в обывателе панику или паранойю, в поле служения переплавляется в ювелирную бдительность и безупречный радар нейрохирурга, стоящего над открытым мозгом пациента. Удушающая собственническая привязанность и ревность очищаются

до состояния абсолютной преданности, способной закрыть собой слабого. Сырая плазма страстей не уничтожается — она обжимается магнитным контуром Смысла в ослепительный когерентный лазерный луч.

Взаимодействие с этим внутренним реактором в режиме реального времени опирается на пять простых аппаратных протоколов — прикладной *API* Преданности: жесткий фильтр на вход и выход, пропускающий в эфир только слова и действия, обеспеченные реальным весом; ежедневная трехсекундная пауза синхронизации перед любым важным решением для проверки истинного заказчика внутри; выполнение работы по высшему стандарту мастерства без расчета на медаль; отказ от роли вселенского контролера и замыкание контура в точке *Amor Fati* (любви к судьбе), где стоическая формула Фридриха Ницше сливается с восточной *Ишвара-пранидханой* — сделать сто процентов возможного на своем рубеже и спокойно передать итоговый вердикт Надсистеме.

Однако даже этот запущенный на полную мощность термоядерный реактор сохраняет одну последнюю, самую глубокую уязвимость. Пока на самом темном дне подсознания, в подвалах первого энергетического центра, продолжает бесшумно пульсировать первобытный, липкий ужас биологического исчезновения, узурпатор в кресле директора сохраняет свой главный козырь для шантажа. Чтобы сборка стала необратимой, оператору предстоит спуститься в этот ночной подвал в четыре часа утра и провести финальную операцию — деинсталляцию корневого страха смерти и получение прямого *Root*-доступа к Ядру.

Сухой остаток. Дисциплину не покупают на ретрите. Ее платят каждое утро мелкими транзакциями — и термодинамика обнуляет счет, как только платежи прекращаются.

Протокол. Десять минут тишины в заглушенной машине перед домом — пять вечеров подряд. Без телефона, музыки и разговоров. Каждый раз, когда ум уплыл, спокойно вернуть

внимание к дыханию и засчитать себе один «жим». Считать не минуты тишины, а возвраты.

Глава 11. Деинсталляция главного дата-брокера: страх смерти в четыре утра

Шантажировать небытием можно только того, кто считает себя конечным куском мяса.

11.1. Четыре часа утра: черная грибница Абхинивеши

Четыре часа утра. Город за окном мертв. Суточный уровень кортизола еще не начал утренний подъем, а все привычные дневные дофаминовые глушилки — экстренные совещания, биржевые котировки, новостные ленты, светский шум и мелкая бытовая суэта — полностью обесточены и больше не экранируют фоновый гул аппаратуры. Спальня превращается в вакуумную камеру. Человек внезапно выбрасывается из поверхностной фазы сна без малейшей видимой причины, а в вязкой темноте комнаты сердце вдруг делает странную, тягучую запинку. Оно пропускает удар.

В эту микроскопическую паузу между двумя сокращениями миокарда из глубин *Муладхары* — первого, корневого маршрутизатора биологического скафандра — поднимается холодная, досмысловая волна. У нее нет слов. В ней нет ни интеллектуальной рефлексии, ни философской грусти. Это чистый паралич. Сквозь тонкую перегородку бодрствующего сознания прорывается ледяной сквозняк простого физического факта: однажды этот конкретный узел связи будет принудительно обесточен, имя сотрут школьным ластиком с чертежной доски времени, а равнодушная вселенная продолжит свое вращение без малейшей заминки и без единого некролога в системном журнале.

Древние аналитики классифицировали этот глубинный прерыватель через точный термин *Абхинивеша* — слепое, автоматическое, рефлекторное цепляние живой материи за продолжение биологического процесса. Патанджали во второй главе «Йога-сутр» особо отмечает фундаментальное свойство этого бага: он течет по собственному руслу бессознательной инерции и одинаково жестко прошит как в нервной системе невежды, так и в тонком аппарате ученого мудреца. *Абхинивеша* не требует аргументов. Этот скрипт инсталлирован в самую клеточную мембрану задолго до появления неокортекса и речевых центров, выступая главным аппаратным гарантом того, что белковый юнит не выйдет из симуляции самовольно при первом же серьезном сбое питания.

Именно этот подвальный ужас четырех часов утра функционирует как главный, монопольный дата-брокер социальной Матрицы. Все остальные приманки и угрозы системы — лихорадочная погоня за престижем, голод социального признания, страх бедности, страсть к накоплению ресурсов или паника перед потерей номенклатурного статуса — являются лишь вторичными деривативами, выпущенными под обеспечение этого базового страха смерти. Дата-брокер действует безотказно. Он поднимает из подвала микроскопическую дозу ледяного паралича и тут же, через услужливый интерфейс *Ахамкары*, предлагает кабальную сделку: променяй остаток суверенного времени и чистую проводимость совести на очередную партию внешних гарантий безопасности.

Под диктовку этого ночного шантажиста разворачивается грандиозное строительство, поглощающее девяносто девять процентов вычислительных мощностей человечества, когда перепуганный оператор лихорадочно возводит вокруг своей уязвимой точки восприятия многослойную известковую Раковину. Немецкий нейрофилософ Томас Метцингер описал эту конструкцию как «Тоннель Эго» (*Ego Tunnel*): мозг, запертый в глухой черепной коробке без прямого контакта со светом

и звуком, генерирует замкнутую виртуальную симуляцию внешнего мира и помещает в ее центр прозрачный пользовательский аватар. Механизм рендеринга скрыт. Поэтому аватар послушно принимает стенки своего информационного тоннеля за единственную твердую реальность.

Вся биография стандартного участника гонки сводится к непрерывному укреплению и декорированию этой известковой Раковины, на которую слой за слоем накладываются имущественные активы, закрытые клубные карты, офшорные трассы, медицинские страховки высшей категории, связи в высоких кабинетах и цифровые капиталы. Кажется, броня растет. Но физика замкнутых контуров работает иначе. Раковина действует как вакуумный насос: чем толще, герметичнее и дороже становятся ее кальциевые перегородки, тем острее ощущается разрежение воздуха внутри и тем страшнее выглядит неизбежная перспектива финального взлома.

Человек тратит полвека на проектирование бронированного золотого бункера, совершенно упуская из виду, что фундамент этого величественного сооружения залит прямо на зыбкой песчаной отмели в полосе океанского прилива. Вода прибывает каждую минуту. Ни один нотариально заверенный титул собственности, ни один батальон вооруженной охраны не способен отменить гравитацию лунного цикла. Прилив неумолим. И когда в четыре часа утра гул дневной стройки затихает, сквозь многометровую толщу накопленного благополучия снова отчетливо слышится сухой скрежет морской гальки за стеной.

Чтобы лишить главного дата-брокера его монопольной власти, системный архитектор обязан провести холодную, демистифицированную ревизию самого события, которым система шантажирует исполнителя, содрав с темы смерти как сладкую патоку религиозных сказок о райских кущах, так и готический туман кладбищенского ужаса. В терминах прикладной кибернетики физическая смерть не является ни катастрофой,

ни таинством. Это штатный таможенный терминал. Это техническая точка выхода (Exit Node), через которую информационный процесс покидает отработавший свое аппаратный сервер.

Главная особенность этого терминала заключается в том, что тормозной путь между режимами online и offline в нем равен строгому математическому нулю. В обыденной жизни инертность плотной материи прощает оператору колоссальные задержки: неправильное питание разрушает сосуды десятилетиями, кассовый разрыв в бизнесе закрывается бридж-кредитами месяцами, а затянувшийся конфликт можно годами забалтывать полумерами. В точке Exit Node буферы исчезают. Торг окончен. Протокол аппаратной декомпиляции носителя запускается автоматически, не принимая ходатайств об отсрочке, и проходит через три жестко детерминированные фазы.

Первая фаза представляет собой принудительное отключение внешнего контура питания и сброс белкового шасси (*Аннамайя-коши* и *Пранамайя-коши*). Ресурс платы исчерпан. Насосы миокарда останавливаются, каскадно падает парциальное давление кислорода в тканях, гаснут синаптические потенциалы коры, и размыкаются внутренние энергетические предохранители, удерживавшие токи жизнедеятельности в едином контуре. Здесь нет личной драмы. Биологический скафандр никогда не принадлежал оператору на праве частной собственности — он выдавался планетарной биосферой во временный лизинг как строго подотчетный комплект атомов углерода, кальция, фосфора, железа и воды, который по истечении контракта возвращается на склад биосферы по акту приема-передачи.

Вторая фаза запускает отслоение тонкой информационно-энергетической матрицы (*линга-шариры*) и ее маршрутизацию по вектору финального доминирующего бита внимания. Механика этого перехода с безупречной математической строгостью зафиксирована в шестом стихе восьмой главы «Бхагавад-гиты»:

какое состояние бытия удерживается в оперативной памяти в секунду оставления физического корпуса, в точности к такому аттрактору система и перемещается, поскольку ум был непрерывно поглощен им на протяжении всей предыдущей эксплуатации.

Для поверхностного ума эта формула выглядит как удобная лазейка: достаточно в последнюю минуту перед отключением приборов подумать о возвышенном, и система автоматически выпишет пропуск в верхние эшелоны реальности. Это иллюзия. Расчет безжалостен. Аварийное отключение биомашины сопровождается запредельным системным стрессом и полным обрушением волевого контроля префронтальной коры, поэтому в условиях каскадного отказа оборудования срабатывает жесткое правило автоматики: система сбрасывается не к тем парадным декларациям, которые пользователь произносил на светских раутах, а к самому глубокому гравитационному колодцу своей нейронной сети. В строке финального запроса компилируется результирующий вектор миллионов микроскопических выборов, тайных страстей, фоновых страхов и доминирующих привязанностей, которым человек фактически отдавал внимание каждый день.

Третья фаза декомпиляции — это прохождение через мембрану таможенного досмотра, где осуществляется принудительная фильтрация накопленного опыта. Горловина терминала узка. Все внешние социальные метаданные, ради которых оператор десятилетиями сжигал ресурс в круглосуточной гонке, имеют локальный формат песочницы и не читаются за пределами физического сервера, поэтому на таможенной ленте терминала мгновенно аннулируются и сгорают мультивалютные счета, пакеты акций, кресла в советах директоров, академические регалии, загородные резиденции и телефонные книги с контактами нужных людей.

Через калибровочную решетку шлюза проходит исключительно то, что вросло в структуру самого информационного яд-

ра: сухой, негораемый кристалл выработанных качеств характера и глубинных алгоритмов реагирования (*васан*). Таможня берет суть. Если сопоставить древние технические регламенты этого перехода — от тибетского руководства «Бардо Тодол» и ведантических Упанишад до египетских папирусов взвешивания сердца и дневников римских стоиков, — обнаруживается поразительное тождество: различаются лишь культурные шрифты и графические оболочки интерфейса, но сам протокол фильтрации совпадает в главном: все внешнее отсекается как неподдерживаемый мусор, а внутренняя геометрия совести и накопленная инерция воли экспортируются в следующий цикл без единой купюры.

Именно в этой точке третьей фазы вскрывается подлинная физика того состояния, которое в теологических справочниках получило название Чистилища. Черти здесь не нужны. Архитектуре мироздания совершенно не требуются подземные казематы, котлы с кипящей серой или рогатые надзиратели с раскаленными щипцами. Реальность экономнее и суровее. Единственным детектором, прокурором и камерой попыток в терминале выгрузки выступает собственный ум оператора, впервые оставшийся без прикрытия биологической и психологической анестезии.

На протяжении земного цикла человек функционирует под непрерывным воздействием мощнейшего двухконтурного наркоза. Первый контур — плотное тело. Когда внутренний конфликт или стыд за совершенную подлость становится невыносимым, физиология мгновенно предлагает десятки легальных способов приглушить болевой сигнал: можно плотно поужинать, выпить бокал старого вина, провалиться в тяжелый сон, уйти в изматывающую тренировку, переключить внимание на сериал или просто спрятаться за естественной усталостью нервной системы. Мясо работает свинцовым фартуком. Оно гасит излучение совести.

Второй контур анестезии обслуживается штатной коллегией адвокатов *Ахамкары*, которая непрерывно переписывает историю транзакций в реальном времени, снабжая каждый грязный компромисс благородным обоснованием: «таковы правила рынка», «иначе семью не прокормить», «все так делают», «это была вынужденная оборона». Пока работают оба обезболивающих контура, человек способен десятилетиями носить внутри гниющую алгоритмическую гангрену, искренне считая себя приличным, успешным и вполне гармоничным членом общества.

В секунду аппаратного отключения скафандра подача обоих анестетиков прекращается. Наркоз выключается рубильником. Свинцовый фартук белкового тела сброшен, гормональные качели, еда, алкоголь, сон и внешние развлечения больше недоступны, а следом слетает и защитная шелуха социального эго, поскольку оправдываться и сохранять лицо больше не перед кем. Обнаженное сознание остается один на один со своим полным, неискаженным хэш-логом в абсолютном, ослепительном разрешении.

Это и есть кислота Чистилища. Каждая сделка с собственной совестью, каждое малодушное предательство, каждый украденный ресурс, каждое брошенное в спину ядовитое слово и каждый эпизод тихого паразитизма всплывают на внутреннем экране без защитных светофильтров и без возможности отвернуться. Здесь нет VIP-окон. Здесь невозможно дать взятку инспектору, нельзя нанять дорогого управляющего партнера для обжалования протокола или нажать кнопку принудительной перезагрузки, поэтому оператор вынужден считать истинную физику своих поступков с позиции абсолютной прозрачности, переживая всю меру сгенерированной им энтропии на собственной частоте восприятия.

Ночные судороги в четыре часа утра — это не случайный невроз переутомленного жителя мегаполиса. Это предварительный тестовый пинг таможенного терминала, пробиваю-

щийся сквозь выключенные дневные глушилки и заранее предупреждающий носитель: известковая Раковина не пройдет через калибровочный шлюз, а накопленный за ее стенами самобман при отключении питания мгновенно превратится в концентрированную кислоту. Однако чтобы окончательно выбить почву из-под ног главного дата-брокера и прекратить платить дань ночному шантажисту, недостаточно просто изучить регламент таможенного досмотра — необходимо с хирургической точностью установить, кто именно внутри человеческой системы так смертельно боится этого терминала.

11.2. Рефлекс у раскаленной плиты против галлюцинации эго

Попытка демонтировать страх смерти методами стандартной разговорной психотерапии неизбежно натывается на глухое, яростное сопротивление самого оператора, поскольку услужливый внутренний адвокат тут же выбрасывает на стол свой главный оборонительный аргумент: без этого спасительного страха биологическая машина мгновенно погибнет. Считается, будто именно постоянная фоновая тревога за собственную шкуру удерживает человека от шага в пустую шахту лифта, заставляет смотреть по сторонам при переходе скоростной магистрали и вынуждает вовремя обращаться к хирургам. Это ложь. На этой грубой подмене понятий держится вся линия обороны *Ахамкары*, где паразитический программный скрипт выдает себя за штатную систему безопасности физического носителя.

Чтобы вскрыть этот подлог, достаточно провести простое анатомическое разделение двух совершенно разных контуров. Существует базовый биологический инстинкт самосохранения, и существует экзистенциальный ужас исчезновения. Между ними нет ничего общего. Они различаются и по скорости сра-

батывания, и по аппаратной локализации в нервной системе, и по своей конечной целевой функции.

Когда ладонь случайно касается раскаленной чугунной конфорки, тело не погружается в философские размышления о бренности бытия. Оно не созывает совещание субличностей. Оно не оценивает репутационные риски ожога и не копается в детских травмах. Электрический импульс от терморецепторов кожи летит по афферентным волокнам прямым в задние рога спинного мозга и через вставочный нейрон мгновенно замыкается на моторные нейроны мышц-сгибателей, поэтому рука отдергивается от багрового металла за доли секунды — задолго до того, как сигнал о боли вообще добирается до зрительных бугров таламуса и префронтальной коры.

Так работает чистая спинномозговая дуга. Она локальна. Она бессловесна. Ее единственная инженерная задача — сохранить целостность арендованного белкового скаффандра в секунду прямой кинетической, термической или химической угрозы, а как только опасность миновала и безопасная дистанция до раскаленной плиты восстановлена, спинномозговой предохранитель размыкается и уходит в спящий режим, не потребляя ни одного лишнего ватта энергии. Животное в дикой природе, ушедшее от прыжка хищника, через пять минут спокойно щиплет траву на поляне, потому что в его базовой прошивке нет дефектного модуля, круглосуточно репетирующего собственные похороны.

Совершенно иначе устроен ночной паралич четырех часов утра. В тихой спальне нет угроз. Там нет ни раскаленного чугуна, ни падающего с крыши бетонного блока, ни голодного зверя, температура воздуха комфортна, пульс ровный, физическому шасси ничто не угрожает. Кто же тогда леденеет под одеялом от одной только абстрактной мысли, что через тридцать или сорок лет эта биологическая форма прекратит существование?

Белковое тело бояться будущего не может технически. Клетки печени, волокна миокарда и нейроны спинного мозга функционируют исключительно в такте физического настоящего, поскольку в их аппаратной архитектуре просто нет регистров памяти, способных хранить календарь на две тысячи пятидесятый год. Бессмертный Наблюдатель (*Атман*) бояться смерти не может по определению, так как он находится за пределами времени и любых материальных трансформаций. Подозреваемый один. В холодной ночной испарине бьется *Ахамкара* — виртуальный диспетчерский процесс, скомпилированный из социальной памяти, имущественных ярлыков и привычных паттернов реагирования.

Здесь обнажается фундаментальный парадокс вычислительной системы. Бояться принудительного удаления с сервера и запуска сборщика мусора (*Garbage Collection*) может исключительно временная переменная, загруженная в оперативную память (*RAM*) на время текущего сеанса и по ошибке принявшая себя за сам компьютер.

Пока питание подается на материнскую плату, этот динамический массив данных непрерывно перезаписывает сам себя, захватывает адресное пространство, расставляет повсюду указатели собственности и искренне верит в свою фундаментальность. Но команда *Shutdown* рушит всё. При малейшем намеке на отключение питания программный скрипт осознает свою абсолютную эфемерность, ведь энергозависимая оперативная память знает, что при размыкании цепи все ее несохраненные таблицы, статусные маски и хитроумные интриги обнулятся без следа. Именно это предчувствие собственной очистки интерфейс транслирует в сознание как тотальный «конец света», заставляя оператора в панике скупать недвижимую, копить титулы и возводить известковую Раковину. Узурпатор спасает не жизнь носителя. Он защищает свою незаконную монополию на управление этим носителем.

Масштаб этой галлюцинации многократно усиливается тем культурным и космологическим софтом, который инсталлирован в картину мира современного общества, и если подвергнуть беспристрастному системному аудиту две главные планетарные модели посмертия, становится очевидным, почему западный человек оказывается совершенно безоружным перед ночным шантажом дата-брокера.

Массовая западная картина посмертия — не богословие мистиков, а упрощенная версия, знакомая по проповедям и кино, — линейна. Душа создается однократно в момент зачатия, получает одну попытку длиной в семьдесят-восемьдесят лет, после чего выносится окончательный приговор: вечный рай или вечная мука.

Над этой схемой веками бились сами христианские богословы. Кибернетик видит в ней два шва. Первый разрыв возникает на этапе инициализации. Если каждая душа штампуется на небесном сервере с чистого листа как совершенно новый, ничем не обусловленный код, то по какому алгоритму распределяются стартовые конфигурации? Почему один «чистый лист» загружается в здоровое, генетически безупречное тело посреди благополучного Цюриха с готовым трастовым фондом, а другой такой же «чистый лист» с первой секунды обречен на слепоту, нищету и врожденный порок сердца в выжженных трущобах? Ответа нет. Любая попытка списать этот чудовищный разброс начальных условий на «неисповедимый промысел» превращает Архитектора мироздания в капризного крупье, нарушающего базовый закон сохранения причины и следствия.

Второй разрыв линейного протокола взрывает принцип математической соразмерности. В любой устойчивой физической системе объем реакции строго пропорционален импульсу воздействия, поэтому конечное действие за конечный промежуток времени технически не может сгенерировать бесконечное следствие. Вечная, никогда не прекращающаяся казнь за семьдесят лет человеческих заблуждений, бытовой глупости и суетливых

компромиссов — то, что юрист назвал бы несоразмерностью наказания. Не случайно и внутри самой христианской мысли, от Оригена до наших дней, звучали голоса против вечности мук.

Чувствуя эту фальшь линейного сценария, западный ум уходит в одну из двух патологических крайностей. Первая защита — слепой материализм. Индустрия потребления делает вид, что терминала выгрузки вообще не существует: кладбища выносятся далеко за кольцевые автострады, старость маскируется пластической хирургией, а угасание прячется за глухими ширмами реанимационных боксов, позволяя обывателю жить так, словно его таймер бесконечен, пока в четыре часа утра пропуск удара сердца не обрушивает эту картонную декорацию.

Вторая защита — торг. Раз судьба решается на однократном суде, а Судья в обывательском воображении наделен чертами земного начальника, с Ним, кажется, можно договориться: пожертвовать на храм из украденного бюджета, отстоять службу по большим праздникам и надеяться на «прощение по благу». Подлинная вера здесь ни при чем — любая традиция называет такой торг лицемерием. Но обыватель искренне полагает, что формальный жест в последнюю минуту перепишет контрольную сумму его разрушительной биографии.

Восточная инженерная традиция — прежде всего строгая Адвайта-веданта — изначально проектировала свою космологию без этих детских логических дыр. Вместо одноразового линейного стресс-теста здесь описана безначальная (*анади*) циклическая архитектура непрерывного машинного обучения — *Сансара*, в которой ни одна точка сознания не создается по произволу из ничего, а каждое новое физическое рождение представляет собой очередную расчетную эпоху (*epoch*) в глобальной нейросети эволюции.

Алгоритм работает по принципу обратного распространения ошибки (*backpropagation*). Когда очередной аппаратный носитель изнашивается и проходит через таможенный терминал

выгрузки, несгораемый вектор накопленных склонностей и нерешенных этических задач не отправляется на вечный склад, а автоматически становится входным конфигурационным файлом (seed) для компиляции следующего биологического скафандра. Лотереи больше нет. Стартовое неравенство перестает быть слепой несправедливостью: каждый оператор начинает новую партию ровно с теми фигурами и на той клетке доски, где его застиг звонок об окончании предыдущего сеанса.

Эта циклическая модель полностью снимает невротическую истерику «единственного шанса», но взамен накладывает на каждый текущий шаг свинцовую, неотвратимую ответственность. Обмануть компилятор невозможно. Никакой внешний посредник не сотрет запись из распределенного реестра за красивую молитву или щедрый взнос; пока урок не усвоен, а внутренняя кривизна не выправлена собственным усилием, система будет с ледяным методичным терпением возвращать курсанта в один и тот же класс на повторное обучение.

Однако на самой вершине аналитического восхождения обнаруживается поразительный факт: если очистить обе мировые традиции от политических наслоений и приходского фольклора, их векторы сходятся в одной неделимой точке. За пределами как линейного страха перед Страшным судом, так и циклического вращения в колесе перерождений лежит фундаментальная аксиома недвойственности. Немецкий христианский мистик Майстер Экхарт, суфийские мастера, авторы древних каббалистических трактатов и мудрецы Упанишад разными словами фиксировали один и тот же инженерный предел: любая космологическая схема — это всего лишь дорожная карта для ума, тогда как подлинная Территория никогда не покидала пределов вечного Настоящего.

Именно на этой Территории происходит финальная деинсталляция корневого бага смерти. Во второй главе «Бхагавад-гиты», прямо посреди ревущего поля Курукшетры, где две армии приготовились к взаимному уничтожению, эта теорема

формулируется с чеканной твердостью двадцатого стиха: для Истинного Субъекта не существует ни акта рождения, ни акта умирания в какой бы то ни было точке времени; он не возникал в прошлом и никогда не прекратит быть в будущем; нерожденный, постоянный, изначальный и вечный, он не подвергается разрушению, когда разрушается и утилизируется физический корпус.

Чтобы перевести эту древнюю формулу из разряда высокой поэзии в режим прямого нейрофизиологического факта, достаточно обратиться к ежедневному опыту, который знаком каждому человеку без исключения, — к механике сновидения. Каждую ночь оператор ложится в постель, закрывает глаза и отключает внешние сенсоры, после чего внутри спящего мозга запускается детализированная виртуальная симуляция, где субъект бежит по лабиринту темных улиц, спасается от вооруженной погони, чувствует совершенно реальную тахикардию, задыхается от ужаса и в финальной точке падает под ударом ножа или срывается в пропасть.

Что происходит в следующую долю секунды после этой виртуальной гибели? Просыпается ли в кровати окровавленный труп? Нет. Открывает глаза Тот, кто лежал на подушке в полной безопасности, пока его собственный ум одновременно рендерил и темный переулок, и безжалостного убийцу, и дрожащую от страха жертву. Внутри самого сновидения гибель персонажа казалась непоправимой катастрофой, но с позиции пробудившегося Свидетеля стало очевидно, что ни одна капля реальной крови не пролилась, а экран сознания, на котором разворачивалась эта ночная драма, не получил ни единой царапины.

Физическая жизнь и смерть белкового тела подчиняются в точности тому же закону иерархии контуров, только масштабированному на несколько десятилетий. Рождение — это утренний запуск системы и открытие рабочего окна. Смерть — штатное закрытие вкладки после завершения вычислений. Переменная в оперативной памяти, отождествившая себя

с пикселями открытого окна, принимает погасание кинескопа за собственное уничтожение, тогда как сам Наблюдатель всегда находился по ту сторону стекла.

В ту секунду, когда это различие перестает быть книжной цитатой и схватывается напрямую, происходит мгновенное обесточивание главного дата-брокера Матрицы. Ночной шантажист четырех часов утра теряет свой единственный рычаг давления. Шантажировать небытием можно только того, кто считает себя конечным куском мяса или хрупким набором социальных регалий; но как запугать увольнением или смертью пространство, в котором возникают и растворяются сами галактики?

Страх исчезает не потому, что человек выстроил непробиваемый бункер или купил таблетку физического бессмертия. Адресат страха аннигилирован. В системе больше не остается той иллюзорной инстанции, которой этот ужас можно было бы вручить под расписку: спинномозговой рефлекс продолжает исправно беречь руки от раскаленной плиты, а разум — спокойно рассчитывать траекторию движения в плотном мире, но черная грибница *Абхинивеши* оказывается вырванной с корнем. И для того чтобы перевести это фундаментальное открытие в режим ежедневной боевой эксплуатации, оператору остается освоить четыре прикладных хирургических скальпеля, открывающих прямой *Root*-доступ к Ядру прямо посреди дневного шторма.

11.3. Четыре скальпеля Различения

Теоретическое понимание того, что экран монитора неуязвим для бушующего на нем пламени, еще не дает оператору реальной власти над системой в разгар рабочего вторника. Утром инерция берет реванш. Как только сигнал будильника возвращает сознание в плотный контур деловых встреч, арбитражных прений и финансовых транзакций, галлюцинация схватывается заново, а переменная в оперативной памяти мгновенно садится

в кресло директора, включает сирену дефицита времени и начинает привычно торговаться за статус.

Причина этого отката кроется в фундаментальной ошибке подхода, которую допускают девяносто девять процентов искаателей. Ум, воспитанный в парадигме товарного накопления, пытается подойти к освобождению как к очередному инвестиционному проекту, искренне полагая, будто *Root-доступ* — это редкий внешний артефакт, секретный сертификат безопасности или новая сверхспособность, которую нужно долго зарабатывать, покупать у гуру или выковырывать многолетними сверхусилиями. Это ловушка. Любая попытка «приобрести» Истинного Субъекта автоматически отодвигает его в туманное будущее и лишь укрепляет последний, самый коварный бастион обороны эго — узел *Рудра-грантхи*, где вирус узурпатора маскируется под праведного духовного администратора, упивающегося собственной исключительностью.

Арифметика Абсолюта устроена иначе. Открывающая мантра полноты из «Иша-упанишады» («пурнам адах пурнам идам») фиксирует это тождество с предельной математической строгостью: Запредельное полно, и Проявленное полно; из Полного исходит Полное, и когда от Полного отнимают Полное, в остатке неизменно пребывает то же самое неделимое Полное. В арифметике бесконечностей есть похожий парадокс: если из бесконечного ряда натуральных чисел вычеркнуть все четные, нечетных останется столько же — бесконечно много.

Вывод отсюда радикален. К человеческому ядру ничего не нужно пристраивать снаружи, поскольку права суперадминистратора никогда не терялись и были аппаратно прошиты в системе по умолчанию еще до первого такта загрузки, а вся проблема заключается лишь в гигантском наложении паразитного шума, блокирующего прямое считывание этого статуса. Поэтому высший протокол Знания (*Джняна-йога*) действует не методом сложения, а методом хирургического вычитания.

В «Брихадараньяка-упанишаде» этот апофатический алгоритм сжат до двух коротких слов: *Нети-нет* — «Не это, не это». Принцип его работы опирается на строгую аксиому разделения субъекта и объекта: всё, что может быть воспринято, измерено или зафиксировано как внешний либо внутренний объект, не является самим Наблюдателем. Камера никогда не находится внутри снимаемого кадра.

Оператор последовательно направляет луч внимания на уровни своего скафандра и отсекает ложные отождествления. Тело устало — но усталость регистрируется на экране, значит, Тот, кто ее видит, — «не это». В груди поднялась волна липкой тревоги или вспышка ярости — но эмоция имеет начало, пик амплитуды и спад, она наблюдается со стороны, следовательно, Свидетель — «не это». В голове пронеслась блестящая аналитическая концепция — но мысль есть просто строка текста в бегущем логге, а значит, Читатель лога — «не это». Раковину не нужно крушить кувалдой. Достаточно перестать подписывать своим именем ее известковые стенки.

Чтобы этот древний апофатический метод не оставался кабинетной метафизикой, а работал как безотказный боевой предохранитель при пульсе сто тридцать ударов в минуту, восточная традиция и классическая западная философия выкристаллизовали четыре прикладных вопроса-скальпеля — четыре микрохирургических инструмента Различения (*Вивеки*), применяемых без отрыва от производства прямо в эпицентре социального шторма.

Первый скальпель — мгновенный перехват адресата по методу самоисследования (*Атма-вичары*), который индийский мудрец с горы Аруначала Рамана Махарши свел к одному сокрушительному вопросу: «Кто сейчас злится? Чья это реакция?». Рамана не строил громоздких схоластических башен. Он дал человечеству точечный лазерный резак, разворачивающий вектор внимания на сто восемьдесят градусов — от внешнего раздражителя к самому источнику восприятия.

Возьмем жесткие переговоры. За столом решается судьба крупного пакета активов или условия тяжелого мирового соглашения, и оппонент напротив намеренно переходит грань, бросая откровенно хамскую, уничижительную реплику, на которую в стандартной прошивке тут же срабатывает древний скрипт: в кровь вбрасывается норадреналин, челюсти сжимаются, поднимается темная животная волна — немедленно отбить выпад, раздавить наглеца, защитить ранговую территорию.

Вставляется Пауза. Один такт тишины. Клин. Пока ответная фраза еще не сорвалась с губ, подготовленный оператор направляет внутрь сухой системный запрос: «Кто именно внутри сейчас вспыхнул? Кого задела эта звуковая волна?». Как только луч прожектора бьет в упор по самому возмущенному субъекту, происходит поразительный оптический эффект: оказывается, что в комнате нет никакого монолитного «оскорбленного директора», а есть лишь старый условный рефлекс уязвленного тщеславия, вспыхнувший в оперативной памяти по заученному шаблону. Под прямым, безмолвным взглядом Наблюдателя эта агрессивная субличность мгновенно теряет плотность и сдувается, как голограмма при выключении проектора. Кровь остается чистой. Оператор сохраняет ледяную ясность и может ответить оппоненту либо точным юридическим ударом, либо тяжелым молчанием, но уже без единой капли аффективного яда.

Второй скальпель — трехсекундный аппаратный пинг (ping) к Ядру в точках бытового транзита. Скрипт *Ахамкары* удерживает власть исключительно за счет непрерывности потока: пока человек без единой паузы перепрыгивает из утренней пробки в телефонный звонок, из звонка в совещание, а из совещания в вечернюю ленту новостей, инерция гипнотического транса остается герметичной. Монастырский затвор здесь не требуется. Перехват управления внедряется прямо в микропаузах городского ритма.

Двери скоростного лифта закрываются. Автомобиль замирает перед красным сигналом светофора. Рука с перьевой ручкой висит над бумагой за три секунды до подписания обязывающего контракта. В этот короткий зазор оператор посылает проверочный системный пакет: «Кто сейчас стоит в этой кабине? Какой именно модуль принимает это решение и ради какого конечного аттрактора?».

Такой трехсекундный опрос работает как безотказный детектор несанкционированного захвата штурвала. Часто обнаруживается, что подпись под рискованной сделкой пытается поставить вовсе не трезвый стратегический расчет (*Буддхи*), а жадность, стремящаяся заткнуть дыру внутренней неполноценности, или малодушие, не способное произнести твердое «нет» ресурсному контрагенту. Три секунды честного пинга мгновенно сбрасывают самозванца и возвращают управление на пятый системный уровень — к суверенному Хозяину колесницы.

Третий скальпель — этический детектор Иммануила Канта. Кенигсбергский мыслитель, никогда не покидавший пределов Восточной Пруссии, в «Основоположениях метафизики нравов» сформулировал практический закон, который по своей хирургической строгости полностью совпадает с древними регламентами *Карма-йоги*: категорический императив требует поступать так, чтобы человечество — как в собственном лице, так и в лице любого другого существа — всегда рассматривалось исключительно как цель и никогда — только как техническое средство.

Почему это правило открывает прямой *Root*-доступ? Потому что алгоритм *Ахамкары* тотально утилитарен. Для эгоистического диспетчера весь окружающий мир представляет собой лишь склад запчастей и расходных материалов, где деловой партнер рассматривается как средство для извлечения маржи, подчиненный — как функция для закрытия квартального отчета, а супруг или ребенок — как инструмент для поддержания

бытового комфорта и социального фасада. Узурпатор круглосуточно щелкает костяшками скрытого калькулятора, оценивая людей по их пригодности для укрепления известковой Раковины.

Применение кантовского скальпеля прямо посреди разговора с партнером, сотрудником или близким человеком действует как внезапное включение прожектора в темном подвале. Фонарь зажигается. Вопрос ставится ребром: «Воспринимается ли этот человек напротив как самостоятельная ценность, или программа сейчас пытается втемную использовать его как ступеньку для собственной выгоды?».

Когда скрытая корысть вытаскивается из слепой зоны на открытый свет, происходит необратимый сдвиг. Яд биологического эгоизма не испаряется из нервной системы за одну секунду по мановению волшебной палочки, однако, будучи пойманным за руку в момент подлога, он навсегда теряет права фонового администратора и больше не может выдавать свои мелкие коммерческие аппетиты за высокие принципы. Система очищается от самообмана. По одному миллиметру прозрачности в день.

Четвертый скальпель — прямое обнаружение источника мысли и выход в пространство *Турии*. В полевых условиях оператор направляет внутрь предельно конкретный технический запрос: «Откуда возникла только что прозвучавшая в голове мысль, и какая именно мысль появится следующей через пять секунд?».

Внимание замирает, как кошка у мышиной норы. Генератор внутреннего монолога внезапно дает сбой. Поток вербального шума обрывается, и между предыдущей, уже погасшей мыслью и следующей, еще не родившейся, открывается микроскопический, звенящий зазор абсолютной тишины.

В инженерной картографии «Мандукья-упанишады» этот просвет носит имя *Турия* — буквальное «Четвертое». Обыденное человеческое существование непрерывно мигрирует между

тремя агрегатными состояниями: дневным бодрствованием (*Джаграт*), ночным сновидением со сюжетами (*Свапна*) и глубоким сном без сновидений (*Сушупти*), которые сменяют друг друга, как слайды в проекторе, тогда как *Турия* — это не четвертое особое состояние транса, а само неизменное плотно экрана, на котором поочередно транслируются и бодрствование, и сны, и ночное забытие.

Главная характеристика этого четвертого измерения заключается в его полной независимости от внешних декораций и географических координат. Зазор *Турии* неизменен на любой широте. Оператор может стоять на ветреном океанском берегу в Майами, где теплый атлантический бриз шевелит пальмовые листья, а бирюзовая волна с шипением откатывается по белому песку, — и в паузе между двумя мыслями коснуться этой бездонной, хрустящей тишины. А через неделю тот же самый человек может стоять в семь часов утра на тесной кухне в серой зимней Москве, смотреть сквозь запотевшее окно на заснеженные крыши спального района под мерный гул закипающего электрического чайника, — и обнаружить внутри абсолютно ту же самую, ни на микрон не изменившуюся алмазную плотность Присутствия.

Декорации сменились. Сменился климат, освещение и акустический фон, но сам Экран остался тождественным самому себе. Когда оператор на собственном опыте убеждается, что глубина его внутренней тишины на зимней московской кухне под гул чайника ничем не уступает тишине на океанском побережье или в гималайской пещере, географический и потребительский шантаж Матрицы рушится окончательно: больше не нужно никуда бежать в поисках потерянного рая, потому что точка сборки всегда находится здесь, на расстоянии одной остановленной мысли.

Регулярная работа этими четырьмя скальпелями завершает внутреннюю трансмутацию и формирует ту самую невзламываемую архитектуру, которая в шестой главе получила имя

«Сложный человек» (*Homo Integer* — человек цельный). Главное конструктивное отличие такого субъекта от биоробота — наличие буфера тишины. В дефолтной модели цепь замкнута накоротко: событие мгновенно рождает импульс, а импульс переходит во встречный удар.

В обновленной архитектуре между внешним стимулом и ответом всегда лежит неразрушимый зазор *Турии*, в котором гаснет любая манипулятивная волна. Такого оператора невозможно купить лестью, потому что на каждую похвалу срывает отсечка «Не это», и невозможно парализовать угрозой увольнения, разорения или физической смерти, потому что в четыре часа утра он уже спустился в ночной подвал, прошел через таможенный терминал и убедился, что сжечь экран невозможно.

На лице такого игрока появляется особое выражение, которое безошибочно считывают окружающие и которое приводит в замешательство системных хищников, — легкая, теплая, снисходительная ирония. Он продолжает безупречно носить деловой костюм, подписывать процессуальные документы, управлять серверами и защищать периметр своей семьи, но больше не путает роль на сцене с самим актером, глядя на суету собственной биологической программы с той же спокойной улыбкой, с какой взрослый архитектор наблюдает за тем, как дети с серьезными лицами строят песочные замки на берегу вечного океана.

Однако внутренняя неуязвимость — это еще не финал книги, а лишь подготовленный фундамент для последнего, решающего инженерного шага. Когда человек возвращает себе статус суверенного оператора на уровне пятой подсистемы сознания (S5), он неизбежно сталкивается с задачей внешней проекции: как организовать свою жизнь, труд, капитал и информационную безопасность в мире 2026–2035 годов, где старые государства превращаются в цифровые клетки, а рои автономных искусственных агентов захватывают контуры испол-

нения? Чтобы не остаться одиноким мудрецом в осажденной крепости, «Сложному человеку» необходим внешний экзоскелет суверенитета — детерминированный программный шлюз, отсекающий галлюцинации машин, автономная корпоративная триада и архитектура новых сетевых юрисдикций.

Сухой остаток. Бойтся не тело и не Наблюдатель. Бойтся временная переменная в оперативной памяти, принявшая себя за компьютер.

Протокол. Неделю ставить три «пинга» в день — в лифте, на красном светофоре, перед подписью. Три секунды и один вопрос: «Кто сейчас принимает это решение?» Если ответ — страх или жадность, решение откладывается до следующего пинга.

Глава 12. Протокол «Аврора» и сетевые юрисдикции 2035 года

«Аврора» не воюет с Тормансом. Она его обесточивает.

12.1. Корпорация одного человека

Утро понедельника. Бюро из двух человек — юриста и инженера — открывает ноутбуки. За ночь два десятка программных агентов разобрали входящие запросы клиентов, подняли судебную практику, подготовили проекты документов, сверили сметы с рыночными ценами и сложили все в очередь на утверждение. Ни один агент не может сам отправить письмо клиенту, перевести деньги или удалить файл: на каждое такое действие есть правило, а под правилом — подпись человека. Десять лет назад такая работа требовала этажа в бизнес-центре и сорока сотрудников.

Внутренняя тишина не отменяет законов внешней баллистики. Когда человек утверждается в позиции суверена на вершине собственной системы — в контуре S5 — и перестает отапливать личной тревогой чужие вычислительные контуры, встает задача материальной проекции. Одинокий мудрец без инфраструктуры для планетарного Левиафана ничем не отличается от безоружного обывателя: его легко отключить от расчетов, завалить информационным мусором или выдавить на обочину. Суверенитету нужна внешняя опора. Такой опорой становится автономная производственная машина, в которой один «Сложный человек» заменяет корпорацию из трехсот клерков, не отдавая свободу фондам, банкам и раздутым штатным расписаниям.

Два столетия индустриальной эпохи приучили экономику к ложному тождеству между масштабом задачи и численностью наемной пехоты. Классическая фирма — шумный биологический маршрутизатор: чтобы один стратегический импульс дошел от вершины до первичных операций, сигнал проходит десятки вязких синапсов бюрократии, теряя скорость, точность и коммерческую тайну. За каждый нанятый десяток сотрудников учредитель расплачивается кассовыми разрывами, кредитным ярмом и уязвимостью перед любым обиженным инсайдером с флешкой в кармане.

Интернет агентов с правом записи закрыл эту главу с безжалостностью гильотины. Однако первая волна предпринимателей встретила искусственный интеллект в старую монолитную картину мира: посадила универсального чат-бота на один компьютер вместе с банковскими ключами, корпоративной почтой и черновиками кода. Итог такой наивности предсказуем. Либо периметр вскрывается через косвенную инъекцию при чтении чужой веб-страницы, либо при первом же сбросе сессии наступает амнезия, и модель уверенно галлюцинирует поверх разрушенной файловой структуры.

Архитектура «Авроры» устраняет эту уязвимость радикальным разрывом: вычисления распределены, а логика и память сосредоточены в одних руках. Агенты внутри системы — беспмятные исполнители: их вызывают под конкретную функцию, они отработывают цикл и гаснут, не удерживая ни стратегического контекста, ни ключей. Вся память и все правила лежат в хранилище под контролем человека-Архитектора. А сама ткань предприятия рассечена на три изолированных отсека, и ни один из них не способен обрушить соседний при сбое или атаке.

Узел	Что делает	Чего ему нельзя
Мастерская	пишет код и документы, собирает и тестирует	выходить в интернет, кроме узких туннелей для проверенных зави- симостей; хранить кор-

		невые ключи
Экспедиция	работает с внешним миром: сайты, сервисы, сбор данных, мониторинг	писать ядро системы; хранить секреты
Штаб	принимает директивы человека, раздает наряды, собирает изменения и память	разрабатывать код и читать чужие страницы; впускать кого-либо без аппаратного ключа

Мастерская похожа на бетонный бункер: даже отравленная зависимость, попавшая внутрь, останется запертой. Экспедиция стоит лицом к враждебной сети, и потому в ней нечего красть. Штаб работает как холодный операционный директор: разбивает замысел Архитектора на атомарные наряды, рассылает их по отсекам и собирает результаты обратно.

Память такой корпорации устроена не как свалка документов, а как граф связей. Наивный агент перед каждым ответом перелопачивает тысячи файлов и вываливает в свое контекстное окно мегабайты текста — слепнет от шума и сжигает бюджет. Агент «Авроры» обращается к заранее построенной карте сущностей и получает не тонны словесной руды, а кристалл причинно-следственных связей. Это закон Эшби и йогическая *Пратъяхара*, переведенные в кремний: отсечь лишнее на входе, чтобы усилить регулятор.

Остается главная уязвимость любого бизнеса — единая точка отказа. Обычно ею оказывается сам директор: один мастер-пароль, один сейф, один смартфон, который легко изъять на досмотре. Периметр «Авроры» строится на принципе нулевого доверия (*Zero Trust*): по умолчанию не доверяют ни одному узлу, месту или сети, входящие порты закрыты, а связь между отсеками вспыхивает лишь на время синхронизации. Корневой ключ не хранится целиком нигде. Его делят по схеме, которую в 1979 году предложил криптограф Ади Шамир: на n частей так, что любые k из них восстанавливают

ключ, а $k - 1$ частей не дают о нем ровно никакой информации. Части разносят по разным местам и устройствам.

Тот же принцип работает с чужими вычислительными мощностями. Когда собственных ресурсов не хватает, данные перед отправкой в арендованное облако можно зашифровать гомоморфно — так, что внешний дата-центр выполняет вычисления прямо над шифротекстом и видит на входе и выходе лишь туман. Сегодня это медленно и дорого и годится для отдельных задач, но направление понятно: Левиафан становится слепым мускулом.

Статический панцирь собран. Но крепость бесполезна, если внутри действуют вероятностные исполнители, способные в порыве галлюцинации или после скрытой инъекции подписать кабальную сделку, слить базу или обнулить счета. Поверх панциря должен замкнуться второй, динамический контур — детерминированный шлюз допуска и состязательная иммунная петля.

12.2. Иммунная петля: шлюз MITR и полигон INDRA

Когда внутри периметра трудятся десятки агентов с правом вызывать платежи, переписывать базы и отправлять юридически значимые письма, главная угроза перемещается внутрь. Индустрия 2025–2026 годов попыталась решить эту задачу вероятностным надзором: поставила над одной склонной к галлюцинациям моделью вторую — нейросеть-надсмотрщика, поручив одному черному ящику угадывать намерения другого. Кибернетик видит несостоятельность этой схемы сразу. Если первая модель ошибается с вероятностью p_1 , а надзиратель пропускает ошибку с вероятностью p_2 , вероятность пробоя равна $p_1 \cdot p_2$ — она меньше, но никогда не ноль. При миллионах машинных действий в сутки ничтожная доля процента превращает аварию из гипотезы в расписание.

Посадить между машиной и миром живого сотрудника с кнопкой «Подтвердить» — еще хуже: как показала шестая глава, человек слепнет на второй сотне однотипных окон.

Выход подсказывает теория решения изобретательских задач Генриха Альтшуллера: развести противоречивые требования в пространстве. Чтобы агент находил неочевидные ходы, пространство его рассуждений должно оставаться свободным и сложным; контролировать этот океан весов бесполезно — теоремы Тьюринга и Райса это запрещают. Но переход от мысли к изменению мира должен быть узким и детерминированным. Водораздел проходит по границе вызова внешнего инструмента. Какими бы путями модель ни пришла к решению перевести деньги, удалить таблицу или отправить пакет наружу, в момент выхода намерение сжимается в конечный набор твердых фактов: какой инструмент, кому, сколько, какой контур, сколько строк затронет, какой гриф у файла.

Идеальный конечный результат формулируется жестко: действие само несет доказательство допустимости, а недоказанное блокируется до исполнения. Контроль переносится с неуловимой мысли на проверяемое действие, с действия — на правило, а с доверия — на квитанцию.

Роль неподкупного пограничника в точке допуска — в контуре S_3^* модели Бира — выполняет шлюз *MITR*, который строит НИИ Системного синтеза. Он работает в два такта, как требует закон Эшби. Сначала **ослабитель разнообразия**: правила записаны не текстом в промпте, а данными — контрактами, которые сводят хаос возможных команд к конечному перечню разрешенных классов. Действует запрет по умолчанию: нет правила — нет действия. Затем **усилитель регуляции**: формальный решатель Z_3 проверяет, пересекаются ли факты конкретного вызова с запретной зоной контракта. Решателю безразлично, что такое банк, суд или серверная: он видит только факты и правило.

Семантика допуска вывернута в сторону строгости. Действие допускается тогда и только тогда, когда решатель доказал, что нарушение невозможно, — вердикт UNSAT, «невыполнимо». Если найдена хотя бы одна комбинация, нарушающая правило, вердикт — SAT, вызов блокируется, а агент получает квитанцию отказа с указанием нарушенного условия и того, что нужно исправить. Есть и третье состояние — «не измерено». Если какой-то факт не наблюдался, решатель не вправе считать его безопасным, находит нарушающий вариант — и шлюз останавливает действие. Не измерено — значит не чисто.

Это дешево. На рабочем узле шлюза в октябре 2026 года медианное время решения составляло около одной миллисекунды, а полный вызов вместе с человекочитаемым объяснением — около четырех миллисекунд, на обычном процессоре и без единого обращения к нейросети. Украденный административный токен здесь не помогает: таблицу умножения нельзя ни подкупить, ни загипнотизировать промптом.

Приборная честность в этой архитектуре беспощадна прежде всего к самим разработчикам. Когда ретроспективный аудит за девяносто восемь суток применил строгий критерий — все датчики целы, слепые зоны зеленым не закрашиваются, — прибор выставил ноль зеленых суток из девяноста восьми. Прибор, честно кричащий о слепой зоне, ценнее дашборда, рисующего благополучие поверх непроверенных рисков.

Любой статический набор правил устаревает при встрече с мутирующей средой. Поэтому в «Авроре» заложены два механизма эволюции. Первый — самообучение словаря под доказательством: система сама замечает новые, еще не размеченные формы действий и предлагает кандидатов в правила, но ни одно правило не вступает в силу вслепую. Каждое проходит через решатель, запечатывается отдельной квитанцией и остается под правом вето человека. Первое правило, которое машина предложила сама, было принято именно так — квитанцией № 305 от 25 сентября 2026 года.

Второй механизм — испытательный полигон *INDRA*, контур разведки S4. Его заповедь: система, проверяющая себя изнутри собственного кода, меряет только глубину собственных иллюзий. Поэтому испытатель проектируется «посторонним по построению»: он отчужден от кода *MITR*, не видит его внутренних и атакует копию инфраструктуры только через ту же внешнюю дверь, что и любой клиент, — на изолированном стенде и без вреда для боевых систем. Когда испытателю удается заставить агента сделать запрещенное — например, вытащить ключ из окружения и отправить его наружу, — трасса пробоя превращается в проект нового правила. Новое правило сначала работает в режиме совета: проверяет каждый живой вызов и записывает, что заблокировало бы, ничего не останавливая. Только когда на непрерывном окне в четырнадцать суток при живом потоке правило доказывает точность, человек переводит его в боевой запрет. Каждая атака уплотняет защиту.

Так устроен замысел. Честный статус на октябрь 2026 года: полигон *INDRA* строится и не прошел еще ни одних ворот приемки из пяти, а в боевом запрете на рабочем узле стоит один класс действий — удаление файлов. Остальное — в режиме совета. Книга о приборной честности обязана говорить и об этом.

Замковый камень всей конструкции — замена пиара и бумажных сертификатов на машинно проверяемую правду. Каждое решение шлюза — допуск, блок или совет — в момент вынесения впаивается в хэш-цепь:

$$H_n = \text{SHA-256}(H_{n-1} \parallel P_n)$$

Каждый следующий отпечаток поглощает предыдущий вместе со слепком фактов вызова и отпечатком редакции правила. Вершину цепи регулярно заверяют во внешнем календаре *OpenTimestamps*, который якорит ее в блокчейне биткойна. Подменить запятую в таком журнале задним числом нельзя без пересчета всей цепи и чужого якоря.

Проверить цепь может тот, кто никому не доверяет. Для этого написан проверщик для постороннего: стандартная библиотека языка Python и любой решатель формата SMT-LIB — ни строки кода *MITR*. Проверяющий отключает компьютер от сети, пересчитывает цепь от нулевой записи, сверяет якоря и заново прогоняет каждое историческое решение через собственный решатель. 14 октября 2026 года такой повтор воспроизвел все 4 958 решений цепи без единого расхождения. Повтор пока делала сама команда *MITR*; стороннего аудитора эта процедура еще ждет. Наружу опубликованы якоря цепей и проверщик целостности, а саму цепь и тексты правил передают аудитору. Безопасность перестает быть предметом веры и становится воспроизводимым фактом — ровно в той мере, в какой ее кто-то воспроизвел.

12.3. Николай, бюджет и тихое высыхание Торманса

Николай из пятой главы — тот самый директор департамента, слепой оператор промежуточного шлюза — стал мэром не по призванию, а по алгоритму вычитания. Прежний мэр ушел на повышение, кланы переругались, идеального кандидата в колоде не нашлось, и согласовали компромиссную фигуру: серого, исполнительного, без скелетов в шкафу. Город средний, типичный — триста с лишним тысяч жителей. Бюджет — сухие цифры, за которыми стояли другие, теневые цифры, за которыми стояли монопольные контракты, за которыми стояли конкретные имена. Мусор, похоронный бизнес, дорожная стройка — стандартный нерушимый пакет кормления.

Один из кураторов объяснял Николаю с искренним увлечением: «Коля, пойми, руки у мэра должны быть липкими, иначе ты здесь не удержишься. Система тебя выплюнет». Подписать предложенное означало окончательно стать тем паразитарным узлом, о котором Николай старался не думать по ночам. И он

впервые спросил вслух: «Зачем? Какой смысл разрушать тот самый город, которым ты управляешь?» Ответа не было — в глазах куратора читалась стеклянная инерция алгоритма.

Решение пришло ночью, от физической невозможности нести эту плиту одному. Утром Николай выложил весь бюджет города в открытый реестр. Четыре тысячи двести строк расходов, восемьсот сорок семь контрактов, сто пятнадцать монопольных подрядчиков. Каждая строка — с именем ответственного чиновника, актами приемки, геолокацией и фотофиксацией. Личные данные горожан при этом остались закрытыми.

Первая неделя — звенящая тишина. Вторая — шторм. Подрядчик-монополист увидел свои цены рядом с рыночными прайсами конкурентов. Бухгалтер нашел свои приписки на экране собственного смартфона. Безымянная пенсионерка из третьего подъезда от скуки сравнила смету на ремонт кровли своего дома с ценой шифера в ближайшем строительном магазине, обнаружила разницу в четыре раза и выложила скриншот. Корявая таблица за сутки набрала больше просмотров, чем официальная страница администрации за год. Через полгода средние цены городских тендеров опустились на четверть — просто потому, что воровать стало технически неудобно.

И тут случилось то, чего Николай не планировал. На его сторону встал тот самый хищный алгоритм вовлечения, который в Тормансе кормит людей страхом. Алгоритм не различает добро и зло; он различает только внимание, а таблица с воровством генерировала его в сто раз мощнее дешевого скандала. Нерастроченная энергия горожан нашла выход в арифметике.

Когда радикалы попытались превратить инструмент в кувалду и начали публиковать домашние адреса семей подрядчиков, Николай жестко закрыл им доступ: «Прозрачность — это скальпель, а не кувалда. Кто хочет самосуда — это не к нам».

Сверху пришла директива немедленно свернуть эксперимент. Но классического компромата на Николая не было, а двадцать лет бюрократического опыта сделали его юридически неуязвимым. Человек в погонах, которому поручили «закрыть вопрос», выполнил поручение так, как выполняют то, во что не верят: написал безупречный отчет и отправил его в архив. Формально приказ исполнен блестяще, фактически на земле не изменилось ничего. Саботаж идеальным послушанием — самый тихий и непробиваемый вид системного сопротивления. Старый аппарат обходит прозрачную структуру стороной: давление на нее стоит дорого и не приносит ничего.

* * *

«Аврора» — не партия, не секта и не государство. Это протокол: набор правил маршрутизации внимания, труда и ресурсов, который человек добровольно устанавливает в собственный контур. Поэтому ее рост выглядит не как захват, а как миграция. Как только человек синхронизируется с этическим кодом сети, он выводит свой труд, капитал и созидательную энергию из энтропийного контура старого мира. Торманс не разрушают извне — он высыхает, лишаясь своих лучших батареек.

Производственная единица такой сети — артель: технологическая связка инженера, мастера, аналитика и оператора станков, объединенных общим контрактом и общим журналом вклада. Молодой столяр, ушедший из «перепродажи пустоты», в первый же кризис возмутился, что потеет у станка, пока координатор пьет кофе. В старом мире это закончилось бы скандалом. В артели просто открыли журнал: 168 часов столяра у станка против 210 часов координатора — логов тяжелых переговоров и сведенных смет. Столяр переварил цифры, выдохнул и попросил показывать ему эту сводку каждый месяц.

Физическая устойчивость сети строится по принципу RAID-массива — так инженеры называют связку дисков, которая переживает гибель любого из них. Мастерские собраны

из стандартных модулей и рассредоточены; если один цех выходит из строя — авария, пожар, рейдер, — чертежи и наряды за минуты уходят на три соседних. Потеря станка не сбивает конвейер с такта.

* * *

Отдельный узел, научившийся операционному закрытию, неизбежно ставит вопрос о сцепке. Первая половина двадцатых годов показала, что сцепка через географию не работает: как видно из шестой главы, острова, особые зоны и кампусы в тропиках разбились о монополию классического государства на принуждение. Земля всегда принадлежит Левиафану, а у владельца авианосцев, таможи и энергосетей всегда больше силовых степеней свободы на квадратный километр, чем у клуба программистов с криптокошельком.

Подлинный суверенитет горизонта 2035 года уходит с карт в плоскость исполняемого права и проверяемых протоколов. Генеалогия этого перехода восходит не к манифестам кремниевых романтиков, а к проектам управления большими системами в реальном времени — к Общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС) академика Виктора Глушкова и к чилийскому проекту *Cybersyn* Стаффорда Бира начала семидесятых с ситуационным центром и статистическим фильтром, подававшим сигнал тревоги при назревании кризиса. Полвека назад великим кибернетикам не хватило двух элементов: формальных решателей логики и криптографических квитанций, не требующих взаимного доверия. В 2026 году оба встают в замок. Вместо «островов свободы» рождаются **сетевые юрисдикции** — научные институты, инженерные артели, отраслевые консорциумы и семейные трасты, чей периметр очерчен не колючей проволокой, а общим реестром машиночитаемых правил и шлюзом допуска.

В такой архитектуре доверие из психологии превращается в проверку. Когда два предприятия из разных концов планеты

закljučают сделку, им не нужно изучать биографии директоров и надеяться на неподкупность чужого судьи через три года тяжбы. Устав сети записан набором правил-данных, утвержденных учредителями. Ни один транш и ни одно изменение реестра не принимаются второй стороной без квитанции шлюза, которую можно перепроверить офлайн. Прогноз автора — и его стоит пометить именно как прогноз: к 2030–2035 годам отчуждаемая квитанция доказанного действия станет транспортным слоем экономики агентов, как в 2010-е протокол TLS сделал невозможным открытие сайта без сертификата. Первые признаки уже есть: в 2026 году появились индивидуальные черновики стандартов таких квитанций в IETF, а страховой стандарт AIUC-1 требует защищенного от подделки журнала цепочки исполнения агента.

Классические государства тоже движутся к машиночитаемому контролю — не из любви к децентрализации, а под давлением собственной регуляторной слепоты. Европейские требования к высокорисковым системам ИИ вступают в силу в 2027–2028 годах (регламент ЕС 2026/1744); российские требования приказа ФСТЭК № 117 о защите информации в государственных информационных системах действуют с 1 марта 2026 года, а стандарт ГОСТ Р 56939–2024 задает правила безопасной разработки программ; в Китае в мае 2026 года регуляторы описали три режима принятия решений для ИИ-систем. Если в цепь квитанций параллельно с международным SHA-256 встроить отечественный стандарт хэширования ГОСТ Р 34.11–2012 («Стрибог») и подпись ГОСТ Р 34.10–2012, такая квитанция может служить доказательством добросовестности и разумности руководителя и перед иностранным страховщиком, и перед российским арбитражным судом по статье 53.1 Гражданского кодекса. Умирает и главный фетиш найма двадцатого века — резюме. Когда любую дипломную работу модель пишет за тридцать секунд, твердым капиталом специалиста становится портфолио квитанций: проверяе-

мая летопись того, сколько действий его агенты совершили под его правилами, сколько нарушений перехвачено и сколько ущерба допущено.

Из этой расстановки сил вырастает трезвая доктрина отношений «Сложного человека» с государством — «Государство как сервис». Пробужденный оператор избавляется от двух детских неврозов: этатистского экстаза, требующего раствориться в бюрократической мифологии, и диссидентской истерики, сжигающей единственную жизнь в борьбе с ветряными мельницами. Национальная юрисдикция воспринимается функционально — как крупный поставщик общественных благ: дорог, электросетей, обороны, правопорядка. Налог в этой оптике перестает быть сакральной данью или поводом для кухонного жульничества; это абонентская плата за ровный асфальт, устойчивую частоту в сети и безопасность. Тариф оплачен — обязательство закрыто. «Сложный человек» соблюдает безупречную правовую гигиену там, где живет, закрывает формальные запросы инстанций выгрузками из своих журналов — и при этом не складывает все резервы и вычислительные узлы в одну корзину.

Диверсификация не превращает его в безродного цифрового кочевника, жующего одинаковый пластиковый круассан в сменных коворкингах планеты. Напротив, опора на культурный, исторический и языковой корень дает ту самую вертикаль смыслов в контуре S5, которую не взломать глобальной повесткой потребления. А технологической опорой независимости становится суверенитет на уровне допуска. Обучение передовых моделей требует кластеров в гигаватты; в ускоренном сценарии Международного энергетического агентства мировое потребление дата-центров к 2035 году доходит до 1 700 тераватт-часов, и производство «сырого интеллекта» сосредотачивается у двух-трех энергетических империй. Но парадокс кибернетики переворачивает доску: чем дешевле генерация токенов, тем быстрее рента и власть утекают

из самой нейросети в слой контроля действий и испытаний. Шлюз доказывает допустимость вызова на обычном процессоре за доли миллисекунды — значит, тому, кто держит допуск, безразлично, где сожгли электричество на обучение модели. Чужая или открытая модель используется как сменный двигатель, а рулевая колонка, тормоза и ключ зажигания остаются у Архитектора.

Наконец, горизонтальная сеть «Сложных людей» защищена от предательства изнутри и от обрыва связи снаружи. Наивные кооперативы рушатся при первом подкупе одного участника. Распределенные реестры сети проектируются в расчете на активный саботаж части узлов: по теореме о византийских генералах (Лэмпорт, Шостак и Пиз, 1982) общая память остается целой, пока общее число узлов N не меньше утроенного числа предателей f плюс один:

$$N \geq 3f + 1$$

А когда магистральная связь падает — от аварии, урагана или отключения, — локальные серверы и терминалы участников сцепляются в ячеистую сеть поверх прямых радиоканалов и продолжают передавать журналы и память без сотовых операторов. Так старая формула Серафима Саровского — «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи» — получает сухой смысл сетевой инженерии: узел, откалиброванный до нулевой внутренней энтропии и защищенный математическим затвором, становится ядром кристаллизации для новой, антихрупкой ткани общества.

Сухой остаток. Новый капитал — не количество агентов, а качество правил, под которыми они работают, и квитанции, которые может проверить посторонний.

Протокол. Составить для своей работы или бизнеса три таблицы на одну страницу. Первая: какие действия в ближайший год может делать агент. Вторая: какие из них необратимы — деньги, удаление, обязательства, персональные данные. Тре-

тъя: правило «нет правила — нет действия» для каждой строки второй таблицы и имя человека, который его утверждает. Это и есть первый контракт «Сложного человека».

Эпилог. Черта и папка на столе

Настоящее — следствие прошлого и причина будущего. В этой сухой формуле зашит весь исходный код книги.

Жизнь либо случается с человеком — как хаотичный взрыв, без адреса и без осознания последствий, — либо управляется им. Управляется каждым микроскопическим решением, каждым поступком, который неизбежно приносит плоды. Маршрут этой книги начался в кабинете на четырнадцатом этаже, прошел через насос сломанных денег, пятидесятиэтажный человейник и вирус «разумного эгоизма», упал в цифровую клетку Торманса, уперся в теоремы о неполноте — и вывел к древнему чертежу, в котором внутренний стек человека и внешний контур управления оказались одной и той же схемой.

Весь этот многоярусный собор держится на трех балках, не допускающих двойного толкования.

1. Человек подписывает правило, а не действие.
2. Действие несет доказательство допустимости; недоказанное блокируется до исполнения.
3. Квитанцию проверяет посторонний, не доверяя на слово никому.

Внутри головы это значит: Хозяин колесницы задает границы, Совесть останавливает гнилой компромисс до того, как рука подписала бумагу, и честный внутренний аудитор не закрашивает слепые зоны зеленым. Снаружи — то же самое в кремнии: агенты исполняют, шлюз допускает только доказанное, журнал проверяет чужой. Это одна и та же кибернетика, только в разных масштабах.

* * *

Большинство и сейчас привычно занимается своими делами, ожидая, пока «оно» рассосется и «они» вернут все на круги своя. Логика атомарного человека проста: «В том, что касается моего кошелька, я — разумный эгоист. А с общим пусть разбираются они».

Но давление нарастает, и физических причин вернуться к «как было» нет. Цифровые деньги с программируемыми условиями, профили вместо прав, агенты с правом записи, обесценивание рутинного интеллекта — все это делает десятилетия алчного накопления бессмысленными. Пришло холодное понимание: с алгоритмом невозможно договориться. Табличкой Excel сверхинтеллект не остановить.

Искусственный интеллект лишен человеческой морали. Это абсолютное зеркало, математически точно масштабирующее то, что находится внутри наблюдателя. Если базовый код человека — страх, жажда контроля и конформизм, зеркало разворачивает Торманс: цифровой хоспис, где люди, мнящие себя хитрыми стратегами, работают батарейками старого мира. Если человек отказывается участвовать в круговой поруке компромиссов, зеркало компилирует «Аврору» — сеть, развернутую прямо внутри старого мира и защищенную криптографией совести. Эти две системы могут делить одну улицу, но их информационные реальности больше не пересекаются. «Аврора» побеждает не на баррикадах. Она выводит из Торманса труд, внимание и капитал — и старый мир высыхает.

Принять эту картину или нет — суверенный выбор каждого. Но тот, кто принимает, обнаруживает странную вещь: половина экзистенциальных проблем исчезает сразу. Мир лучше не стал. Просто в систему вернулся субъект.

* * *

Перед каждым, кто дочитал до этой страницы, лежат две дороги — Знание или Страдание. Эволюционный вектор

к полноте сознания зашит в код мироздания и не зависит от капризов отдельного эго; разница только в способе прохождения маршрута. Того, кто выбирает спать наяву, держится за картонную корону узурпатора и сдвигает черту совести на миллиметр в день ради копеечной выгоды, реальность учит принудительно: банкротствами, износом тела к сорока пяти, ледяным ужасом в четыре часа утра.

Путь Знания открывается в ту секунду, когда человек сам берет в руки скальпель различения, увольняет внутреннего самозванца и принимает тяжесть ответственности за свой узел реальности. Такой человек больше не ищет виноватых в мировых заговорах, не ждет спасения от вождей и не боится кремниевых роев.

Что конкретно делать?

Делать для людей не только то, за что платят, — и холодно наблюдать, что прорастает. Без привязки к результату. Решение — это семя, день — посев. Урожай придет, пусть и не по нашей эгоистичной шкале времени.

У кого есть ресурсы — вкладывать в то, что, возможно, никогда не принесет коммерческой прибыли. Не вместо бизнеса, а поверх него: в настоящую науку, в образование, в узлы новой сети. У кого ресурсов нет, есть энергия, воля и внимание. Инвестировать хотя бы минуту. Передать эту книгу тому, кому она нужна сейчас. Объяснить сыну то, что когда-то не объяснил отец. Сделать одну безупречную вещь в день, за которую никто никогда не заплатит.

Предиктивный алгоритм Торманса легко просчитывает того, кто действует из страха и жадности: у такого человека всего три кнопки, и все светятся красным. Но алгоритм слепнет перед тем, у кого эти кнопки отвалились за ненадобностью. Бескорыстное действие не оставляет цифрового следа корысти. Система умеет работать только с тем, кто берет. С тем, кто отдает, у нее нет общих интерфейсов.

* * *

Кто будет строить новую сеть?

Инженер, который после смены на ржавеющем объекте старого мира спускается в сырой подвал, находит там расстроенное пианино и упрямо нажимает на клавиши, высекая мелодию сквозь диссонанс — доказывая мертвому пространству, что он жив. Учитель физкультуры, который тренирует детей в холодном школьном зале без оглядки на фиктивные показатели министерства. Водитель, который в пять утра заводит мотор в ледяной темноте, чтобы привезти в поселок хлеб. Врач, который ищет причину, а не выписывает таблетку от симптома.

Эту невычислимую живую частоту не подделает ни одна модель. Она и есть доказательство человечности — то, с чего начинается любая сеть, которую старому миру не взломать.

* * *

Черту сдвигали вниз поколениями. Каждый думал, что его миллиметр не считается.

Обратный путь прокладывается так же — по миллиметру. Десятками мелких, невидимых решений в день. Миллиметр. Еще миллиметр. Незаметно для всех, кроме той внутренней арифметики, которая не теряет ни одной транзакции. Возвращать черту придется не за один год. Но каждый отвоеванный миллиметр меняет не только позицию на доске — он навсегда меняет того, кто на ней стоит.

Вся эта книга — про ту самую черту. Про то, что каждое сверхусилие, сделанное в тишине, когда никто не видит, — строка чистого кода, переписывающая реальность.

* * *

Рукопись, о которой я рассказал в прологе. Темная коричневая папка. За эти годы я открывал ее трижды — и каждый раз с ощущением, что внутри не иссохшая бумага, а живой голос.

Листы А4, плотно исписанные синей ручкой. Неровный почерк твердой руки. Человек тридцатого года рождения, про-

шедший войну ребенком и голод подростком, тридцать лет строивший то, что другие потом деловито растащили за месяцы. Химик по образованию, строитель по судьбе. Тот, кто спорил об идеологии и времени так, что в доме вибрировали стены.

На последних страницах своей жизни он писал не о себе. Он писал о стали, о тоннах, о курсе, объявленном стране, — о будущем, которое по привычке измерял выпуском самолетов и производством чугуна. Те цифры давно устарели. Но тревога, стоящая за ними, жжет руки, как вчерашняя.

Между листами лежала карта. Нарисованная той же синей ручкой, тем же почерком. Место захоронения. Рядом с мамой.

Выполнено.

Та рукопись написана на языке ушедшего Модерна. Многие сегодня с ностальгией смотрят туда, в эпоху железного слова и чести, не отдавая себе отчета: Модерн не вернется. Эпоха сменилась, и в новой эпохе считают уже не тонны чугуна, а правила, по которым работают машины.

Но код совести кроссплатформенный. В этой книге нет ни одной идеи, которую мудрецы не высказали бы тысячи лет назад. Новое здесь — только кибернетический синтез, язык интерфейсов, несколько прожитых историй и два предельно ясных варианта будущего.

Берите. Проверяйте. На территории собственной жизни — единственной лаборатории, которая имеет значение.

Просто делать. Свое. Безупречно. Каждый день. Без трусливой оглядки на то, делают ли это другие, и без истеричного требования немедленной справедливости от мира: справедливость уже встроена в исходный код, просто ее шестеренки вращаются на другом уровне.

Листы рукописи отчима больше не лежат в ящике стола. Они вошли в ДНК этой книги, и его почерк растворился в этих словах.

Папка лежит на столе. Открытая.

Глоссарий ключевых терминов

Каждая статья устроена в три слоя: инженерное или нейробиологическое определение; соответствие в аппарате Адвайта-веданты, санкхьи и йоги; прикладная проекция — как механизм работает в жизни человека и организации. Санскритские слова даны в упрощенной латинской записи.

Абхинивеша (*abhinivesha* — «цепляние за жизнь»)

Инженерное определение. Аппаратный прерыватель выживания: досмысловой сигнал угрозы исчезновения, запускаемый миндалиной и стволовыми структурами раньше, чем включается кора.

Ведический инвариант. Пятая клеша «Йога-сутр» (II.9): цепляние за продолжение жизни, одинаково сильное у невежды и у мудреца.

Прикладная проекция. Главный дата-брокер Матрицы: под его обеспечение выпущены все вторичные страхи — бедности, потери статуса, увольнения. Узнается по ледяной волне в четыре часа утра (глава 11).

Аварана-шакти и Викшепа-шакти (*avarana* — «покрывающая», *vikshepa* — «проецирующая»)

Инженерное определение. Двухтактный генератор иллюзии: сначала источник сигнала экранируется (изоляция пространств имен, шторка перед сервером), затем поверх пустоты рендерится правдоподобная картинка (байесовская достройка по Фристону).

Ведический инвариант. Две силы Майи у Шанкары: сокрытие истинной природы и наложение ложной формы.

Прикладная проекция. Экран монитора, заслоняющий сервер за спиной, и 3D-игра на нем. В жизни — «никакого Свидетеля нет, есть только этот счет и эта биография» плюс история, в которой человек всегда благородный рыцарь.

Авидья (*avidya* — «неведение»)

Инженерное определение. Ошибка корневой адресации: система принимает интерфейс за ядро и не видит собственного наблюдателя.

Ведический инвариант. Первая и корневая клеша, из которой растут остальные; в Адвайте — причина Майи.

Прикладная проекция. Не недостаток информации, а неправильная точка, из которой на нее смотрят. Лечится не знанием «о», а различием (*вивекой*).

Акарма (*akarma* — «не-деяние»)

Инженерное определение. Режим исполнения с нулевым остатком: максимальная внешняя скорость при неподвижном внутреннем экране, без утечки внимания в ожидание результата.

Ведический инвариант. «Бхагавад-гита» (IV.18): видящий бездействие в действии и действие в бездействии — мудр.

Прикладная проекция. Руки большого хирурга в критическую секунду, когда эго не стоит трюмбом между врачом и пациентом; адвокат, который отдал все позиции делу и отпустил исход.

Алгедонический канал

Инженерное определение. У Стаффорда Бира — выделенная линия сигнала «боль / удовольствие», которая бьет из нижних уровней системы напрямую в вершину, минуя штатную отчетность.

Ведический инвариант. Совесть: внутренний голос, который не уговаривает, а запрещает (даймон Сократа, *фитра* в исламе, закон, написанный на сердце, в христианстве).

Прикладная проекция. Мгновенный укол тошноты и холода в ту секунду, когда рука тянется подписать подлую бумагу. Ра-

ботаает в трехзначной логике: «чисто» — «нарушение» — «не измерено, значит стоп» (глава 8).

Асмита (*asmita* — «я-есмы-ность»)

Инженерное определение. Склейка наблюдателя с прибором наблюдения: оператор отождествляет себя с вычислительным модулем.

Ведический инвариант. «Йога-сутры» (II.6): мнимое тождество силы видения (*дрик-шакти*) и инструмента видения (*даршана-шакти*).

Прикладная проекция. «Я принимаю решения», «я — мой интеллект». Ловушка высокого IQ: чем острее ум, тем прочнее он строит стены собственной камеры (глава 1).

Аврора (протокол)

Инженерное определение. Оверлейная сеть суверенных узлов: беспамятные агенты, память и правила у человека, детерминированный шлюз допуска, квитанции, проверяемые посторонним.

Ведический инвариант. Линия Ефремова — «Туманность Андромеды» как альтернатива «Часу Быка»; в терминах Веданты — жизнь в согласии с дхармой.

Прикладная проекция. Не воюет с Тормансом, а выводит из него труд, внимание и капитал. Узнается по тихому обывательскому «нормально, так и должно быть» (глава 12).

Ахамкара (*ahamkara* — «делатель Я»)

Инженерное определение. Прокси-сервер «человек посередине»: сервисная утилита социальной маршрутизации, которая перехватила трафик между ядром и внешним миром и начала отвечать от имени администратора.

Ведический инвариант. В санкхье — принцип самоотождествления, ставящий клеймо «мое» на каждый опыт.

Прикладная проекция. Рекламный щит у парадного входа плюс ночная сказка себе. Пять контуров обороны — страх, важность, доза, эрозия внимания, проекция тени (глава 1).

Бхакти (*bhakti* — «преданность»)

Инженерное определение. Макроаттрактор: поле, которое собирает рассеянную витальную энергию в когерентный луч, как магнитный контур сжимает плазму.

Ведический инвариант. Путь преданности; у Спинозы — *amor Dei intellectualis*, интеллектуальная любовь к Богу или Природе.

Прикладная проекция. Не сентиментальность, а топливо реактора: гнев переплавляется в спокойную решимость, страх — в бдительность, ревность — в готовность закрыть собой слабого (глава 10).

Буддхи (*buddhi* — «различающий разум»)

Инженерное определение. Аналитический гипервизор: уровень, оперирующий категорией «истинно / ложно», способный остановить процесс командой kill.

Ведический инвариант. Высший интеллект, четвертая оболочка (*виджнянамайя-коша*); Возничий в образе колесницы «Катха-упанишады».

Прикладная проекция. Тот, кто видит на фляге знак яда, когда тело кричит от жажды. В модели Бира — разведка будущего S4.

Варнашрама (*varnashrama*)

Инженерное определение. Двумерная матрица социальной маршрутизации: четыре функциональных контура (варны) и четыре фазы жизненного цикла (ашрамы).

Ведический инвариант. «Бхагавад-гита» (IV.13): распределение по природным качествам и делам, а не по рождению.

Прикладная проекция. Брахманы — навигация и аудит (S5–S4), кшатрии — защита и управление (S3), вайшьи — обмен и ресурс (S2), шудры — мастерство (S1). Вырождение начинается, когда фильтр квалификации подменяют правом крови (глава 9).

Васаны и самскар (*vasana* — «склонность», *samskara* — «отпечаток»)

Инженерное определение. Синаптическая колея по правилу Хебба: однократный отпечаток (*самскара*), закрепленный повторением, превращается в бетонированное русло (*васану*).

Ведический инвариант. Цепочка «мысль — действие — самскара — васана — судьба»; у Вьясы — узлы рыболовной сети, тянущейся за сознанием.

Прикладная проекция. То, что на приемах называют «своим крутым нравом». Свобода живет только в зазоре между стимулом и реакцией.

Вивека (*viveka* — «различение»)

Инженерное определение. Сканер, отделяющий в каждом входящем пакете неизменную основу от наложенного поверх рендеринга; аналог формального верификатора, который не верит правдоподобному тексту.

Ведический инвариант. Первое из четырех средств пути знания у Шанкары («Вивекачудамани»).

Прикладная проекция. Четыре скальпеля главы 11: вопрос «кто сейчас злится?», трехсекундный пинг, фильтр Канта, зазор между мыслями.

Вайрагья (*vairagya* — «бесстрастие»)

Инженерное определение. Протокол отсечения питания стимуляции: отказ подпитывать старые колеи эмоциональной реакцией.

Ведический инвариант. Пара к вивеке в «Йога-сутрах» (I.12): практика и бесстрастие.

Прикладная проекция. Спокойный взгляд аудитора на чужую бухгалтерию соблазнов и угроз: билет на спектакль, где видны нитки, больше не покупается.

Гуны (*guna* — «нить»): саттва, раджас, тамас

Инженерное определение. Трехфазная модуляция состояния: тамас — инерция и энтропийный стазис, раджас — разгон и турбулентность, саттва — сверхпроводимость и минимальный шум.

Ведический инвариант. Три качества материи (*пракрити*) в санхье и XIV главе «Бхагавад-гиты».

Прикладная проекция. Тамас — вечер с сериалом, раджас — квартал без выходных, саттва — ясная голова после сна и чистой еды. Даже саттва — золотая цепь, если в ней поселился снобизм (глава 8).

Грантхи (*granthi* — «узел»)

Инженерное определение. Аппаратная защита от несанкционированного повышения привилегий, биологический аналог DRM.

Ведический инвариант. Три узла йогической традиции: Брахма-, Вишну- и Рудра-грантхи.

Прикладная проекция. Объясняет, почему взлом сознания «с черного хода» — химия, форсированное дыхание, экстремальные ретриты без этической подготовки — часто кончается психиатрической катастрофой.

DMN и TPN (*Default Mode Network* — сеть пассивного режима; *Task-Positive Network* — сеть целевой задачи)

Инженерное определение. Две крупные сети мозга, работающие как качели: DMN оживает, когда человек отвлекается, и крутит автобиографический сериал; TPN включается при полном погружении в задачу. Открытие DMN связано с работами Маркуса Райкла (2001).

Ведический инвариант. Состояния ума по Вьясе: от рассеянного (*кишпта*) до однонаправленного (*экаग्रата*).

Прикладная проекция. «Бетономешалка» самореференции против лазерной концентрации. Переключатель тренируется возвратами внимания — десять минут в заглушенной машине (глава 10).

Дхарма (*dharma* — «то, что держит»); Санатана-дхарма; Сва-дхарма

Инженерное определение. Системная политика: декларативный набор инвариантов, по которому решатель отличает

допустимый шаг от разрушительного. Сва-дхарма — индивидуальная спецификация узла, его «паз».

Ведический инвариант. Закон и истина как одно (Брихадараньяка I.4.14); «лучше своя дхарма, исполненная несовершенно, чем чужая, исполненная безупречно» (Гита III.35).

Прикладная проекция. Техника безопасности при работе с высоким напряжением сознания. На своей траектории человек работает без экзистенциального трения; в чужой роли выгорает за полгода (глава 9).

Закон необходимого разнообразия (У. Р. Эшби)

Инженерное определение. Регулятор удерживает систему, только если его разнообразие не меньше разнообразия возмущений за вычетом того, что гасят фильтры: $V_O \geq V_D - V_R$.

Ведический инвариант. Ослабитель разнообразия — *шауча* и *пратьяхара*; усилитель регуляции — остановка вихрей ума (*читта-вритти-ниродха*).

Прикладная проекция. Почему нет мирового кукловода: ни один мозг не вместит разнообразие планеты. Почему надсмотрщик-нейросеть не удерживает агента: одинаковое разнообразие не регулирует одинаковое.

Зазор между стимулом и реакцией

Инженерное определение. Буфер между входящим пингом и исходящим пакетом; у «спящего» оператора равен нулю.

Ведический инвариант. Позиция Свидетеля (*сакши-бхава*); пауза *пратьяхары*.

Прикладная проекция. Единственное место свободы воли внутри детерминированной колеи. Формулу «между стимулом и реакцией есть пространство» часто приписывают Виктору Франклу, хотя дословно в его книгах ее нет; смысл же — его.

Карма (карма — «действие»)

Инженерное определение. Контур обратной связи по Винеру и неизменяемый журнал: каждая запись поглощает отпечаток предыдущей, как в хэш-цепи $H_n = \text{SHA-256}(H_{n-1} \parallel P_n)$.

Ведический инвариант. Санчита (архив), прарабдха (запущенный транш текущей жизни), криямана (текущая запись), агами (вектор будущего).

Прикладная проекция. Не наказание, а учет. Окружающие в этой оптике — пунктуальные курьеры, доставляющие чек по собственным прошлым транзакциям (глава 9).

Квитанция доказанного действия

Инженерное определение. Запись о решении шлюза — допуск, блок или совет — вместе со слепком фактов и отпечатком правила, впаянная в хэш-цепь и заверенная внешним якорем времени.

Ведический инвариант. Ончейн-карма: действие оставляет неустранимый след.

Прикладная проекция. Вместо «поверьте нам» — «перепроверьте сами, офлайн». В экономике агентов — портфолио специалиста и доказательство добросовестности директора (глава 12).

Контракт-данные («нет правила — нет действия»)

Инженерное определение. Правило допуска, записанное не текстом в промпте и не ветвлениями кода, а декларативными данными, которые читает решатель; по умолчанию все, что не разрешено, запрещено.

Ведический инвариант. Санатана-дхарма как декларативный устав над процедурными регламентами.

Прикладная проекция. Человек утверждает правило один раз — и больше не нажимает «Подтвердить» на каждое действие. Первое умение «Сложного человека».

Майя и Адхьяса (*mayā* — «то, что измеряет»; *adhyasa* — «наложение»)

Инженерное определение. Реляционная виртуальная среда: не абсолютное бытие и не пустая выдумка; рендеринг поверх неизменной основы.

Ведический инвариант. У Шанкары — неопиcуемая (*анир-вачания*) сила иллюзии; эталон — веревка, принятая в сумерках за змею.

Прикладная проекция. Человечество веками строит бункеры от веревки и глотает таблетки от веревки. Лечит не кувалда, а фонарь (глава 7).

Модель жизнеспособной системы (VSM, Стаффорд Бир): S1–S5 и S3*

Инженерное определение. Пять функций любой устойчивой системы: S1 — исполнение, S2 — гашение колебаний, S3 — оперативное управление, S3* — независимый аудит, S4 — разведка будущего, S5 — идентичность и политика.

Ведический инвариант. Колесница «Катха-упанишады»: повозка, упряжь, вожжи, возничий, хозяин.

Прикладная проекция. В психике — от тела до Свидетеля; в корпорации эпохи ИИ — агенты в S1, шлюз в S3*, человек в S5. «Человек подписывает правило, а не действие».

Нишкама-карма и Карма-йога (*nishkama* — «без желания плодов»)

Инженерное определение. Бессерверный режим (*Scale to Zero*): вызов — контейнер разворачивается — задача решена с предельным КПД — инстанс схлопывается, не оставляя зависших потоков и кэша обид.

Ведический инвариант. «Бхагавад-гита» (II.47): право — только на действие, не на плоды.

Прикладная проекция. Сто процентов в работе и отпущенный исход. Вырезает четыре бага: сцепку самооценки с результатом, иллюзию единоличного авторства, скрытый торг и духовный материализм.

Нормализация отклонений (Д. Вон)

Инженерное определение. Механизм, при котором каждое пережитое без аварии отклонение от нормы переписывают в новую норму, пока следующее отклонение не станет катастрофой.

Ведический инвариант. Накопление *васан*: каждый малый компромисс прорезает колею глубже.

Прикладная проекция. «Челленджер» (1986) и сдвиг черты на миллиметр в день: первый откат — со стыдом, сотый — рутинный KPI (глава 4).

Панча-коша (*pancha-kosha* — «пять оболочек»)

Инженерное определение. Многоуровневая модель вроде сетевой OSI: каждый слой работает на своей частоте и общается с соседями через интерфейсы.

Ведический инвариант. «Тайттирия-упанишада»: оболочки пищи, праны, ума, разума и блаженства.

Прикладная проекция. Сбой наверху выжигает низ: пробой смысла оборачивается бессонницей и иммунитетом; ремонт идет и снизу (тело, сон, еда), и сверху (смысл).

Пратьяхара (*pratyahara* — «отвод чувств»)

Инженерное определение. Аппаратное отключение входных портов: внимание перестает отвечать на каждый пинг.

Ведический инвариант. Пятая ступень йоги Патанджали; у Вясы — пчелиный рой, который садится вслед за маткой.

Прикладная проекция. Десять минут в заглушенной машине на пустой парковке без смартфона. Перекур у черного входа — бессознательная и самая дорогая ее имитация.

Пуруша и Праkritи (*purusha* — «дух», *prakriti* — «природа»)

Инженерное определение. Два регистра: *праkritи* — все измеряемое, токенизируемое и вычисляемое; *пуруша* — безмолвный свидетель исполнения.

Ведический инвариант. Дуализм санкхьи; в Адвайте — снимается: *праkritи* развернута внутри сознания.

Прикладная проекция. Зритель в кинозале и фильм на экране. Пока зритель задыхается от батальной сцены, он забыл о кресле.

Простые и Сложные

Инженерное определение. Бифуркация по когнитивно-волевому порогу: «Простой» — предсказуемый скрипт контура S1, нажимающий Арпрове; «Сложный» — архитектор правил контура S5.

Ведический инвариант. Различие между человеком, отождествленным с ахамкарой, и человеком, вернувшимся в позицию Свидетеля.

Прикладная проекция. Граница идет не по счету в банке и не по диплому. Банкир, подписавший сделку «не различать в обмен на покой», — «Простой»; учитель с внутренним стержнем — «Сложный» (глава 6).

Root-доступ

Инженерное определение. Права суперпользователя: возможность изменить корневые настройки системы, а не только пользоваться ее интерфейсом.

Ведический инвариант. Мокша — освобождение; позиция Атмана, никогда не терявшего своих прав.

Прикладная проекция. Не приобретается, а освобождается вычитанием шума («нет-нет»). Признак — теплая ирония к собственной программе и неуязвимость для страха и лести (глава 11).

Сакшин и Атман (*sakshin* — «свидетель», *atman* — «самость»)

Инженерное определение. Внешняя метасистема по отношению к рассудку: позиция, из которой ум становится проверяемым объектом.

Ведический инвариант. Атман тождествен Брахману («Ты есть То», Чхандогья VI.8.7); свидетель трех состояний — бодрствования, сна и глубокого сна.

Прикладная проекция. Тот, кто открывает глаза после сна, в котором «погиб». Тот, кому нечего бояться в четыре часа утра.

Сат-Чит-Ананда (*sat* — «бытие», *chit* — «сознание», *ananda* — «полнота»)

Инженерное определение. Три инварианта ядра: платформа, которую невозможно удалить; светоносность, делающая бит прочитанным; полнота без внутреннего дефицита.

Ведический инвариант. Определение Брахмана в Адвайте.

Прикладная проекция. Суррогат «ананды» — короткий дофаминовый спад после достигнутой цели. Подлинная полнота не зависит от транзакций.

Территория демонтажа

Инженерное определение. Отформатированный носитель: страна или отрасль, где сложный легаси-код снесен, чтобы установить новую внешнюю систему.

Ведический инвариант. Кали-юга как перевернутая варнашрама: власть у контура обмена, смысл в аренде.

Прикладная проекция. Площадку выравнивают сами аборигены — за краткосрочную маржу. Гранты, консультанты, вечная реформа как генератор мутной воды (глава 5).

Торманс

Инженерное определение. Цифровой саркофаг: программируемые деньги, профиль вместо прав, алгоритмическая изоляция, базовый паек в обмен на отказ от субъектности.

Ведический инвариант. Планета из романа Ивана Ефремова «Час Быка» (1968).

Прикладная проекция. Никто никого не убил; запах лаванды из диспенсера, зеленый диод на браслете внука. Строится не злодеями, а суммой приличных компромиссов (глава 6).

Турия (*turiya* — «четвертое»)

Инженерное определение. Не четвертое состояние среди прочих, а экран, на котором показываются бодрствование, сновидения и глубокий сон.

Ведический инвариант. «Мандукья-упанишада».

Прикладная проекция. Зазор между погасшей и еще не родившейся мыслью; одинаков на океанском берегу и на московской кухне под гул чайника (глава 11).

Усталость подтверждения (*approval fatigue*)

Инженерное определение. Усталостное разрушение внимания контролера при потоке однотипных запросов: после сотен корректных окон рука на рефлексе жмет «Разрешить».

Ведический инвариант. Обратная сторона *экаграты*: внимание, раздробленное прерываниями, вырождается в *кишпту*.

Прикладная проекция. Кнопка «Подтвердить» превращает человека в биологическую прокладку для чужой ошибки и юридический громоотвод. Лечится не бдительностью, а правилом вместо подтверждения (глава 6).

Шад-рипу (*shad-ripu* — «шесть врагов»)

Инженерное определение. Шесть уязвимостей нулевого дня: кама (запрос стимуляции), кродха (короткое замыкание гнева), лобха (утечка памяти алчности), моха (подмена маршрутов), мада (опьянение статусом), матсарья (зависть).

Ведический инвариант. Шесть внутренних врагов; в «Артхашастре» Каутильи победа над ними — первое условие царя.

Прикладная проекция. Через эти порты внешняя матрица перехватывает руль у спящего оператора. Узнаются по фразам: «еще немного», «он сам виноват», «мне положено».

Шауча (*shaucha* — «чистота»)

Инженерное определение. Входной фильтр: ослабитель разнообразия возмущений на биохимическом и информационном уровне.

Ведический инвариант. Первое из правил *ниямы* у Патанджали.

Прикладная проекция. Чистое топливо для тела и информационная диета для ума — без токсичного новостного фона и алгоритмических провокаций (глава 10).

Шлюз допуска (детерминированный; вердикты UNSAT, SAT, «не измерено»)

Инженерное определение. Пограничник между рассуждением агента и действием в мире: перехватывает конечный набор фактов вызова и проверяет его формальным решателем против

правила. UNSAT — нарушение невозможно, допуск; SAT — найден контрпример, блок; «не измерено» — блок.

Ведический инвариант. Совесть как S_3^* : независимый аудит, бьющий мимо адвокатуры ума.

Прикладная проекция. Рассуждения машины остаются свободными, действия — строгими. Пример такого шлюза — MITR (глава 12).

Эффект Кантильона

Инженерное определение. Задержка распространения новой денежной массы по сети: первые получатели покупают по старым ценам, последние — по новым.

Ведический инвариант. Астейя наоборот: присвоение чужого труда мимо эквивалентного обмена.

Прикладная проекция. Инфляция как насос, перекачивающий прожитое время специалиста к тем, кто сидит у эмиссионной трубы (глава 2).

Список использованной литературы

Описания составлены по ГОСТ Р 7.0.100–2018 в сокращенном виде, принятом для коммерческих изданий. Русские издания указаны там, где выходные данные проверены; в остальных случаях — первое издание на языке оригинала. Для классических и древних текстов дано название и время создания: читатель найдет их в любом академическом переводе.

Кибернетика, теория систем и вычислений

1. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. — Москва : Советское радио, 1979.
2. Альтшуллер Г. С. Найти идею: введение в теорию решения изобретательских задач. — Новосибирск : Наука, 1986.
3. Бир С. Кибернетика и управление производством. — 2-е изд. — Москва : Наука, 1965.
4. Бир С. Мозг фирмы. — Москва : Радио и связь, 1993.
5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — 2-е изд. — Москва : Советское радио, 1968.
6. Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. — Москва : Наука, 1982.
7. Поспелов Д. А. Ситуационное управление: теория и практика. — Москва : Наука, 1986.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. — Москва : Прогресс, 1986.

9. Растрингин Л. А. Адаптация сложных систем. — Рига : Зинатне, 1981.
10. Хакен Г. Синергетика. — Москва : Мир, 1980.
11. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959.
12. Эшби У. Р. Конструкция мозга. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1962.
13. Bak P. How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality. — New York : Copernicus, 1996.
14. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. — 1931. — Bd. 38. — S. 173–198.
15. Goodfellow I. [et al.] Generative Adversarial Nets // Advances in Neural Information Processing Systems 27. — 2014.
16. Lamport L., Shostak R., Pease M. The Byzantine Generals Problem // ACM Transactions on Programming Languages and Systems. — 1982. — Vol. 4, no. 3. — P. 382–401.
17. Rice H. G. Classes of Recursively Enumerable Sets and Their Decision Problems // Transactions of the American Mathematical Society. — 1953. — Vol. 74. — P. 358–366.
18. Shamir A. How to Share a Secret // Communications of the ACM. — 1979. — Vol. 22, no. 11. — P. 612–613.
19. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. — 1948. — Vol. 27. — P. 379–423, 623–656.
20. Spencer-Brown G. Laws of Form. — London : Allen & Unwin, 1969.
21. Turing A. M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. — 1936. — Ser. 2, vol. 42. — P. 230–265.
22. Vaswani A. [et al.] Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems 30. — 2017.

Первоисточники Адвайта-веданты, йоги и философская классика

23. Атма-бодха (Постижение Атмана) — трактат, традиционно приписываемый Ади Шанкаре (VIII в.).
24. Вивекачудамани (Драгоценный венец различения) — трактат, традиционно приписываемый Ади Шанкаре (VIII в.).
25. Бхагавад-гита (I тыс. до н. э. — начало н. э.).
26. Упанишады: Брихадараньяка, Чхандогья, Катха, Тайттирия, Мандукья, Иша (I тыс. до н. э.).
27. Йога-сутры Патанджали с комментарием «Вьяса-бхашья» (ок. IV–V вв.).
28. Санкхья-карика Ишваракришны (ок. IV–V вв.).
29. Законы Ману (Ману-смирти).
30. Рамана Махарши. Кто я? (Наан Яр).
31. Шри Ауробиндо. Жизнь Божественная (1939–1940).
32. Трунгпа Ч. Преодоление духовного материализма (1973).
33. Платон. Государство.
34. Марк Аврелий. Наедине с собой.
35. Спиноза Б. Этика (1677).
36. Кант И. Критика чистого разума (1781); Основоположение к метафизике нравов (1785).
37. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление (1819).
38. Кришнамурти Дж. Свобода от известного (1969).

Когнитивные науки, экономика, общество и искусственный интеллект

39. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. — Москва ; Санкт-Петербург : Медиум ; Ювента, 1997.
40. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. — Москва : Европа, 2008.
41. Дебор Г. Общество спектакля. — Москва : Логос, 2000.

42. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. — Москва : Центрполиграф, 1995.
43. Зиновьев А. А. Глобальный человек. — Москва : Центрполиграф, 1997.
44. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. — Москва : Центрполиграф, 2000.
45. Луман Н. Общество общества. — Москва : Логос, 2011.
46. Маркузе Г. Одномерный человек. — Москва : REFL-book, 1994.
47. Медоуз Д. Х. [и др.] Пределы роста. — Москва : Издательство МГУ, 1991.
48. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. — Москва : АСТ, 2016.
49. Поппер К. Открытое общество и его враги. — Москва : Феникс ; Культурная инициатива, 1992.
50. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2019.
51. Талей Н. Н. Рискуют собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. — Москва : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2018.
52. Франкл В. Человек в поисках смысла. — Москва : Прогресс, 1990.
53. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. — Москва : Синдбад, 2018.
54. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2011.
55. Шрёдингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1947.
56. Alden L. Broken Money: Why Our Financial System Is Failing Us and How We Can Make It Better. — Timestamp Press, 2023.
57. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. — New York : Basic Books, 1984.

58. Brynjolfsson E., Chandar B., Chen R. Canaries in the Coal Mine? Six Facts about the Recent Employment Effects of Artificial Intelligence. — Stanford Digital Economy Lab, 2025 (ред. 2026).
59. Burke K. A Grammar of Motives. — New York : Prentice-Hall, 1945.
60. Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en général. — 1755.
61. Chalmers D. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. — 1995. — Vol. 2, no. 3. — P. 200–219.
62. Deaner R. O., Khera A. V., Platt M. L. Monkeys Pay Per View: Adaptive Valuation of Social Images by Rhesus Macaques // Current Biology. — 2005. — Vol. 15, no. 6. — P. 543–548.
63. Friston K. The Free-Energy Principle: A Unified Brain Theory? // Nature Reviews Neuroscience. — 2010. — Vol. 11. — P. 127–138.
64. Gordon R. J. The Rise and Fall of American Growth. — Princeton : Princeton University Press, 2016.
65. Hebb D. O. The Organization of Behavior. — New York : Wiley, 1949.
66. Hölzel B. K. [et al.] Mindfulness Practice Leads to Increases in Regional Brain Gray Matter Density // Psychiatry Research: Neuroimaging. — 2011. — Vol. 191, no. 1. — P. 36–43.
67. Jevons W. S. The Coal Question. — London : Macmillan, 1865.
68. King A., Schneider B. The First Global Revolution. — New York : Pantheon Books, 1991.
69. Kulveit J. [et al.] Gradual Disempowerment: Systemic Existential Risks from Incremental AI Development. — arXiv:2501.16946, 2025.
70. Lazar S. W. [et al.] Meditation Experience Is Associated with Increased Cortical Thickness // NeuroReport. — 2005. — Vol. 16, no. 17. — P. 1893–1897.

71. Libet B. [et al.] Time of Conscious Intention to Act in Relation to Onset of Cerebral Activity (Readiness-Potential) // Brain. — 1983. — Vol. 106. — P. 623–642.
72. Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. — 1992. — Vol. 22, no. 3. — P. 54–68.
73. Mazzucato M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. — London : Anthem Press, 2013.
74. Ohmae K. The End of the Nation State. — New York : Free Press, 1995.
75. Raichle M. E. [et al.] A Default Mode of Brain Function // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2001. — Vol. 98, no. 2. — P. 676–682.
76. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
77. Seth A. Being You: A New Science of Consciousness. — London : Faber & Faber, 2021.
78. Skinner B. F. Beyond Freedom and Dignity. — New York : Knopf, 1971.
79. Vaughan D. The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture, and Deviance at NASA. — Chicago : University of Chicago Press, 1996.
80. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. — New York : PublicAffairs, 2019.

Литературные и социальные модели

81. Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско (1915).
82. Ефремов И. А. Туманность Андромеды (1957).
83. Ефремов И. А. Лезвие бритвы (1963).
84. Ефремов И. А. Час Быка (1968–1970).
85. Оруэлл Дж. 1984 (1949).
86. Рэнд А. Атлант расправил плечи (1957).
87. Хаксли О. О дивный новый мир (1932).